

В. П. Федорова
**ЧЕЛОВЕК И СЛОВО
В ЗАГОВОРАХ:
Южное Зауралье.
Конец XX века**

*Администрация (Правительство) Курганской области
Курганский государственный университет*

В. П. Федорова

**Человек и слово
в заговорах:
Южное Зауралье.
Конец XX века**

Монография

Курган 2003

Книга печатается по заказу
Администрации (Правительства)
Курганской области

УДК 398
ББК 81.2Р-43-002.1
Ф-33

Федорова В.П. Человек и слово в заговорах: Южное
Зауралье. Конец XX века. Монография. — Курган, 2003. —
288 с.

Книга — второе, дополненное и исправленное издание
одноименной монографии, вышедшей в издательстве Кур-
ганского государственного университета (2001 год). Она
посвящена исследованию бытования заговоров на земле
Курганской в конце XX века. Предпринята попытка раз-
гадать тайну истоков магии слова заговоров, рассматрива-
ются исторические судьбы отдельных сюжетов и своеоб-
разие связей заговоров с действительностью. Основной ра-
боты являются первичные материалы кафедры литерату-
ры в записях последних 30 лет. Широко приводятся тек-
сты.

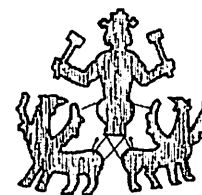
Адресуется студентам, преподавателям университетов и
всем, кто интересуется народной культурой края русским
фольклором, ярким, искрометным словом, менталитетом рус-
ского человека.

Ответственный редактор С.В. Минеева.

Рецензенты:
В.Ф. Потанин, писатель;
научно-методический центр по
культуре «Лад».

ISBN 5-86328-334-3

© Курганский
государственный
университет, 2003

ВВЕДЕНИЕ

Слово крепко, слово лепко,
Крепче камня,
Крепче булатного ножа.

Из заговора.

Заговоры. Ими восторгался А.А. Блок, знавший и це-
нивший тайну магической силы слова. Они были пред-
метом серьезного внимания отечественной науки. Пере-
жили заговоры и время насильственного искоренения их
как «пережитков темной старины». Официальная идео-
логия действовала напористо, но люди пользовались «сло-
вами», знали знахарок, ходили к ним, перенимали заговоры
из уст в уста.

Наступление на древние формы народной культуры ска-
залось и на собирательской работе. Знатоки заговоров да-
леко не всегда делились своими знаниями. Правда, при этом
необходимо учитывать убежденность знахарок в том, что це-
лительное слово нельзя «трепать попусту». Оно должно
произноситься в двух случаях. Первый — помогать чело-
веку. Второй — передаваться ученику, который должен быть
моложе учителя. Но кропотливая работа преподавателей и
студентов Курганского государственного университета (ранее
— Курганский государственный пединститут) позволила
сформировать значительную коллекцию заговоров, которая
и положена в основу данного исследования. Наиболее пол-
ные, интересные тексты записаны в основном не в экспеди-
циях, а в индивидуальных встречах. В экспедициях записы-
вались, главным образом, заговоры «на зубы», от ячменя, дет-
ской бессонницы, грыжи, икоты, ожога, на остановку крови.

*Шатровский район.
Ильшо. Старинный
дом с обегом
"коньком". 1994 г.
Фото Б.Владимирова.*

*Курганская область.
Свадебное полотенце.
Конец XIX века.*

*Шатровский район.
Ключи. Самый старый
дом с обегом -
"коньком". 1989 г.*

*Курганская область.
Белозерский район.
Перишино.
"Курья" - помещение
для хранения зерна.
Поставлена на тнях -
"курьих поизках".*

Только длительное или близкое знакомство (через повторные экспедиции) с носителями заговоров позволяло добыть присушки, заговоры от порчи, пьянства и т.д.

В монографии предпринимается первая попытка выявить своеобразие жизни жанра заговоров в конце XX века в своеобразном регионе — Южном Зауралье (Курганская область). Отметим, что в 2001 году вышел в Шадринске сборник заговоров, который составили В.П.Тимофеев, В.Н.Бекетова, М.А. Колмогорцев «Замкну замки замками: Заговорно — заклинательная поэзия Шадринского края». В него вошло 200 текстов. Сборник и предлагаемое нами исследование дают представление о жизни заговоров в Зауралье на исходе второго тысячелетия.

Регион имеет неповторимую историю, а также своеобразные социальные и экономические условия. Переселенцы с Русского Севера, осевшие в крае, принесли и во многом сохранили вплоть до середины XX века многие черты традиционной культуры родных мест еще XVII — XVIII веков. Более поздний поток из центральных губерний оттаивался на новых землях целыми деревнями, что способствовало консервации крестьянских традиций. В Щеграх Мокроусовского района сохранились курские песни и курский говор. Давыдовка и Березовское Притобольного района до сих пор называются смоляками. Компактное поселение «своих» помогало сохранять старинные пласты культуры.

Отсутствие значительных городов способствовало консервации старины, в том числе и заговоров. Нельзя не учитывать роль значительного слоя старообрядцев в сбережении древних традиций. Так что заговоры оказались в благоприятной обстановке устоявшейся старины, что способствовало их сохранению и активному бытованию.

В настоящее время заметен интерес к региональной народной культуре, в том числе и к региональному фольклору. Ведущими становятся понятия «региональность», «локальность», «специфичность». Общенациональная, ре-

гиональная, локальная культура функционирует в виде комплекса различных форм: предметных (быт), вербальных (язык и собственно словесное творчество), акциональных (обряды, обычаи, типы трудовой деятельности), ментальных (верования, ценности), социальных. Поэтому говоря о заговорах, необходимо отметить и специфику состояния других форм культуры. Однако региональные традиции не отгорожены высоким забором от общерусской. Они неразрывно слиты в диалектическое единство. Антинаучно и антиисторично «измерять» русский фольклор только региональными единицами.¹ Вместе с тем, только региональные традиции позволяют судить об общерусском фольклоре, его исторических судьбах, утратах,

*Курганская область. Районный центр Глядяское. Середина XX века.
Фото Жарова В.И. 1983 г.*

приобретениях. Предупреждая от ошибки уравнивания общерусских и региональных начал, известный теоретик фольклора В.П. Аникин увидел их отношения так: «По существующим в науке общим трактовкам соотношение общерусской традиции и ее местных проявлений идентично отношению общего и единичного. Общее существует в единичном, конкретном, а единичное, конкретное

неотделимо от общего, которое составляет суть единичного и конкретного. Это в полной мере относится и к фольклору — к его общим свойствам, общерусским закономерностям, качествам, а также местным чертам. Соотношение общерусского и местного начала в фольклоре — частное подтверждение истинности реальной жизненной диалектики»². Общерусское предполагает типологию; региональное в рамках общерусского проявляет избирательность относительно жанровой системы, сюжетов, мотивов, тематики, персонажей, типов структур произведений, стиля, языка. Так, региональное своеобразие фольклорной традиции Уральского промышленного региона выражено «в рабочей, горнозаводской сути уральского фольклора. Исторически он сформировался и развился в среде русских рабочих промышленного Урала, отразив их мировоззрение, гражданскую активность, нравственность, образно-художественное восприятие действительности»³. О региональной специфике заговоров заявлено в ряде региональных сборников.

В 1997 году изданы «Нижегородские заговоры» (в записях XIX — XX веков), а также заговоры Сибири и Дальнего Востока⁴.

В основу нашей работы положены записи 70-х — 90-х годов XX века. Коллекцию составляют около 600 текстов. Незначительность материалов прошлого не позволяет сделать исторический срез. Несколько заговоров опубликовано в «Великорусских заклинаниях» Л.Н. Майкова⁵, в «Ежегоднике Тобольского музея», два текста в рукописном сборнике духовных стихов (конец XVIII — начало XIX века) №46, который находится в Тобольском архиве (С.80 — 81 об.)⁶, четыре в рукописном журнале известного математика И.М. Первушина (Государственный архив Свердловской области. Ф. 101, оп. 1, д. 600. С. 454 — 456). Однако записи последней четверти XX века дают основание для наблюдений и выводов о состоянии заговоров в Южном Зауралье на исходе второго тысячелетия. В монографии не ставится

цель провести сопоставительный анализ заговоров разных региональных традиций. Наши задачи ограничиваются введением в научный оборот текстов заговоров, анализом своеобразия их бытования в Южном Зауралье, степени устойчивости и трансформации текстов. В аспекте задач исследования заговор «на зубы».

Наблюдения и выводы выстроены на основе первичных записей. Я имею печальный опыт называния имени знающего заговоров. Дети укоряли мать за то, что она их «позорит» рассказами о пользовании приворожками. Расположенная ко мне «старуня» замкнулась. Поэтому даются ссылки на коллекции архива кафедры литературы Курганского государственного университета (КГУ). Варианты заговоров от детских болезней представлены паспортизованными, так как их широкое бытование снимает налет «тайности». Кроме того, считается, что лечить ребенка хотя бы элементарными заговорами должна каждая мать. Поэтому крамолы в опубликовании фамилий и имен носителей традиции нет. Зато есть возможность увидеть географическую приуроченность заговоров и среду их знающих. Кроме экспедиционных материалов в архиве имеются записи студентов Курганского государственного университета (КГУ). Сделаны ссылки на их работы. Использован личный архив автора. Номера коллекций соответствуют году записи заговоров.

В Приложение вынесены заговоры от детских болезней (сглаза, уроков, переполохов, родимца, бессонницы). Тексты позволяют видеть сложную жизнь этого типа «наговоров». С одной стороны, лекари знают, что болезнь требует строго, определенного текста и магических действий. Заметно нарушение традиции: один заговор направлен против урока и испуга. В других случаях для лечения одной болезни привлекаются два разных текста, хотя знахарки знают, что «болезнь надо назвать точно». Более устойчиво представление о характере лечения бессонницы. С разрешения знатоков заговоров из села Петровского

приводим их репертуар, чтобы дать представление о том, что сейчас из традиционного наследия живо, и как к нему относятся. Заговоры, по представлению информантов, противопоставлены колдовству. Их надо перенимать и приносить пользу людям. Колдовство — греховное зло, наказуемое Богом и людьми. Рассказанные былички о наказании «колдовок» приводятся.

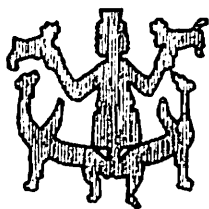
Представляет интерес репертуар одного человека, в силу слова которого верят. Участникам экспедиции КГУ в лето 2001 года посчастливилось познакомиться с Л.Г. Худяковой (1951 г.р.), живущей в поселке Стеклозаводе. Она, конечно, не рядовой знаток нескольких заговоров, она — лекарь. С ее позволения предлагаем тексты, которые она сказала. Приводится «репертуар» М.М.Ситниковой (село Больше-Курейное Макушинского р-на).

Указываются коллекция, страница или номер текста. Думается, данная работа расширит представления о региональном бытовании интереснейшего жанра, в котором заклинающий человек «властен над природой, она служит только ему»⁷, властен над могущественным словом.

Эта книга состоялась только потому, что живут в Зауралье талантливые бережливые люди. Они не исковеркали ту руду, «где блещет золото неподдельной поэзии»⁸. Низкий поклон старуням, пронесшим через лихолетье дивные «слова» — частицу национального нашего богатства. Спасибо молодым женщинам, перенявшим у старшего поколения древнейшие знания. Можно верить в заговоры, можно не верить, но нельзя не видеть в них мощь человеческого разума, творчества, выпрямленность и самостоятельность человека, осваивающего мир.

Спасибо всем, кто помогал пополнять архив.

В. Федорова.

I. СВОЕОБРАЗИЕ БЫТОВАНИЯ ЗАГОВОРОВ

Зауралье отличается стабильностью старинных крестьянских традиций, что способствовало «живучести» заговоров. В Шатровском районе до сих пор сохранился прежний обычай провожать в армию. Призывника после прощального стола молодые люди несут на руках за село — до автобуса (автомобиля). Идет до дороги все село. Так было в старину. Проводы в армию напоминают проводы покойного («Ильино — 86». С. 38). В сознании наших современников на этом не акцентируется внимание. Обычай воспринимается как проявление уважения к призывнику. Забыт архетип вредоносности существа, который переживает переходную стадию, отрывается от одного мира, мира живых и родных, но близко стоит к «иному» миру. Бессрочная или двадцатипятилетняя служба уподоблялась смерти для нормальной, обычной жизни. Не случайно причитания по поводу проводов на военную службу рекрута дословно сохраняли основные формулы проводов умершего на «житье вековечное, на тот белый свет» («Ты куда собираешься?», «В какую путь дорогу отправляешься?»). В.И. Еремина выявила, что «проводы покойного и проводы на «чужую дальнюю сторону» рекрута получили в народе очень близкие формы выражения»¹. У солдата смерть стоит за плечами, поэтому люди считали нужным вынести его на руках за село, чтобы он не наступал на землю, не передавал бы ей те свойства, которые родят его с покойным, то есть мертвенность, неурожай, неплодоспособность. Истоки обычая забыты сейчас, но он исполняется

по традиции, как было заведено встарь. Прежде люди оберегали себя от воздействия нового положения человека, отданного в рекруты. Теперь выражают дань уважения к односельчанину, которому предстоит нелегкая жизнь и важные дела.

В обычае проводов в армию сохранился также архетип нити как оберега, как символа жизни. В Шадринском, Каргопольском, Шатровском, Далматовском районах призывник прибывает на угол дома три платочка, подаренных односельчанками — ровесницами.

Особенно много пережитков мифологического сознания в похоронном обряде. Представления о единстве «того» света и «этого» живы. Так, в селах по Тебеняку с покойным передают приветы своим покойным родственникам. Одна женщина увидела во сне: «Мамонька просила кофту, в коей благословляли. Это когда еще замуж выходила. О кофте и помину уже нету. Купила кофту, выслала с очередным покойником. Сказала: «Передай мамоньке» («Першино — 2000». С. 52). Сохранились поверья о вреде «заложных» покойников (самоубийц, утопленников). После их гибели 40 дней не ждут дождя. В Першине «и как раз не капнуло ни капли, как повесился Сашка С. Конечно, 40 дней не дошло — дня три, четыре» («Першино — 2000». С. 53). Живы многочисленные приметы. Бытуют былички о мертвецах, домовых, «порченных» (нечистых) местах. Повсеместно известны легенды с сюжетом о наказании преступлений против сакральных предметов (храмов, икон, книг). В аспекте нашего исследования необходимо сказать о вере в могущество слова — хорошего и дурного. От матерного слова женщины говорят, вздрагивает земля и падают Богородица. Оно отнимает счастье у детей и рушит хозяйство. В Сунгурове Мокроусовского района вера в возврат слова и дела необычайно велика. Плохие слова и дела должны вернуться на того, кто сказал или что — то сделал. Добро скажется добром, а зло возвратится злом.

Шейн Кузьма Николаевич (1912 г.р.) говорил участни-

кам экспедиции КГУ 1995 года:

«Не бери чужого, свое потеряешь. Не смейся над бедой и не делай беды близким. Вернется той же бедой. Знать-то, есть какая-то сила, там она, наверху. Не видно ее, а по делам заметно. Один раз пришел я в магазин, а болел туберкулезом. Это лет тридцать назад. Впереди одна такая вострая стояла: «Что, Кузьма, про смерть пришел запасать?». И так весело засмеялась. Я говорю, мол, от Нее крестом не отгородишься, не спрашивают, за кем придти. Обидно стало, и без нее знал, дело мое плохо. Я вот, слава Богу, живу. А ее давным-давно нет. Через год после того разговора заболела, и нет. И мужик ее уже давно ушел: через ручей шел и утонул. Вот и судите, как выходит. Или вот еще пример. Был у нас тут председатель сельсовета Конон. Так звали его. Это имя. В 1921 году голод был, погумать страшно. Этот председатель сельсовета к огненной погубивался. А ее хотел сватать наш деревенский. Так этот председатель сельсовета навешал на парня какую-то кражу. Судили парня, били. Не брал вину на себя, таковой срам. Не брал же, не за что осудили. Откликнулось уже после войны. Нагумал он (Конон) новую сударку завел. Она овдовела, жила со свекром. Свекор его подкараулил да как жажнул железным пестиком около косицы. Так ученый человек (мы с ним в Марайке ночевали, так сошлось) говорил мне, что есть сила которая всем руководит» («Сунгурово — 95». С. 39).

В условиях сохранения архаики не стали исключением и заговоры. Естественно, их сохранению способствуют утилитарные функции, однако нельзя не учитывать общефольклорный фон, а также сохранившиеся поверья о порче.

Материалы говорят о стабильности верований в многообразии объектов порчи. В первую очередь она направлена на человека. Способы наведения порчи также считаются различными. Самый простой из них — передать зло через наговор с питьем или едой. При сотворении зла

используется аналогия: с человеком рядом помещают что-либо мертвое или передают какой-то предмет, связанный с покойником. Поделилась своей давней бедой женщина 1920 года рождения: «Андрей пришел с войны. Так как жить ему было негде, то его приняла к себе пожилая женщина. Приняла она его как сына, так как была намного старше его. Андрей женился на мне. Эта женщина всегда старалась помешать нашей семейной жизни, хотя Андрею говорила, что он женился на хорошей женщине. Однажды я начала себя плохо чувствовать и даже стала худеть. С каждым днем мне становилось все хуже и хуже. И вот однажды я обнаружила в перине убитого птенчика, по моему, воробья. Птичка уже вся высохла. И я поняла, что эта женщина поймала птичку, привязала ее на осиновый крестик и положила мне в постель. Она пыталась мне навредить, так как полюбила Андрея не как сына, хотя понимала, что годится ему в матери» (СФ — 99. Тетр. Т. Колотовкиной. №12).

В другом тексте в качестве предмета порчи назван крестик, завернутый в блин — милостыню. Рассказ носит личностный характер: «У одной женщины умерла сестра, и она подавала милостыню по умершей — два блина. В одном из блинов я увидела крестик, который был в него завернут. Такая милостыня означает преждевременную смерть. Это так хотела от меня эта женщина избавиться» (СФ — 99. Тетр. Т. Колотовкиной. №10). В Першине Белозерского района и соседних селах верят, что порчу можно навести веревочкой, которой связывают ноги покойного, или веревкой, на которой кто-то повесился («Першино — 2000». С. 52 — 53).

Порча проявляется многообразно. Она отнимает здоровье, жизнерадостность. Человек зевает, его всего ломает, нападает тоска. Недоброе слово напускает лень, нежелание работать. По традиционным крестьянским нравственно-этическим представлениям, лень у трудолюбивого человека — хворь, порча. Нормальный человек не может ле-

жать день — деньской. Информантка 1923 года рождения поведала о том, как напустили порчу на соседа: «Ох, дивная история! Мужик соседки — то нашей совсем было испортился. Слаб сделался, ничего не делает, лежит себе, бурчит под нос. То ли кто сглазил... Работящий мужик ведь был. Мы — от всё как посмотрим, бывало, так он все копошится, копошится, а тут, Полина говорит, — ничего делать не хочет, все хозяйство на нее, бедную, свалил. Ну, оно бы день, а то ведь неделю лоботрясничал. Был бы чем болен, а то ведь дал Бог здоровья. Полина и не вытерпела: пошла к Васентине, у Валентины — то бычок трехлетний. Соскоблела с его рогов, наскобленное — то принесла домой, налила в ковшик воды, высыпала и поставила на огонь. (Ну, это, пока мужик спал.) Вода как кипеть начала, так она и говорит: *«Жила стонается и стонается, бело тело не ломается, сила мужская возвращается. Аминь. Сила сильная, несокрушимая, непобедимая»*. Полина — то сама нам все это рассказала. Она вообще у нас мастерица по заговорам. Ну, так вот. Дня через два глядим, а Михаил — то уже воду таскает. Чудеса прям — таки» (СФ — 99. Тетр. О. Корюкиной. №7). В Половинском районе упорно ходят былички о том, как в деревне Хлуповой баба *порчу родила*. «Кто — то напустил, вселилась порча в женщину. И так начала эта баба мужа да детей изводить, что житья в доме никому не стало. Вот она и кричит без причины и визжит, и все ей не так да не эдак. Измучился муж ее, не знает, что и делать, как избавиться от напасти. Тогда знающие люди подумали отравить еду и дать жене. А та как раз бесилась и визжала, что хочет капусты соленой. Мужик насыпал в банку с капустой отравы да подал ей. Баба, как дикая, набросилась на еду, руками капусту в рот сует. Муж ее в это время пошел к соседям отсиживаться, а когда вернулся, увидел: жена стоит и под дверь показывает. «Ну, — говорит, — иди хорони!» Мужик развернул тряпку, которая лежала у порога, а там комок черный, волосатый да глазастый. Унес он его далеко в лес, закопал глубоко, а в это место

кол осиновый вбил» (СФ/ЗО — 2002. С. 7—7об.).

Можно изурочить не только человека, но и животное. Девушка 17 лет рассказывает: «У нас живет кот. Когда в гости приходит сродная сестра и начинает гладить его, разговаривать с ним, то после ее ухода он начинает болеть, ничего не ест, ходит вялый, весь день лежит» (СФ — 99. Тетр. Т. Колотовкиной. №11).

Бытуют сюжеты о том, что «отнимают» семена. Устоялся сюжет о том, как «перевелась» огородная культура: «Соседка по даче увидела у нас лук и говорит: «Какой у вас лук хороший, крупный! Дайте мне несколько луковичек на посев, а то у меня не растет. А если и вырастет, то мелкий, нехороший». Я подала ей несколько головок. Однажды, когда соседка сажала лук, я вдруг заметила, что она берет и каждую луковичку целует и только затем сажает в землю. Когда пришло время собирать лук, то у нас он не уродился, а у соседки — хорошо» (СФ — 99. Тетр. Т. Колотовкиной. №14). В Ильине одна наша собеседница «передала своей рукой огурцы. Без огурцов не сживала. Свои всегда выпускала. Дала тут одной, и все, как отрезало. Нет огурцов, хоть что делай. Не подумала никак, что так — то издеется. Вот женщина добрая, а у меня не сделалось» («Ильино — 91». С. 123)

Хотя держится вера в заговоры, особенно, когда идет речь об уроках, грыже, отмечено и двойственное отношение к ним. В конце XX века заметно переплетение доли сомнения в силу заговоров и изумления перед их воздействием. Конкретные примеры как будто убеждают, но и воспитание на агрессивном материализме дает себя знать. Поэтому некоторые комментарии к действию заговоров затронуты скепсисом. П.С., 1925 года рождения, рассказывала о горькой доле, которая выпала Тине: «Мужик как напьется, так в драку, все в драку. Она со слезами бежит ко мне. Что же это такое! Вот ведь, как трезвый, так золото — мужик, работящий, приветливый всегда. Ну, а как хлебнет чего лишку, так дурнее упрямого осла. Так вот, насмешила

меня Тина тут: испекла оладышек и подмышку спрятала его (чтобы, говорит, пропотел), а потом деду — то и сует его в общую тарелку с оладьями. Ну, съел он, так Тина говорит, что две недели уж не дерется. Может, не так сильно напиwаться стал? Шут его знает» (СФ — 99. Тетр. О.Корюкиной. №9).

Подобные сомнения слышатся в повествовании З.П., 1920 года рождения. Разговор о заговорах она прервала категорическим заявлением: «Я — не колдунья», но сообщила, как ее сестра отваживала своего мужа от «гули — погули», то есть от ухаживаний за другими женщинами. От амурности мужа «Шура — то вовсе было расстроилась, заболела. Соседка посоветовала кое — что сделать, сама, говорит, так же делала: три дня подряд нужно три раза в день заходить в лес и собирать паутину с осиновых деревьев. Когда домой придешь, заварить чай для мужа и положить туда паутину. На паутину что — то наговаривают. Так Шура — то так же делала. Я давно их не видала, так не знаю, как дела — то у них. Может, и остепенился, годы — то ведь уже не молодые» (СФ — 99. Тетр. О.Корюкиной. №10).

Хотя вера в заговоры держится, однако допускается, что есть случаи, когда ни слова, ни действия не могут дать исцеления. Е.С., 1925 года рождения, рассказывала о том, как ее свекровь боролась с пьянством мужа. Был хороший человек, но пристрастился выпивать. «Так вот и решила свекровушка — то исцелить его. В том месте, где спала свинья, собрала солому и все, что там было, в кучу. Принесла на это место бутылку водки и сказала три раза: «Свинья и твою водку не пьет, а помои жрет. Так и ты водку не пей, через нее не болей». Как только, говорит, из этой бутылки выпьет, так охота пить пройдет. Только уж сколько заговоров она ни пробовала, ничего не помогло» (СФ — 99. Тетр. О.Корюкиной. №8).

А.М.Астахова отмечала, что заговор никогда «не имел самодовлеющей художественной задачи, а был подчинен узкоутилитарным целям»². Думается, своей продолжитель-

ной жизнью жанр обязан также празднику звучной речи, возвышающей человека над обыденностью. Заговоры личностны, они дают возможность высказаться поэтическим языком каждому человеку, увидеть яркость, многомерность мира и себя в нем. Только в заговорах человек способен почувствовать себя могущественным существом, способным подпоясаться звездой, владеть «всемирным мечом булатным», победить болезнь, вызвать к себе великую, вековую любовь. Но одновременно с высоким полетом не утрачивается опора на земную твердь, привычный мир. Человек вносит в художественные тексты детали, соответственные его быту. Так, в зауральской традиции заговоров отразились приметы местного декоративно — прикладного искусства. В тексте от «хворостей и бо — лестей» упоминаются выкладные скатерти, то есть домотканые сложного рисунка (А — 86, №306).

Зауральцы внесли в заговоры местный диалект. Обнаруживается диалектная лексика: «поколь я вижу, поколь я слышу», «отколь пришла, туда иди» («Заговоры». №253). Диалектные формы проявились также на уровне морфологии и фонетики: «благословесь», «перекрестесь», «ни дожжа, ни капли» (А — 90. №28). В заговорах сохранилась старинная лексика. В живой речи уже нет ряда слов, известных заговорам. Так, слово «поталь» — сусальное золото — осталось в заговорном тексте, придавая ему таинственное звучание: «Как на окошечке поталь сколько быстро тухнет-истухает, чазнет-исчезает, сохнет-иссыхает, так же бы и у рабы Божьей (имя) сухая лишая тухла-истухала...» («Заговоры». №27. Записано в 1985 году. Зна — ток заговора 1905 года рождения). Но в целом речь заговоров, записанных в крае, отличается чистотой, яркостью, образностью. Она возвышена над повседневной, обыденной речью не только ритмом, но и яркостью стиля.

Примером органического единства старого и нового, правильной литературной и диалектной речи, быта и высокой поэтичности, реального и идеального может быть за —

говор от тоски — присушка, записанная в 1988 году от молодого мужчины из с.Першина Белозерского района. Текст выучен из уст в уста от его бабушки, 1904 года рождения. Мы имеем дело не только с текстом утилитарной функции, но и с произведением, раскрывающим эстетические представления. Народ — философ изложил свое видение красоты, ее индивидуального восприятия. Красота — это то, что должен увидеть любящий человек, а это не всегда адекватно реальности. «На вкус, на цвет товарища нет», — говорится в пословице, а в другой дополняется: «Понравится сатана лучше ясного сокола». Нельзя изменить внешность, но можно, по заговору, повлиять на восприятие себя со стороны любимого. Мысль проста: «Пусть я ему покажусь красавицей». Итак, заговор: на горячие угли бросить три щепотки ладана или чебреца. «Подыми, первый дым, жажом. Матушка-печка, дымовое окно, я вам покорюсь, я вам помолюсь, я вас попрошу: выдуйте, выведите тоску из меня тоскущую, сухоту из меня вы сухотущую, плач из меня неутолимый, любовь из меня сердечную, сухоту из меня вековечную. Ветры буйные, мчите, несите по свету белому, на все четыре стороны! Не попадайте ни на конного, ни на пешего, ни на встречного, ни на поперечного, ни на кума, ни на кумушку, ни на недруга, ни на приятеля. Летите и разыщите моего сплюбовника. Имя ему «Иван». Если он дома, если он в поле или в широком раздолье, на столбовой ли улице, на пути ли, во дороге ли, во дому ли каменном или в моховой ли хоромине.

Или сидячий ли он, или ходячий ли он, работающий ли, или спячий ли, или сонный, — где вы его найдете, тут вложите тоску мою тоскущую, сухоту мою сухотущую, плач мой неутолимый, любовь мою вековечную — в тело его белое, в сердце ретивое, в белые легкие, в печень черную, в кровь горячую, в черные волосы, в брови черные, в очи ясные, в бело лицо, в щеки румяные, в уста сахарные, в язык-говорун, и в зубы, и в губы, и в жилы, и во весь стан человеческий. В семьдесят семь жил, семьде-

сят семь суставчиков, в семьдесят семь переборов. Тосковал бы он, горевал бы он, плакал бы, рыдал бы, меня, рабицу Божью Любу, на уме-разуме держал бы и с ума-разума не спускал бы. В едах бы не заедал, в питьях бы не запивал, в гуляниях бы не загуливал, с товарищами не заговаривал, в беседах не говаривал, в жаркой бане не запаривал, ключевой водой не споласкивал. Казалась бы я ему, раба Божья Люба, милее света белого, белее снега белого, милей отца — матери, милей братьев — сестер, милее кумовьев — кумушек, милей дружков — приятелей, милее полюбовницы. Казалась бы она ему хуже крысы, хуже мыши, хуже змеи подколодной. Чтобы он без меня не мог ни дня сдневать, ни ночи ночевать, ни часа часовать, ни время скоротать. Быть мне у него во век в думах-помыслах. Пусть он сохнет, как осинов лист.

Запру я эти слова на семьдесят семь замков, на семьдесят семь ключей, брошу эти ключи в сине море щуке-белуге. Аминь, аминь, аминь (А-88. №240).

Собранные материалы охватывают жизнь человека от первого крика до последнего вздоха. В Казак — Кочердыке Звериноголовского района по неписаным законам казачьего быта новорожденному мальчику приговаривалось: «Вспоить, вскормить, на конь посадить» («Казак — Кочердык — 88». С.43), а девочке — «Вспоить, вскормить, в люди определить».

Похоронив покойного, оберегали себя и сейчас оберегают словами: «Мы к тебе придем, а ты к нам не приходи».

Заговоры изумляют наблюдательностью человека и глубиной верой в то, что слову подвластно все. Прав В.П.Аникин, отмечая убежденность человека в своей победе: «Человек решителен, предусмотрительно оговаривает все подробности желаемого результата своего действия»³. Изучение материалов говорит о том, что совершенно новых, выходящих за рамки традиции, заговоров нет. Одновременно бытуют архаические тексты и подновленные «новотворческие», как назвала их В.Н.Ильинская⁴. Подновление

вызвано разными причинами. Где-то срабатывает принцип «глухого телефона», где-то — стремление передать через заговор свои пожелания. Новотворчество оказывается не всегда в пользу традиции. Это касается появления некоторых текстов — абракадабр. В Шатровском районе известен заговор от «собачьей старости». На первый взгляд, в нем не понятно соединение мотивов «подаю» — «принимаю». Не понятен и набор ряда слов:

*Подаю я, приняла я,
Заусень у сень сухую стень,
Собачью старость принимаю у поганой лохани,
Передаю я кошачье мяуканье, собачий лай,
Поганая лохань, принимай*

(Мамонтова. Приложение. №6)⁵.

Этот заговор творился, вероятнее всего, как диалог. Один подает:

— Подаю я.

Другой принимает:

— Приняла я.

Принятые заусень (засусеницы?), сухая стень (сухотка) собачья старость передаются поганой лохани. Диалог решен в монолог.

Устность способствовала подновлению содержания и формы. Так, «заговор младенцу» адресован не высшим силам, а ребенку. К тому же повелевается расти кудрям, а ребенок должен быть «большим да сильным». Носителю заговора на момент записи было за сорок лет. Заговором пользуется сама, на расспросы об авторстве отвечала уклончиво. Думается, участие матери в сотворчестве в рамках традиции было. Заговор: нужно поглаживать младенца по животу и приговаривать:

*Потягушечки-порастушечки,
Расти большой да сильный,
Да будь красив и умный,
Пусть кровь по твоим жилочкам
Бежит-бежит горячая.
Пусть кудри твои русые
Растут да разрастаются.*

*Пускай к тебе хворобы любые
Дороги не проведуют
Да будь-то ты у Господа всегда в благословении.*

Перекрестить (А — 88. №254).

Новотворчество многолико. Подобно официальному документу, некоторые тексты зафиксировали требование называть «рабу Божию» по имени, отчеству и фамилии. Дыму приказывается вползти «тоской тоскучей, сухотой сухотучей» во все жилочки раба Божьего. Тут же приводятся его паспортные данные, в том числе и прописка.

Современное звучание получили старые болезни. Былая жаба именуется ангиной. При этом особенно отчетливо прозвучало двоеверие. Заговаривающий обращается за помощью к «заре — зарнице, красной девице», Господу, ангелам, апостолам, Ивану — Крестителю, Ивану — Спасителю: «Благослови и утоли». Слово почти всегда подкреплено обрядом: «Подойти к больному, перекрестить три раза, безымянным пальцем обводить по ходу солнца утром и вечером на заре (на голодный желудок)» («Заговоры». №262).

Второй заговор, хотя и называется современно «от ангины», донес традиционную веру в деревья — тотемы:

*Ветла, ветла, возьми свою глоть назад,
А то мы ее проглотим вместе с корнем.*

Сказать три раза и проглотить слюну (Мамонтова. Примечание. №12). Слово «геморрой» заменило старое название болезни — «редька» («Заговоры». Тетр. С.Скоковой, 1998. №4).

Конец XX века дает себя чувствовать такими болезнями, как головная боль, давление, варикозное расширение вен («Заговоры». Тетр. С.Скоковой, 1998. №№2,12).

Заметно использование унифицированного заговора — «от многих болезней»: («Заговоры». Тетр. С.Скоковой. 1998. №21), «от всех напастей». Вечером на ночь перекрестись и скажи:

*Шел Исус Христос с Иерусалима,
Нес золотой крест.
- Господи, огради меня*

*Золотым крестом
В доме, в поле, в дороге
От зверя, от змея, от суда,
От страшного ареста,
От лихого злого человека.*

Аминь («Белозерское — 2001.» С. 54).

Являются многофункциональными тексты от детских болезней. Одни и те же заговоры применяются от бессонницы, ночницы, урока, переполоха, сглаза. Обобщенное средство лечения вызвано обобщенным, бытовым представлением о самой болезни.

Изменилась в ряде случаев лексика, конкретизирующая цели заговора. Приведем два примера, где новизна явно просматривается в таких оборотах: «любимый мой», «обнимал — миловал», «своей называл», «поручу» и т.д.

*Встану я, рабица (имя), поутру,
Помолюся, благословлюся. Пойду
Из дверей в двери, с ворот в ворота.
Выйду в чисто поле — на раздолье.
В чистом поле сидят семьдесят семь голубей,
Меж них — ясный сокол.*

*Поручу я соколу ясному:
- Сокол ясный, сокол прекрасный,*

*Полети ты в жилище раба (имя)
Моего милого, разбуди его.*

*- Милый мой, оглянися,
На мое бело личико повернися,*

*Пока мое личико бело, мило.
Чтоб милый мой всегда по утрам вставал,*

*Меня миловал, обнимал.
Чтоб тело его мне мило было,
И ему мое тело любо было.*

*Отныне и навеки.
Аминь, аминь, аминь.*

Это нужно сказать утром на восход солнца (СФ — 86. №196). Еще один характерный заговор:

*Утренняя заря заревается,
Вечерняя закатается,
Мать Пресвятая Богородица радуется.*

*Радуется земля и небо, трава и леса,
Чтобы раб Божий (имя) за белые бы меня руки брал.*

*К ретивому сердцу прижимал,
Своей называл («Заговоры». №46).*

Сузился тематический круг. Не зафиксированы заговоры на подход к власти, от неправедных судей, на укрощение сердца барина. Записано только два пастушеских заговора. Один из них сказала жительница с. Усть-Уйского Целинного района 1900 года рождения («Заговоры». №52). Другой бытует в составе праздника первого выгона скота в Куртамышском районе (Г-99. Тетр. Л. Пономаревой. С.51—54). Он сохранился благодаря обряду и театрализованной форме праздника. От упомянутой старожилки с. Усть-Уйского записан хорошей сохранности текст на урожай. Но ни пастушеский заговор, ни «слова» на урожай сейчас в Усть-Уйском районе не творятся. Вышли из бытования заговоры, связанные с родильным обрядом. Их знали повивальные бабки. Известный математик И.М. Первушин записал один такой заговор, отмечив и своеобразие действий при этом. Паспорт наговора сообщен следующий: «Бабушкины заговоры записаны около 1 декабря 1859 года со слов повивальной бабки, Февронии Елисеевны Сваловой». Заговор от уроков на «родильницу» творился в бане, когда бабушка правила женщину после родов. Другой заговор должен был предотвратить ребенка «от худобы». Третий заговор совершался, когда «бабушка» закапывала послед ребенка. Приведем запись И.М. Первушина так, как она предстает в его единственном рукописном журнале «Шадринский вестник» (1859).

От уроков:

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

*Стану я, рабица Божья Ховротья по утру рано, умоюсь
росой, утрюсь пеленой, у отца у матери благославлюсь,
пойду из избы во двери, из ворот в ворота, на широку
улицу, в восточную сторону, под красно солнце, под светел
месяц, к океану морю. У окояна моря — золотой остров.
На золотом острове стоит матушка наша апостоль-*

ска соборна церковь, и в этой апостольской соборной церкви вся сила небесная, все святые чудотворцы. Я вам покорюсь и помолюсь о рабце Божьей (имя). - Ой, ясно вы, Соловечки чудотворцы! Донесите до куку до Батюшки до Истинова Христа, до Матушки до Пречистой до Девы Марии. Как она родила истинова Христа, не услышала в себе ни скорби и не болезни, ни приговоров ни уроков; так же в рабце Божьей (имя) не было бы в ей ни уроков и не приговоров и не переполохов, не озевница ни родимца — не было бы в веке по веку от их до веку. Аминь. Закрой ее, Господи, защити нетививинными ризами, Господня пеленами. От всякого зла человека: от рьянова, от черемного, от двоегубова, от троегубова, чтобы не было от их уроков от инь до веку. Аминь. И будьте мои слова крепки и лепки, крепче камня, вострее булату, рыжему — черному, чтобы соли в глаза ему, в другой — песку, чтобы он не увидел ни вила родильницу и парила ее после родов» (Архив ГАСО. Ф. 101, оп. 1. Д. 600. С. 451—455).

«Если еще парила маленького ребенка, то говорила. От худобы. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. Соловечки чудотворцы. Я вам покорюсь и помолюсь. И главных очей худоба, из мозгова худоба, из ясных очей худоба, из черта, из под коленница худоба, из ресниц худоба, из ретива сердца худоба, из под пятак худоба, из суславов худоба, из крови из горячей крови, из печени худоба. И будьте мои слова ...» (С. 55). И.М. Первушин отметил, что далее надо повторить то, что сказано в предыдущем заговоре (С. 455).

Поделилась повивальная бабка с батюшкой (И.М. Первушин — священник, учитель), который интересовался с делом, наговором, завершавшим появление человека на свет Божий. Он сопровождал закапывание постода.

Феврония Елисеевна сообщила, что с одной родильницы — Февронии Елисеевны беда, когда не по правилам захоронили послед. Женщина болела, чуть не умерла пока не выко-

пали его и не сделали все по правилам. Правила такие: бабка кладет послед в землю под избой, зарывает его, переkreщивает место, а также себя и наговаривает:

«Во имя Отца, Сына и Святого Духа. Аминь. Как Матушка сыра земля не дрогнет, не полахаться; так у рабцы Божией, у (имя), бы не урочилось и не полахалось. — Трижды говорить. И потом трижды перекрестить и говорить всякий раз: во имя Отца, Сына и Святого Духа. Аминь. Нужно чтобы пуповина была поднята кверху; а если к низу, то женщина будет чахнуть. Тогда надо послед выкопать, перемыть, положить пуповиной кверху; и тогда женщина выздоровеет» (С. 456).

Сошли на нет промысловые и охотничьи заговоры. Существование заговора «на ружье» в с.Першине Белозерского района зафиксировано фольклорной экспедицией Курганского государственного университета 2000 года. Заговор нам не сказали, но сообщили, что ружье будет «кровить», то есть ранить животное, если кошка съест добытую сырую дичь. Съесть сырую дичь позволено собаке, так как «у нее язык чистый». Лечат ружье в бане. К сожалению, текста нет («Першино — 2000». С.29).

Продолжают бытовать заговоры, связанные с наиболее распространенными занятиями: рыбной ловлей и собиранием грибов. С детства зауральцы усваивают заговор: «Ловись, рыбка, большая и маленькая». При первом срезанном грибе говорят: «Нашел гриб, да не тот» (Архив автора. Целинный р-н. Запись 1985 г.).

Нестабильность в мире и в стране активизировали заговоры от беды на войне. Не стало зазорным для многих ребят брать с собой маленький листик бумаги с оберегающим словом. Провожая в армию, матери стараются снабдить сына спасительным заговором. Один из текстов называется «общим». Его пишут на небольшом листке бумаги и всегда носят с собой как оберег от всех бед:

Идет Исус Христос
Через девять небес,

*Несет Евангельский крест,
Огради, Господи, меня,
Раба Божьего (имя),
От пуль летящих, от врагов бессовестных,
От всяких напастей,
От любых несчастий.
Аминь, аминь, аминь.*

Указывается дата: число, месяц, год (Б — 99. №260).

Есть заговоры, в которых органично переплелись старое и новое. Заметна наследуемость традиции при незнании — тельных содержательных изменениях. Введение новых деталей предметного нового мира в устоявшиеся рамки жанра показывает бережное отношение к традиции. Новые произведения — только варианты, не изменяющие структуру заговора и его функции. Приведем как образец заговор «против мужского бессилия». Создатели произведения из — брали предмет для сопоставления уже из XIX века — «железный путь жерновой». Однако новое органически вошло в ткань заговора, не разрушив ни его функции, ни его формы. Распарившись в бане, облитесь водой, над которой прошептано три раза следующее: *«Господи Боже, благослови, Отче. Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь. И пойду в чистое поле, и помолюся истинному Христу, царю небесному. И как стоит путь железный жерновой, не тряхнется, не ворохнется, не шатается, так бы и у раба Божья (имя) стояли семьдесят жил и одна жила, семьдесят суставов против полого места, против женския. Не погнулся бы, не ворохнулся бы, не пошатался бы. Всегда, ныне и присно, и вовеки веков. Аминь («Заговоры»). Тетр. С.Скоковой. №9).*

Иногда происходит заимствование одной «темы» у другой. Заговор на зубы был творчески осмыслен и переведен в другой тип — «если муж скандалит». В вопросно — ответной форме устанавливается, что месяц молодой на том свете бывал, мертвых людей видал, «ничего они не видят, ничего они не слышат». Предполагается далее перенос этих качеств на зубы. Однако для жизненных обстоятельств в дан —

ном случае важны не зубы, а поведение мужа. Поэтому при — казывается: *«Пусть мой муж (имя) ничего не видит во мне плохого, и не слышит плохого от меня»* («Заговоры». №205).

Материалы позволяют говорить о преимущественном бытовании в крае устной формы заговоров. Письменная форма донесла тексты, вышедшие из живого бытования. Так, в письменном виде хранился пастушеский заговор в Ялыме. Он не сопровождался, как заговор Куртамышского района, драматургическими действиями, вовлекавшими значительное количество жителей, в том числе и детей. Он не входил на памяти старожилов в обряд первого выгона скота, поэтому не закрепился в устной традиции.

Пастух обязан был знать текст, показывать его знание «на обществе», поэтому хранил, подстраховывался, доверяя заветные «слова» бумаге. Текст продиктовала по записи жительница с.Ялыма Притобольного района в 1983 году. Было ей 73 года. Итак, заговор: пастух должен встать рано на заре, выгнать стадо в поле, выйти впереди стада, встать лицом к восходящему солнцу, очертить вокруг себя круг, встать в него, проговорить три раза заговор, поклониться на все четыре стороны, полить вокруг себя молоком по кругу (чтобы трава там, где пасется скот, была сочной и чтобы к вечеру коровы принесли много молока). Потом сказать: *«Господи Боже, благослови! Встану я, раба Божья, благословясь, и пойду, перекрестясь, с порога — в двери, из дверей — во широк двор, со двора — в чистое поле, где посередь чистого поля — страна-радуга. Из страны той выводит сам Боже Святой со всею силою домною ко мне, рабе Божьей: давать мне крестьянский скот, большой и малый. Около меня, рабы Божьей, проведите круг огненный, со всех четырех сторон, защищающий от лесного зверя могучего, от рысчущих волков и волчиц, от недоброго глаза, от всякого лихоимца, человека недоброго на всякий день и ночь, отныне и вовеки веков. Аминь.*

И чтобы по утру рано, по вечеру поздно, по закате солнца звук мой слышат во степи или дремучем лесу, во чис-

том поле или в цветных лугах. И чтобы шли ко мне бесповоротно. Как гите идет на зов матери, так бы скотинка моя шла бы на мой трубной звук. Шли бы и на восходе зореньки ясной, и на закате солнышка прекрасного, и по вечеру поздно, и всегда бы. Аминь, аминь, аминь.

Спаси, Господи, от напастей всяких, от и града свинцового и ветра, и от моровой язвы вовеки веков. Аминь» («Заговоры»). №52).

Небольшая заговорная коллекция имеется у старожилки с.Ключи (около с.Мостовки) Шатровского района⁶. Мостовка вошла в историю известной «Сказкой», которая была адресована мостовчанами — старообрядцами царю Федору Алексеевичу в 1679 году. «Сказка» свидетельствует об уважении старообрядцев к письменному слову, знанию книг дониконианского времени⁷. Записывание заговоров в этих местах закономерно, так как письменное слово старинного образца воспринималось как сакральное. Здесь сохранился дом северного типа постройки с охлупенем, делением на две части — «через сени». В заговор верят. Владела тетради, доставшейся ей от матери, знает заговоры наизусть, но тетрадочку бережет. Записано семь текстов: от болезни глаз, от урока, переполохов и разных болезней, три разных текста — от испуга, от грыжи, ожога. Короткие тексты перемежаются длинными.

В Першине Белозерского района в семье Н.А.Арефьевой тоже хранятся отдельные листки, «списанные» еще Марией Курачихой (М.Е.Стенниковой), 1886 года рождения. Она их тоже выучила от кого-то из старших («Першино — 2000». С.16 — 23). Тематика письменных заговоров, называемых здесь «статейками», не широка: от испуга (два варианта), успокоительные, присушки (два варианта), от уроков, на зло между мужем и женой, от болезни зубов, от мужского бессилия.

Большинство заговоров передается устно. Считается, что подлинники знахарки получают знания «по семье» — от бабушки, матери. Характерный пример — восприятие

жителями Ершовки и Гладковки Притобольного района знахарки Евдокии Евгеньевны (1912 года рождения). Она разрешила мне рассказать о том, как ее позвали снять порчу. Мать Евдокии Евгеньевны славилась «знанием» и ставила дочь многое перенять. Раскулаченная семья распалась по дальним дорогам. Вернувшейся Евдокии Евгеньевне разрешили занять свой разрушенный родной дом. Мать к тому времени умерла. Однажды пришла соседка с просьбой — требованием изгнать порчу. «Да не умею я» — «Умеешь. Мать знала, значит, и ты знаешь». Тогда еще молодая, Евдокия Евгеньевна говорила правду, но ей соседка не поверила и перешла на крик. Испугавшись, Евдокия Евгеньевна согласилась. Она знала поверье о том, что порча может перейти на того, кто отказывается лечиться. Решилась. Взяла маленький крест, не сняла нательный крест и пошла в истопленную баню — изгонять порчу. Читала все молитвы, заговоры от всех бед. Больная кричала «дурным голосом всякую страмоту», но тут же другим голосом говорила: «Дунюшка, не я кричу, она кричит. Прости, ради Христа». И снова «блажила». Три раза топтали баню. «Страху натерпелась, не дай Бог. Отпустило бабу», — заключила Евдокия Евгеньевна (Архив автора. Запись 1995 года).

На памяти старожилков уже не было обычая благословляться на заговаривание, но память о нем заключена в употреблявшейся формуле: «Встану, перекрестясь, пойду, благословясь».

Основными носителями заговоров были и остаются женщины. Но свадебную порчу снимали главным образом мужчины. Последняя заметная порча зафиксирована в 1958 году, когда «волхитка» испортила Маню Малафеевну («Широково — 88». №16). Порча проявилась в том, что невеста перестала соображать, где она и что с ней происходит. «Сделалась вся красная, вся растутилась». Тысяцкий пошел с кнутом к «волхитке», найдя ее сидевшей без головного убора с распущенными волосами. Битье вол-

хитки результатов не дало. Снимал порчу приглашенный пожилой знахарь — «дедушко». Он лечил испорченную в шести банях, но победить полностью болезнь не удалось. У женщины не было детей, ушла она из жизни рано, утонув в весеннем паводье. Нет тех знахарей, не передали они свои знания. Мужская линия знахарства в крае угасла.

Бытование заговоров в женской среде способствовало укоренению текстов, связанных с той частью быта, хозяйств, которые были в ведении женщин. Повсеместно бытуют заговоры, направленные на послушание, благополучие и удоиность коровы. В с.Обрядовке Притобольного района и молодые женщины, прежде чем начать доить корову первый раз после отела, проводят по задним ногам скалкой с приговором: «*Не будь девицей, будь молодницей, не задерживай молоко*» (Архив автора). Первый ежегодный выгон скота сопровождается заговором: «*Моя черная коровушка, ешь, пей, домой приходи. Знай свой дом и меня, твою хозяйку*» (Запись 1999 года от сорокалетней Г.Б.).

В Першине творят при покупке следующую статейку: своим поясом надо обвязать корову «по талии» и сказать: «*Как пояс мой от меня не отстает, так бы моя коровушка от меня, рабицы Божией, не отставала*». Веревочку, на которой привели скотину, надо положить под приворотный столб, чтобы стнила». Есть здесь и другие заговоры на то, чтобы корова домой ходила. Купив скотину, хозяин перед воротами говорит, держа ее на веревке: «*К новому хозяйну казалась путь да дорога, а к старому хозяйну казалась лес да труппоба*». Веревку, заведя корову во двор, за копать под приворотным столбом («Першино — 2000». С.26). Приведем еще два текста. Опоясав своим поясом корову, говорят: «*Как этот пояс знает свое место, так бы и ты знала*», «*Как эта опояска святого Власия знает, так бы и ты знала*» («Першино — 2000». С.24).

Переход заговоров в массовую женскую среду способствовал широкому распространению «слов» от детских

болезней — сглаза, урока, переполоха, азевища, денной полуденницы, почной полуночницы, грыжи. Заговоры как бы всегда наготове. Что бы ни случилось, они под рукой — от ушиба, пореза, ожога, укуса змеи, колотья, жабы — ангины, утина, притки, скорби, тоски и т.д. Знание заговоров от болезней зубов и коротких текстов от ячменя считается обыденным и необходимым делом. Но как бы широко ни вошли заговоры в обыденное бытование, знахарки и до сих пор остаются на особом положении, их авторитет держится не только на знании «слов», но и на приемах народной медицины. Лекарок знают в округе, к ним обращаются. Считается, что можно пытаться лечиться у девяти «бабок». Если не будет пользы от девятой, поиски можно прекращать: больше никто не поможет. Как правило, не оговаривается плата, но люди стараются чем-то немного заплатить. В последние годы интерес к знахаркам и заговорам обострился. Причины видятся в дороговизне лекарств, массовых сеансах «лечения» по телевидению, снятии запрета на «отсталую» идеологию.

Заговоры донесли до начала третьего тысячелетия глупину времени, языческое мировосприятие. Ф.И.Буслаев отмечал цепкость древнейших пластов народного сознания. На большом материале им сделан следующий верный вывод: «Старина была крепка памятью и верна сама себе»⁸.

А.А.Блок призывал с пониманием и чуткостью относиться к архаике заговоров. В статье «Поэзия заговоров и заклинаний», впервые опубликованной в 1908 году, поэт писал, подчеркивая необходимость вдумчивого изучения «древней души» и ее отношения к природе: «Мы должны воссоздать ту внешнюю обстановку и те душевные переживания, среди которых могли возникнуть заговоры и заклинания; для этого необходимо вступить в лес народных поверий и суеверий и привыкнуть к причудливым и странным существам, которые потянутся к нам из-за каждого куста, с каждого сучка и со дна лесного ручья»⁹.

Заговоры, записанные в Южном Зауралье, дают допол-

нительный материал для изучения архаического сознания, архаических форм культуры и их развития. Слова и действия заговоров донесли до позднего времени древнейшие воззрения, культы, обряды. Это очень богатый материал, им нельзя пренебрегать. Согласимся с Э.Тейлором, который подчеркивал важность для науки обращения к различным источникам познания: «Всякий возможный путь знания должен быть эксплуатирован, всякая дверь должна быть исследована — нет ли возможности ее открыть. Ни какой род доказательств не должен быть оставлен без внимания ради отдаленности или сложности, мелочности или обыденности»¹⁰.

Именно в заговорах с наибольшей силой проявилась стадийность развития человеческого мышления, вызванная тем, что «всякий народ всегда проходит несколько стадий своего развития, и все они находят свое отражение в фольклоре, оседают в нем, фольклор всякого народа всегда полистадиален, и это одно из характерных для него явлений. Задача науки состоит в том, чтобы этот сложный конгломерат расслоить, а тем самым его распознать и объяснить»¹¹.

В работе не ставится задача исследовать комплекс дохристианских и христианских воззрений. Это предмет особого разговора, несмотря на то, что многое уже осмыслено русской наукой, начиная с А.Н.Афанасьева. Однако нельзя не отметить текст — изюминку «на зубы», в котором отражено мифологическое представление о развитии времени. Сюжетная ситуация ведет в прошлое — в древность, лишенное жизни время. Тогда были медное небо и железная земля — бесплодная и беспочвенная. Прошлое противопоставлено настоящему как мертвое, окостенелое, не чувствующее боли. Это состояние — отсутствие боли — должно передаваться живому:

*Было древнее время,
Медное небо, железная земля.
Из медного неба*

*Ни дождя, ни капли,
Из железной земли
Ни корня, ни плода.
Так же у раба Божья Сергея
Не было бы в зубах ломоты,
Не было в деснах щипоты.
Не ломило бы белые зубы,
Не щипало бы красные десна
Отныне и до веку,
Навек и по веку. Аминь (А — 90. №28).*

В необычной форме донесено традиционное для заговоров «на зубы» императивное повеление быть зубам здоровым по аналогии с безболезненностью мира мертвых.

Для состояния заговоров конца XX века в Южном Зауралье характерна устойчивость всех форм: от заговоров-загадок до развернутых эпических текстов. Есть тексты — монологи, есть тексты — диалоги. Однако во многих текстах может отсутствовать или сокращаться какая-либо часть. Но эпическая часть и императив чаще всего устойчивы. Даже там, где рабица Божия подходит к «злат престолу» и кланяется низко Богородице, действует закон жанра — наличие императива. Богородице адресованы слова — не столько просьбы, сколько приказания:

*Встану я, рабица Божья (имя),
Благословясь, пойду, перекрестясь
Из дверей в двери, из ворот в ворота
В восточную сторону.
В восточной стороне — океан-море.
На океан-море стоит апостольская церковь
О двенадцать крестов, о двенадцать престолов,
Один был злат престол.
На златом престоле сидела
Мать Пресвятая Богородица,
Шила и кропала Иисусу Христу
Нетленную ризу золотой иголкой,
Шелковой ниткой.
Я пойду, рабица Божья, (свое имя)
Поближе, поклонюсь пониже,
Поклонюсь, постараюсь:
- Мать Пресвятая Богородица,*

*Сойди со святого престола,
Возьми золотую иголку, шелковую нитку,
Зашей рану, уйми кровь, утоли, утоми
Всюю боль у раба (имя).
Век повеки, отныне до веки.
Аминь («Звериноголовское — 90». С. 49).*

Материалы вместе с тем свидетельствуют о том, что об-
разы и мотивы могут переходить из одного типа заговора в
другой. Формула «Адамова голова» из текста «на зубы»
заняла центральное место в заговоре от дурного глаза. За-
говор строится на аналогии: «Во матушке во сырой земле
лежит Адамова голова. Она не знает ни уроков, ни призо-
ров. Так бы рабица Божья (имя) не знала ни уроков, ни
призоров. Во имя отца и сына, и Святого Духа. Аминь»
(В-87. № 471).

Поэтические тексты хорошей сохранности записаны от
талантливых зауральцев — хранителей и исполнителей
произведений других фольклорных жанров. В 1984 году в
Шадринском районе Евгения Фроловна (1903 года рожде-
ния) одарила собирателей истинными перлами народной
поэзии. Она полусказала — полунапела лирические песни,
в том числе редкую в Зауралье — о Ваньке — ключнике, из-
вестную в других регионах¹².

Вариант Евгении Фроловны своеобразен. Обобщаю-
щими чертами наделен князь: утрачена его фамилия, что,
вероятно, связано с социальным своеобразием края. Здесь
не было князей, поэтому отпала необходимость выделять
«князя Волховского» из всего княжеского круга. Зато уси-
лены драматизм, подробности казни влюбленных и ем-
кость поэтических средств. Ванька — ключник наделен
красотой, отвечающей народным представлениям:

*В саду ягода-малина
Свет закрытая росла,
А княгиня молодая
У князя в тереме жила.
А у князя был слугою
Ванька-ключник молодой.
Ванька-ключник, злой разлучник*

*Разлучил князя с женой.
А княгиня к Ваньке льнула,
Как сорока ко листу,
Целовала-миловала,
Своим другом назвала.
Стали люди дознаваться,
Стали князю говорить.
Князь дознался, рассердился,
Жену в терем посадил.
- Уж вы, слуги, мои слуги,
Слуги верные мои,
Вы найдите, приведите
Ваньку-ключника ко мне.
Вот ведут, ведут Ванюшу,
На нем ветер кудри вьет.
И повесали Ванюшу
На шелковой на петле.
А княгиня умирает
На остром на ноже. (СФ-84. Тетр.1. №1.).*

Евгения Фроловна сохранила в памяти старинные час-
тушки, пропитанные зауральским диалектом:

*Голубого не шивать,
С уборочкой не нашивать,
За милым мне не бывать
И парочкой не хаживать (№40).*

*Не пойду далеко замуж —
Кроме краю своего,
Кроме краю, с кем играю,
С кем важненько говорю (№55).*

*За миленочка ругают,
За баского хочут бить.
Пойду в горенке потопая:
-По-вашему не быть (№33).*

*Не ходи, не сватайся,
Миленкова мамаша,
Меня добром не отгадут,
Убегом буду ваша (№ 27).*

Заговоров Евгения Фроловна знает, по ее словам, много,
но сказала три самых «своих», которые другим не ведомы.

О заговорах на остановку крови, «от зубов», ячменя, ожога, посоветовала спросить у кого —нибудь в деревне. По ее представлениям, их знают все. Но от испуга, приворожку и отворожку выучить трудно. Это — дело избранных. Не случайно, именно к ней шли лечить от испуга. О применении других текстов разговор отвела, сказав: «Знаю, и все». Считала, что «припаять» и отвратить можно, но силу слова надо поддерживать действиями. Отворожка — лишний грех, по ее мнению, его на душу брать не следует. Святое дело — помощь в преодолении болезни. Приворожка воспринимается как дозволительное действие, помощь страдающей душе.

Сопоставление заговоров Евгении Фроловны с известными в Зауралье и в других регионах заговорами позволяет говорить не только о стремлении знахарки сохранить заученный текст, но и о творчестве. Оно проявляется в записке. В трех текстах видны не только идентичность одних образов, но и неповторимость других.

Заговор от испуга сказывается на чистой, «непитуую» воду, специально принесенную из колодца. Ею «умывают» человека: мочат макушку, лицо, грудь, руки, ноги:

Встану я, рабица Божья, благословясь, пойду, перекрестясь, из избы в избу, из дверей в двери, из ворот в ворота в восточную сторону, под облако кудрявое, под красное солнце, под частые звезды и пого всю луну Господню.

Погойду я к матушке-реке проточной, ключевой:

- Как ты, матушка-река, мыла, подмывала крутые красные берега, а в себя ты убирала лужья и болота, мелкие, желтые пески и зажоры, и так же бы ты не задержала на младенце (имя) страсти, боязни, ереси, испуги, переполохи. И смой ты, сплочи с него, матушка быстрая река, ключевая, проточная, смой-сплочи с белого тела, с чертого сала, с буйной головушки, с ретивого сердца, с черной печени, с ягодиц, изо всей крови горячей, из рук, из ног все двенадцать рогимцев: дергучий, ревучий, хохотучий, бессонный, параличный, безумный, гурной, трясуший,

генной, полуденный, ночной, полуночный.

Будьте вы, мои слова, исцелены, задние — назади, передние — наперед, в середине — забыты в уме. Будьте вы, мои слова, крепки, лепки, крепче серого камня, клейче клея клейкого и острее острого ножа, острее и быстрее самого меча-кладенца.

Не бойтесь, мои слова, ни перста, ни ногтя, ни встречного, ни поперечного, ни белого, ни русого, ни черного, ни конопатого, ни рыжего, ни парной баньки, ни ключевой воды, ни девки-простоволоски, ни бабы-самокрутки, ни вдовы, ни солдатки, ни мужней жены.

Зубы мои — закрепа, а уста мои — замок. Все свои слова я заговариваю своими заговорами; мертвым ногтем, безымянным перстом я зачерчиваю. И говорю я — заглушаю все скорби, болезни, все испуги, все переполохи, все двенадцать рогимцев. Закрываю на двенадцать замков, ключи бросаю в море.

В море щука-белуга лежит на дне, на желтом песке; ключи бросаю щуке-белуге в рот, а у щуки-белуги ключи никто не возьмет, и никто мои слова не перехитрит, не перемудрит и не переделает.

Все свои слова закрываю при утренней заре Марии. Все испуги, переполохи, все двенадцать рогимцев при вечерней заре Маремии. Закрываю, закрываю все страсти, болязни при полуночной заре Евдокии. Аминь (СФ — 84. Тетр. 1. № 6).

Заговор — приворожка творится, по словам Евгении Фроловны, на пот, который собирается в бане на чистую льняную тряпочку. Ее отжимают на пищу, которой потчуют любимого, естественно, тайно от него:

Встану я, раба Божья (имя), благословясь, пойду, перекрестясь, из избы в избу, из дверей в двери, из ворот в ворота в восточную сторону, пого всю луну Господню, под облако кудрявое, под красное солнце, под светел месяц, под частые звезды.

Как из меня пот выбивается, я его собираю, без пота я

ничего не делаю. Так же бы раб (имя), где бы он ни был, шел бы домой, торопился, нигде не останавливался, в словах не заговаривался. Чтобы я была раба (имя) рабу (имя) лучше, милее, мудрее его родного отца и родной матери, лучше и милее его братьев и сестер, лучше и милее и мудрее всего его роду и племени, лучше, милее, мудрее всех посторонних женщин, девок, солдаток и вдов.

Будьте, мои слова, исцелены, задние — назад, передние — наперед, и в середине — забыты в уме. Будьте, все мои слова, крепки, лепки; крепче серого камня, клейче клея клейкого и острее острого ножа, острее и быстрее самого меча-кладенца.

Не бойтесь, мои слова, ни перста, ни ногтя, ни дверей, ни порогов, ни ворот, ни притворов, ни буйных вихрей, ни лихих ветров, ни встречного, ни поперечного, ни двояженого, ни троюженого, ни двоюзубого, ни троюзубого, ни кривого, ни слепого, ни глухого, ни немого, ни конопатого, ни парной баньки, ни ключевой воды.

Закрываю слова мои на двенадцать замков, на двенадцать ключей. Замки у меня, а ключи я брошу в синее море, щуке-белуге в рот, у щуки-белуги щеки оловянные, зубы укладистые. У щуки изо рта ключи никто не возьмет, и никто мои слова не перехитрит, не перемудрит и не переделает.

Язык мой — ключ, а уста мои — замок. Замком замкнусь, ключом запрусь при утренней заре Марии, при вечерней заре Маремии, при полуночной заре Евдокии. Аминь (СФ — 84. № 7).

Отворожка сказывается на дым или чистую воду, которой следует напить объект действия. В заговоре использованы образы приворожек, но со знаком «минус». Оценка отворожки как греховного дела дана в зачине: героиня не благословляется, не крестится. Представление о греховности отворожки устойчиво. Она противопоставляется заговорам, дающим облегчение. В Першине помнят, как на казал Бог одну знатную, «баловавшуюся» дурными сло-

вами и делами: полтора года «как бы не в уме была. Умирала, не дай Бог никому. Земля таких — то не примат. Дыру в матице сверлили, чтобы отошла». Это было в середине 80-х годов. Были случаи, когда испорченные этой З., вылечившись у знахарок светлого слова, били «поганку». Зато носители помогающего слова «отходили», как будто уснув («Першино — 2000». С.8 — 9).

Сложная задача — отвратить человека от любимой — вызвала буйство словесного узора, экзотические образы и развернутость закрепки, направленной на закрепление тайны и силы слова:

Встану я, раба (имя), не благословясь, пойду, не перекрестясь, ни из избы и ни в избу, ни из дверей и ни в двери, ни из ворот и ни в ворота, и ни в восточную сторону, ни под всю луну Господню, ни под облако кудрявое, ни под красное солнце, ни под светел месяц, ни под частые звезды.

А пойду я к темному лесу поближе, поклонюсь пониже. А в темном лесу стоит избышка, она сложена не на мох, а на землю, эту землю с места сильным ветром и буйным вихрем не сдувает, ни дождем, ни водой не смывает. Она лежит, эта земля, в разных углах, рассохлась, рассыпалась. И так же бы раб (имя) об рабе (имя) не скорбел и не болел, не лелеял бы ее и не жалел.

В темном лесу живут лютые звери. Лев с тигрицей в одной берлоге не живет. Лев тигрице добычи не дает, лев тигрицу, как увидит, так на нее набрасывается, рычит и царапает. Так же бы раб (имя) свою любимую не лелеял и не жалел. Он бы ее в питье запивал, в еде заедал, в снах засыпал, в гуляночках загуливал, в пути-дорожке захаживал, в словах ее не вспоминал, забывал.

Как ползет змея-гадюка, она гадка для людей, противна, люди от нее отбегают, плюют. Так же бы раб (имя) на рабу (имя) плевал, ногами топал, зубами скрипел, руками махал, глаза закрывал и убегал.

Как в синем болоте сидит лягушка. Она вечно свету не видит и голоса не слышит. Так же бы раб (имя) рабу (имя)

не видел, шел — не останавливался и голоса ее не слышал.
Будьте вы, мои слова, исцелены, задние — назад, передние — наперед, и в середине — забыты в уме. Будьте, все мои слова, крепки, лепки; крепче серого камня, клейче клея клейкого и острее острого ножа, острее и быстрее самого меча-кладенца.

Не бойтесь, мои слова, ни перста, ни ногтя, ни дверей, ни порогов, ни ворот, ни притворов, ни буйных вихрей, ни лихих ветров, ни встречного, ни поперечного, ни двоеженого, ни троеженого, ни двоезубого, ни троезубого, ни кривого, ни слепого, ни глухого, ни немого, ни конопатого, ни парной баньки, ни ключевой воды. Не бойтесь, мои слова, ни девки-простоволоски, ни бабы-самокрутки, ни мужней жены, ни солдатки, ни вдовы.

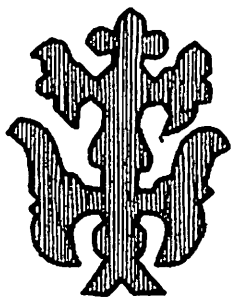
Закрываю свои слова на двенадцать замков, на двенадцать ключей. Замки у меня, а ключи я брошу в синее море, щуке-белуге в рот. У щуки-белуги щеки оловянные, зубы укладистые. У щуки изо рта ключи никто не возьмет, и никто мои слова не перехитрит, не перемудрит и не переделает.

Язык мой — ключ, а уста мои — замок. Замок замкнушь, ключом запрусь при утренней заре Марии, при вечерней заре Маремии, при полуночной заре Евдокии. Аминь (СФ — 84. Тетр. 1. № 8).

Сейчас к заговорам относятся очень бережно. Записать их трудно. Дело не только в поверьях о том, что передача их разрушит силу знахарки, но и в стремлении сохранить приработок — хотя бы небольшой («Першино — 2000». С.13). В экспедиции 2000 года не удалось записать заговоры от двух знатных знахарок. Одна из них прямо сказала: «Пока впереди зубы целы, никому не скажу. Вы — падут, перестану лечить, тогда передам. Мама моя померла с зубами, никому не передала». Этой «старуне» 84 года, она по винтовой лестнице носит воду на второй этаж («Першино — 2000». С.13). Однако разные ухищрения позволили записать чудесный заговор от глаза со всеми магическими

действиями у одной мудрой пожилой женщины.

Знахарство обязывает к соблюдению нравственных крестьянских норм. Одна из «знатких» сообщила, что на коленях просит у Богородицы прощения за грехи, прежде чем «принимается за младенца» или «за рабицу», а также просит удержать силу слова. Сокрушается, как бы не ушла сила. Главное — не делать зла, не «бросаться» словами и не пьянствовать. В свои 66 лет Е.Г. имеет большой опыт лечения. «Черных» заговоров не знает, поэтому ее доброе слово, по мнению односельчан, имеет большую силу. Не — сунут к ней детей. Идут взрослые. Считают, что помогает. («Першино — 2000». С.16).

II. САКРАЛЬНАЯ СИЛА СЛОВА

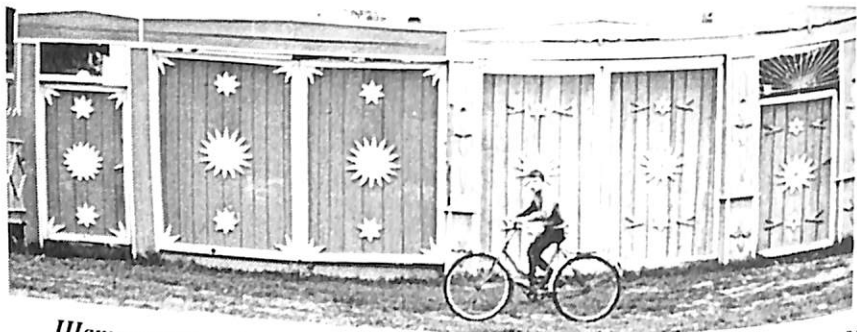
Определение заговора. В настоящее время утвердилось следующее определение жанра заговора: он «есть традиционная ритмически организованная словесная формула, которую человек считал магическим средством достижения различных практических целей». ¹ Но еще Э.Тэйлор призывал видеть в магии, «переживаниях», не «дикий и причудливый человеческий ум», а умение мыслить, обобщать, сопоставлять по принципу аналогии. ²

Заговоры — одна из древнейших форм народного творчества, в которых удачно переплетены практические цели, быт и поэтическая приподнятость над ним.

Доминантой в настоящее время в заговорах является слово. «Оно лечит, оно и калечит», — таково мнение зауральцев. Слову подвластно все: мироздание, тело и душа человека. А.Н.Афанасьев подчеркивал особое положение заговоров в народной жизни и в народных верованиях. Они, по его наблюдениям, — «предмет тайного ведения знахарей, колдунов, лекарей и ворожеек. Они не пригодны для забавы и, как памятки вещице, чародейного слова, помещают в себе странную силу, которую не следует пытаться извлечь в себе странную силу, которую не следует пытаться извлечь в себе странную силу. Зададим вопросу: «Почему оно так всемерно? Что придает ему такие возможности? Само ли по себе слово в заговорах обладает такой магической силой?» Ответ в значительной мере обнаруживается в зачи-

не: «Встану, благословясь, пойду, перекрестясь, из дверей в двери, из дома в дом, из ворот в ворота». В какие двери, в какой дом, в какие ворота надо пройти, чтобы слово обрело силу? Почему нельзя пользоваться словом без этих переходов? Да, очевидно, потому, что только за какими — то особенными дверями и воротами, в особенном доме слова обретают силу. Сопоставление с другими жанрами фольклора дает основание увидеть за дверями такой зеркально отраженный мир, у которого есть возможность наполнить слово магией. Это — мир мертвых, «тот свет», дом. Не случайно, гроб до сих пор в ряде мест называют домовиной. «Домовина, как подобие дома, — это не только деталь погребального обряда, но и выражение определенных религиозных представлений или, как несколько витиевато выражаются лингвисты, дом — «манифестант позитивного члена этих оппозиций (мертвое — живое; темное — светлое), воплощает жизнь, как таковую». ⁴

О семантике ворот как границе между мирами убедительно свидетельствуют записи Ибн — Фадлана. В качестве посла халифа Ал — Муктадира Ахмед Ибн — Фадлан видел в 922 году похоронный обряд на Волге. Ему удалось наблюдать обряд, посвященный «выдающемуся мужу» из русских. Погребальный обряд длился 10 дней. Умершего поместили в какую — то могилу. Для нашей работы важны замечания о воротах, которыми отделили покойного от живых. По обычаю, вместе с умершим должна была уйти обреченная девушка. Каждый день ей воздавались почести. Но наступил последний день. В лучах заходящего солнца (в подземный мир) девушку подводили к воротам, специально сооруженным около будущего костра. Ее трижды поднимали над воротами, она заглядывала вниз, во внутреннее пространство, в центре которого лежал подготовленный к сожжению господин. Когда ее подняли первый раз, она сказала, что видит своего отца и свою мать. Во второй раз она сообщила, что увидела сидящими всех умерших их родственников. И сказала в третий раз: «Вот я вижу

Шатровский район. Ютла. Солнца на воротах - древний оберег. 1990г.

своего господина, сидящим в саду, а сад красив, зелен. И с ним мужи и отроки, и вот он зовет меня. Так ведите же меня к нему».⁵

Здесь налицо переключка со сказкой. Только отец — мертвец мог передать младшему сыну не только Сивку — Бурку, но и магические слова: «Встань передо мной, как лист перед травой». «Лепкими и крепкими, крепче ножа булатного» становятся слова при одном условии: при благодетельном воздействии «того» света.

Прислушаемся к суждениям Э.Тэйлора, писавшего о том, что «в остатках старинной магии и религии можно иногда отыскать под условными выражениями более глубокий смысл, чем тот, который они выказывают теперь, или найти действительный смысл в том, что теперь кажется нелепостью».⁶

Связь с «тем» светом просматривается в обрядовой структуре заговоров: действиях, предметах, пространстве, времени заговора. От первого лица говорится о выходе в поле, к океан — морю, которые являются маркировкой мира мертвых. Заговор творится в пространстве, которое сакрализовано и включено в систему ценностей: у печи, у порога, в курятнике, бане, посреди двора и т.д. Предметы, нужные для заговоров, в значительной мере тоже ведут к «тому» свету: вода, зола, сажа, уголь, мертвая кость и т.д. Для традиции жанра характерна сакрализация време-

ни. Слово произносится на каком — то определенном временном переломе: 1а восходе месяца, на утренней заре. Опасными временными границами названы полночь и полдень, когда «тешатся» и «сгальтятся» (измываются, смеются) полуночица и полуденница. Особой магией наделено рождение — обновление месяца. В заговорах «от зубов» отражена мифема связи месяца с миром мертвых.

Магической силой наполнены действия: пальцем очерчивается круг, показывается кукиш, производятся рубящие и режущие движения, умывание водой, зажигание огня и т.д.

Отношения слова и действия. Вопрос отношения слова и действия выходит на проблему происхождения жанра. Говоря об этом вопросе, нельзя забывать о том, что заговоры — живой организм. Они развиваются, что — то теряя, что — то обретая. Еще Ф.И.Буслаев отмечал многослойность народной поэзии. Он видел, что в ней «наглядно выражается то причудливое наслоение исторических следов разных времен и разных поколений, из которых органически складывается всякая народность».⁷ Продолжая мысль о стадиальности устных форм поэзии, Ф.И.Буслаев предупреждал о невозможности однолинейного подхода к ней, о необходимости от каждой эпохи, отразившейся в фольклоре «требовать только того, что она может дать, не навязывать позднейших понятий периоду древнейшему и вообще не искать в старине того, что привыкли мы видеть вокруг себя».⁸

А.Н.Веселовский, развивая идеи Ф.И.Буслаева, выявил в статье «Синкретизм древнейшей поэзии и начала дифференциации поэтических родов» в фольклорных жанрах наличие стадиально разных «типов» (форм): основные и второстепенные. Основные — это то, что идет из глубины веков и несет печать мифа. Второстепенные принадлежат векам и несет печать мифа, его стилистике. То есть речь о собственной истории жанра, его стилистике, которые происходят о глубинных пластах и тех изменениях, которые происходят независимо от мифологического процесса. Реальные обрядовые действия и действия символические.

К древним реальным действиям относятся очерчивание круга, намазывание пятки заговариваемого сажей, умывание водой, сплевывание. О древности этой формы заговора говорит обилие древнейших «переживаний» — таких, как бинарные оппозиции, сакрализованность пространства, времени и чисел, анимизм, персонификация отвлеченных состояний и понятий, тотемизм, зооморфизм и антропоморфизм и т.д. Они просты и необходимы как неотложная помощь при ушибе, порезе, ожоге, укусе змеи, плаче ребенка, боли и т.п.

Спасая ребенка от бессонницы, брали три уголька, опускали в стакан, наговаривали и умывали лицо ребенка:

*Матушка ключевая водица
С моря текла,
Мыла, полоскала крутые берега,
Смывала, споласкивала желтые пески.
Так смой, сполочи с рабицы Анны
Все уроки, переполохи
И костоломицы, ломотицы
С белого лица, с ясных очей,
С черных бровей, с ретивого сердца,
С печени, с крови горячей.
Будьте, мои слова, крепки и лепки
(«Заговоры»). №121).*

В другом заговоре от бессонницы требуется опрыскать из рта всего ребенка и особенно ополоснуть ему ноги:

*Денная полуденница, ночная полуночица,
Не галься, не диканься над царьком, над угольком,
Над щетью колючей, над смолой кипучей,
Над рабой Божьей, младенцем (имя)
Аминь! («Заговоры»). №98).*

Известны в крае следующие заговоры от уроков: держа ребенка у порога или печки, сказать: «Какая мать родила, такая и отводила». Облизать ручки и ножки младенцу, как бы собирая болезнь ртом, затем сплюнуть (ПЧ — 88, С.235). Еще пример: наливают в таз чистую воду, в ней моют ложки. Затем этой водой моют ребенка лоб, руки и ноги. При этом 3 раза повторяют слова: «С гуся вода, с лебедя вода, с Аленушки (имя мальчика или девочки) вся худоба»

(СФ — 86. №21). Прибегают и к такому средству: берут стакан «непитой» воды, набирают из него в рот и в это время прикусывают зубами. Затем берут эту воду изо рта в ладонь и умывают ребенка на пороге, приговаривая три раза: «От ветра пришло, с ветром уйди». Ребенка, не вытирая полотенцем, кладут спать (А — 86. №1).

Действия и приговоры даже в рамках одного заговора варьируются, создавая целые циклы, направленные против определенной болезни. От крика, бессонницы, беспокойного поведения ребенка считается действенным и такой заговор: «как ребенок кричит, его надо умыть. Взять 2 ложки, положить их в кружку с водой, подойти к печке. Из кружки брызгать на цело, чтобы от него вода попадала на ложки. Потом этой водой умыть ребенка, приговаривая:

*Как это цело не хитится, не притчится,
Не урочится, не призорится,
Так бы и раб Божий (имя)
Не хитился, не притчился, не урочился,
не призорился.
Можно умывать в любой день и час
(«Казак — Кочердык — 81»). №57).*

Остановка крови обеспечивается трехкратным сбрызгиванием раны настоем крапивы, сделанным в алюминиевой посуде и наговоренным:

*Стану я, рабица Божья, благословясь,
Пойду, перекрестясь,
Из дверей в двери, из ворот в ворота
В восточную сторону.
В восточной стороне стоит океан-море.
У океана-моря стоит апостольская церковь.
Коло апостольской церкви лежит горяч камень.
Коло того камня — трава живительна.
Нарву траву, кипятком оболью,
к ране приложу.
Сохни, кровь раба, как ручей без воды,
Как трава без корня. Аминь. Аминь. Аминь
(Ф — 89. №27).*

Слово и действие сопряжены в любовном заговоре. Они образуют такое единство, утрата одной из составляющих

частей которого привела бы к разрушению заговора. Слово в нем без действия столь же бессмысленно, сколь бессмысленно действие без слова. Чтобы любимый не забывал, приходил, положено встать на порог входной двери левой ногой. Правой рукой взяться за скобку двери и правой ногой (пяткой) стучать в косяк двери, произнося сорок раз: «*Помяни, Господи, раба Божьего (имя), царство небесное, вечный покой, не в земле лежать — по земле ходить, мой дом не забывать и меня, рабицу Божию (имя). Аминь*» («Заговоры». №21).

Нерасторжимость слова и действия проявляется и в тех случаях, когда слово выступает как комментарий к действию. По остроумному замечанию Н.И.Савушкиной, в заговорах, «как в инструкции описывается производимое действие»⁹. Значительный материал привел Н.И.Савушкину к выводу о том, что обрядовые «действия основной части заговоров связаны с водой и огнем, исконными средствами, позже осложнившимися христианскими верованиями («святая» вода; чистотелверговая свеча; целебная вода, сли-тая с иконы и т.д.).¹⁰

Единство магического слова и магического действия рассматривается современными учеными как изначальная специфика жанра. «Разумеется, — пишет В.П.Аникин, — нельзя оспаривать факта существования некоторых магических действий и обрядов вне сопровождения каких-либо словесных высказываний, но остается недоказанным положение, что именно это состояние надо считать начальным в истории заговора. Обособление магических обрядов отмечено и в то время, когда уже в полной мере развился жанр заговора: следовательно, они могли существовать как автономные области, и у каждой из них была своя история. Правильнее будет предположить органическую связь слова и действия уже в самых заговорно — заклинательных актах: без словесной формулы пожелания или тробования заговора не существуют».¹¹

В.П.Аникин допускает существование первоначального

единства слова и действия. Развитие заговоров привело, по его мнению, к преобладанию слова, усилению веры в него. Роль действия уходит на второй план. Заговор не может существовать без веры в магическую силу слова.

Отголоском этого единства является диалоговая форма, которую А.Н.Веселовский возводил к обряду.¹² Система вопросов и ответов характерна для заговоров, простых по форме, еще не украшенных поздним творчеством.

Действие, слово, диалог. Диалоговая форма, восходящая к обрядам, сохранилась во многих ранних жанрах фольклора. «Круговые» песни святок, входящие в цикл обрядов зимнего земледельческого календаря, построены на диалоге: «А мы просо сеяли», «Олень», «Уж мы сеяли, сеяли ленок», «Ходит царь по городу», «Уж я золото хороню» и др. Диалог характерен для ранних сказок, былин, гаданий. В быличках вопрос, адресованный к домовому, давящему грудь человека, требует ответа. В гаданиях вопрос, по поверьям, обязательно откликнется ответом. Это может быть человеческий голос, лай собаки, шипение воды, разделение волос на пряди. Заговоры диалоговой формой построения входят в широкий круг древних явлений народной культуры.

Диалоговая форма в заговоре предполагает сообщение о действии и повеление делать его еще сильнее, основательнее, до победы, — «чтоб не было отрыгу». Для лечения грыжи требуется участие двух человек: старшего и младшего, вступающего в диалог. Заговаривающие не должны быть членами данной семьи, что предполагает тайное участие в лечении специальной фигуры, владеющей тайной слова. В заговоре от грыжи старший прикусывает болевое место. Младший спрашивает:

- *Что грызешь?*

- *Грыжу.*

- *Грызи, грызи, да без отрыгу. Век повеки. Аминь!*

Потом загрызает последний в семье, про себя повторяя: «Я сегодня не ела, вчера не обедала, все думала, грызу.»

Загрызашь грыжу, заедашь медвежьими, змеиным жалом.
Аминь («Заговоры». №97). В другом варианте велят так рубить грыжу, «*чтоб она отпала*» (Ф — 84. №883).

Более поздней стадией развития заговора следует считать замену одного из заговаривающих матерью ребенка. В этом случае «знаткими» оказываются рядовые люди, обычные смертные — мать. Она держит ребенка на руках. На порог кладут топор. У порога становится бабушка — лекарка, к которой обращается мать:

- Ты чего делаешь?

- Рублю.

- Что рубишь?

- Грыжу.

- Руби, чтоб она отпала.

- Аминь (Ф — 84. №883 (а)).

В архиве кафедры литературы Курганского государственного университета есть уникальный пастушеский заговор, включенный в обряд первого выгона скота. Примечательно, что заговор был составной частью значительного скотоводческого и земледельческого обрядового комплекса, направленного на плодородность земли и скота. Характерной чертой заговора является синкретизм слова, действия и диалоговой формы. Заговор творился во время первого выгона скота, приуроченного к Егорию (6 мая по новому стилю). Статус дня святого Георгия (Егория, Юрия) привнес в древнейший обряд христианские черты, переплавившиеся с язычеством.

Из языческой глубины до конца 30-х годов XX века донесены устной памятью такие элементы мифологии — человеческого сознания, как вера в ряжение, оберег через обман — магия слова, мифема бинарной оппозиции, диалог. Заговор в обряде выполняет самую ответственную роль. Он завершает весь обряд, утверждая идею ограждения и плодородия. Начинаясь обряд с окликивания Егория. Ранним утром 6 мая ребяташки (дети, подростки) шли по домам, «кликая Егория под окнами». Практическая цель окликивания в данном случае — собрать яйца:

*Батюшка Егорий,
Спаси нашу скотинку,
Всю животинку
В поле и за полем,
В лесе и за лесом,
В лесу и за горами,
За широкими долами
Зеленький лужок,
Пастух выйдет на лужок,
Заиграет во рожок.
Хорошо пастух играет,
Выговаривает:
- Телоньки, телитесь!
Свинки, пороситесь!
Волку, медведю —
Пень да колода
Да белая береза.
Нашим-то телонькам —
Травка-муравка.
Курочки, неситесь!
Хозяюшка, добритесь,
Хозяин, не скупися —
Богу на свечку,
Ребятам по яечку!*

Если выносили гостинцы, дети продолжали кричать:

*Дай вам Бог двести коров,
Полтораста быков, семьдесят телушек —
Лысенких, криволысенких.
Они в поле-то идут —
Все помыкивают.
Они из поля идут —
Все поигрывают.*

Если хозяева делали вид, что не слышат, ребята грозили:

*Кто не даст яйца —
Всю скотину со двора —
Под медведюшка.*

После обхода дворов шли в поле или на луг, где все это съедалось. Дальше начинались игры, хороводы (Г — 99. Тетр. Л. Пономаревой. С. 55 — 56).

Обрядовый комплекс Егорьева дня ученые относят к глаубокой древности. А.Н.Афанасьев,¹³ П.С.Ефименко¹⁴ отождествляли Егория (Георгия, Юрия) с Ярилой — Солнцем.

В.К.Соколова рассматривала исконную основу обряда как «стремление сохранить скот, получить приплод».¹⁵ По ее наблюдениям, основанным на украинских, белорусских и русских материалах, для Егорьева дня «специфичны были заклинательные формулы окликанья Егория, обращение к нему с просьбой отворить землю, а также пастушеские заговоры»¹⁶.

Основная часть обряда, зафиксированного в Зауралье, выносилась в поле, заключительным аккордом был заговор. Приготовив яичницу из принесенных хозяевами скота яиц, пастух распределял роли между подпасками: «*Ты будешь зайцем, ты — слепым, ты — хромым, ты — замком, ты — колодой. Встаньте, погпаски, вокруг стада*». Сам пастух обходит стадо, держа в руках яичницу, и поочередно обращается к подпаскам:

- *Заяц, заяц, горька ли осина?*

- *Горька!*

- *Дай Бог, чтобы и наша скотинка для зверя была горька! Слепой, слепой, видишь?*

- *Не вижу!*

- *Дай Бог, чтобы и нашу скотинку не видала зверинка! Хромой, хромой, гойдешь?*

- *Не гойду!*

- *Дай Бог, чтобы и зверинка не дошла до нашей скотинки! Замок-замок, разомкнешься ли?*

- *Не разомкнись!*

- *Дай Бог, чтобы и у зверя не разомкнулись зубы для нашей скотинки! Колода, колода, повернешься ли?*

- *Не повернись!*

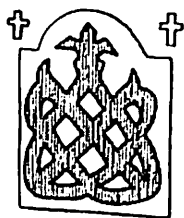
- *Дай Бог, чтобы и зверь не повернулся к нашей скотинке!*

Обойдя стадо три раза, пастух с подпасками ели яичную, изжаренную на сале, которое тоже приносили владельцы животных (Г—99. Тетр. А.Пономаревой. С.53—54). Заговор записан в Куртамышском районе, известном скотоводческими традициями. Сейчас и обряд, и заговор стали составной игровой частью праздника. Зауральская запись расширяет представление о жизни заговора, его месте в

календарной обрядности, синкретизме древних форм народной культуры, ареальности обрядов Егорьева дня.

Появление этого заговора за уралом представляет собой загадку. Дело в том, что один из вариантов записан П.В.Шейном в с. Мошкове Оршанского уезда Могилевской губернии. Заговор из белорусского обряда первого выгона скота в записи П.В.Шейна В.К.Соколова назвала интересным¹⁷.

Белорусы наряду с обычными обходами стад пастухами при первом выгоне совершали следующий обряд. Судя по публикации В.П.Шейна, пастухи в Юрьев день обходили стадо два раза: утром с иконой и вербой, вечером — с яичницей. При этом творили заговор в лицах. Для яичницы пастухи собирали яйца, сало и молоко по всей деревне, чтобы скотина каждого двора была причастной к обряду, чтобы на нее распространялись защитные силы слова, действия, предметов. Яичницу жарили в поле. Один из пастухов обходил с нею стадо, собранное в круг. Другие пастухи получали «роли»: «*нехто зайцым, хто крывым, хто сляпым, хто колодой, а хто кукушкой*». Тот, кто нес яичницу, спрашивал: «*Заиц, заиц, ци горка осинка?*» — «*Горка!*» — «*Нихай же наша скоцынка так будзись горка воуку*». Далее следовало обращение к кривому: «*Кривы, кривы, ци гойдзишь ты?*» — «*Не, не гойду, ни вижу*». — «*Нихай жа воук ня видзишь нашый скотыны*»; — «*Колода, колода, ци пывернисся ты?*» — «*Не, не пыварнуса*». — «*Колода, колода, ци гнипыверницца ды нашый скоцыны*»; — «*Колода, колода, ци гнила ты?*» — «*Гнила*». — «*Нихай жа у возки зубы будуць гнилы*» и т.д.¹⁸. На утверждении в Зауралье данной традиции. Хотя в Куртамышском районе переселенцев — белорусов мало, однако игровое начало обряда, включающего заговор, могло привлечь внимание русских, которые не отгораживались от посельщиков других национальностей.

III. КЛАССИФИКАЦИЯ И ТЕМАТИКА ЗАГОВОРОВ

Один из серьезных исследователей заговоров В.П.Петров, справедливо писал о широком их применении «во всех случаях и обстоятельствах жизни, как личной, так и хозяйственной и социальной: в случае болезни, неудачи в торговле, когда шли на суд, при падеже скота, чтобы вызвать любовь у женщины или же избавиться от любовной тоски, при выгоне скота в поле, перед началом кулачного боя и т.д. Заговоры произносились заблудившимися в лесу против домового, против русалок. Существовали заговоры на выживание кикиморы, чтобы рожь хорошо росла, чтобы петух двора держался, чтобы лошади не выходили с паствы на другое место, при отыскании кладов, от сглаза, от пули, чтобы свадьбу расстроить или, напротив, укрепить. Наиболее распространенный тип заговоров — заговоры против болезней».¹ Он сослался на известный сборник Л.Н.Майкова «Великорусские заклинания», в котором из 372 заговоров 275 относятся к числу последних. В наших материалах процент лечебных заговоров еще выше. Из 570 текстов нелечебных всего 160. Сюжеты и сюжетные мотивы разнообразны. Их классификация представлена в «Указателе сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян», который составил В.А.Кляус (М., 1997).

Классификация заговоров. В современной науке выделяют по характеру магии два типа заговоров: «белые», то

есть направленные на избавление от недугов и бед и со- держащие элементы молитвы («знатьё», «знахарство»), и «черные», направленные на принесение «порчи», вреда, употребляемые без молитвенных слов (колдовство, связанное с «нечистой силой».²

«**Черные**» заговоры. В материалах, записанных в крае, есть шесть «черных» заговоров на разлучение мужа с женой. Количество их объясняет менталитет зауральцев. В их сознании укоренилась мысль о греховности сознательного нанесения вреда. Среди прочих грехов этого плана в числе первых называется грех против семьи. В духовных стихах грешная душа кается в том, что три греха совершила:

*В утробе дитя погубила,
Мужа с женой разлучила,
У соседушки коровушку подоила.
Нет той душе прощенья*

(«Широково — 88». №37).

«Черные» заговоры, по поверьям, открывают дорогу прямо в ад. Старожилы сел по реке Ирюму называют трех женщин, которые портили свадьбы и людей. У этих женщин не осталось детей, но есть живые родственники. Однако даже это обстоятельство не останавливало информаторов, даже это обстоятельство не останавливало Сколькo лю- приговор которых был суров: «Будь проклята Сколькo лю- дей погубила. Ходила зиму — лето — платок на глаза. Умерла без людей» («Самохвалово — 87». С.24 — 27). Про Другую говорили, что, умирая, грызла себе руки и полусто- нала, призывая к себе: «Иди, дам титечку пососать». Видно, передать свою силу хотела. К «черным» знахаркам ста- рались не ходить и вообще не попадаться им на глаза. Особенно беспомощны перед ними младенцы, красота и Свадьба. Невесту, по уверениям, портили так, что она не соображала, что происходит («Широково — 88». №15,17).

Другой тип порчи — напущение на невесту «бабьих мук», то есть родовых схваток. Результатом порчи становилось отсутствие «дитенка» и даже ранняя, нелепая гибель ис- порченной («Широково — 88». №16). Порча жениха со-

стояла в том, что он оказывался «не способным к семейной жизни» («Самохвалово — 87». С.26). Обе свахи (от жениха и невесты) на пути следования от невесты к церкви или уставщику вели себя всего страннее, когда «вдруг ни с того, ни с сего останавливались лошади» и храпели, все в мыле. Свадьбу хлопали своими подолами или собирали «глызы» (смерзшийся навоз).

В с. Неонилинском Шадринского района в настоящее время мужчины опасаются двух женщин, которые напускают мужское бессилие, делают мужчину «кырлою» («Неонилинское — 94». С.36 — 37). Никто не знает, как это делается, но как — то стало известно, что порча наводится на желтые следы, которыми метится снег, когда туалет устраивается там, «где приспичило».

У семейных «отнимают постель» («Неонилинское — 94». С.19). Мужчина как мужчина, жена мила, а интимной жизни нет. Сообщалось и о порче, которая проявляется в отвратительном запахе. От невесты, а затем и от жены начинается «нести покойником. Хоть ты замойся, воняет». Так и расходятся.

Село Хлупово Половинского района славится тем, что там будто бы портили речь. Говоря чисто, человек внешне «ко — ко — ко».

Владение «черной» силой, по поверьям, — от дьявола, умение это следует передать кому — то, кто моложе. Человек, знающий «черные» заговоры, не властен над своими поступками, его черти толкают на мерзкие дела.

«Белые» заговоры. «Белые» заговоры более разнообразны. Лечение ими считается богоугодным делом. Знахари — токи заговоров ценили, их знали. Они пользовались к тому же травмами и мануальной терапией. Знахарство старались передать по наследству, подводя к делу дочь лет с пятнадцати. Из знахарок некоторые бабничали. Вероятно, они были хорошими психологами. Рассказывала учительница из Неонилинского, трезвомыслящий, современный че —

ловек о знахарке — своей матери, знавшей «назубок» трав — ник. К ней возили больных со всей округи. Запущенные болезни лечила долго. Одной девочке, «напуганной до обмороков и помешательства в уме, делала девятисильник». После первой бани — начала лечения — девочка спала, а лекарь явно болела. Процесс лечения был долгим: месяц, перерыв, потом еще больше месяца. К счастью, больная поправилась. Так как целительство в послереволюционные годы сплошь расценивалось как шарлатанство и даже преследовалось, традиция истинного знахарства почти сошла на нет. («Неонилинское — 94. С. 9 — 10).

Кроме деления заговоров на «белые» и «черные» есть еще один принцип классификации — по объектам их направленности: лечебные, хозяйственные, любовные, ситуативные.

Лечебные заговоры. Лечебные заговоры дают интересные материалы для изучения представлений древности о человеке, его физическом и духовном состоянии. Материалы лезней и изобретения способов борьбы с ними. Материалы свидетельствуют о наблюдательности создателей и носителей заговоров, внимательном изучении недуга. На каждый недуг отыскивались специальные слова, действия и даже предметы. Если утин — радикулит — можно рубить, то занозу — выстреливать, а уроки — переполохи — смывать.

Обратившись к поэзии заговоров и заклинаний, а с ними вся со знанием дела писал о том, что «заговоры, а с ними вся область народной магии и обрядности, оказались тою руной, где блещет золото неподдельной поэзии; тем золотом, которое обеспечивает и книжную поэту, можно «вступить вплоть до наших дней». По мнению поэта, можно «вступить в темную область гаданий и заклинаний, в которых больше всего сохранилась древняя сущность чужого для нас ощущения мира», только «постигнув древнюю душу, только Думается, наоборот: постигнуть древнюю душу можно, только погружаясь в древние формы культуры, в том числе, и в мир лечебных заговоров.

Самая значительная группа лечебных заговоров — от

детских болезней. Повседневным ритуалом является ополаскивание ребенка с приговором: «С гуся вода, с гоголя вода, с младенца худоба». Худобы еще нет, а оберег от нее есть. Другие заговоры сложнее. Они направлены против испуга, переполоха, урока, сглаза. Приведем пример последнего. В чашку наливают воды, кладут горячие угли и приговаривают:

Огни — от головы, другие — от сердца,
Третьи — от крови и четвертые — от нервов.
- Матушка-водица,
Колодечная (речная) царица,
Пособи, помоги, исцели, излечи.
Батюшка-ясный уголечек,
Будь ты мне дружок,
Пособи, помоги, исцели, излечи
Все скорби и болезни —
Ломучи, жгучи, согнучи, дергучи
И скучи, переломы — скатитесь,
Свалитесь с буйной головы,
С серого мозга,
С русых волос,
С черных бровей,
С ясных очей,
С белого лица,
С белых зубов,
С красных десен,
С ретивого сердца,
С крови горячей,
Изо всех нервов,
С семидесяти семи жил, семидесяти семи суставов.
Все скатитесь, свалитесь,
Не останитесь, не задержитесь,
От всего стана человеческого.
Тело бы бело не щипало,
Кости бы не ломало. Аминь.

Дают пить и сбрызгивают («Шатрово — 84». №9). Есть заговоры сложные, требующие неукоснительного соблюдения действий и заговаривающего и больного. Заговор, который записан в с. Малетине Куртамышского района в 1979 году от семидесятилетней женщины, в силу устного бытования сохранил словесную абракадабру. Однако не

произнести неясное слово Мария Ивановна не считала возможным. Как заучила, так и произносит. По традиции соблюдает и другие правила, в том числе не берет плату деньгами, но принимает подарки — плату товаром. То есть до конца XX века сохранилась доденежная форма отношений при лечении: «Товар — товар».

Пример наговора от испуга и уроков: нужно взять соуда с водой (бутылочку или стакан). Встать около печи, прямо против чела и, помолясь, начинать наговаривать:

«Господи, меня благослови. Стану я, рабица Божья Мария, благословяся. Пойду я, перекрестяся, из дверей в двери, из ворот в ворота на океан-море. На океане-море стоит стол, стоит престол с ангелами и с архангелами и с Пресвятой самой Девой Марией. Я, рабица Божья Мария, подойду к ним поближе, поклонюсь пониже. Поклонюсь и покорюсь, и покучусь:

Утушите, утолите у рабицы Божьей Анны (например) страхи, переполохи, уроки, щипоты, ломоты, позевоты. Из белого тела, из ретивого сердца, из ясных очей, из темных бровей, из семидесяти жил, из семидесяти суставов, из семидесяти споявов, из косточек, из жилочек, из ручек, из ноженок, из буйной головы и со всего стану человеческого. Сокатитесь, совалитесь, двенадцать родимцев, двенадцать недоимцев, двенадцать худых худовой, зубец палючий, ревучий, тягучий, мозговой, костовой, зубной, головной, тягучий, морозучий, пагучий, хохотучий, со всего стану человеческого.

Кое я, рабица Божья Мария, слово не договорила, друго переговорила. Все будьте, мои слова, крепки, лепки, крепче, лепче. Язык мой — замок. Аминь».

Знахарка кладет в сосуд уголек. Если он всплывет, то значит, человек выздоровеет, а если нет, то умрет. Требуется неукоснительное соблюдение действий. Лекарка наговаривая на воду, уходит в другую комнату. Деньги она не принимает, говоря: «Если будете подавать, то я вообще лечить не буду». Но от подарков не отказывается, так как

считает, что если больной ничего не подарит, то ему легче не будет. Бутылочку или банку с водой надо обязательно плотно закрывать. Человеку, несущему этот сосуд, нужно обязательно ступать правой ногой на порог. Больному дается выпить три глотка, затем он должен помочить голову, умыться, помочить руки, ноги, около сердца. Если эту процедуру делает сама лекарка или больной умывается в присутствии нее, то она говорит: «Из рученок, из ноженек, из буйной головушки, из зеленых очей, из черных бровей». Если вода останется, то ею лучше полить комнатные растения, говоря: «С камня пришла, на камень пойдя, с моря пришла, на море пойдя, с востока пришла, на восток пойдя» («Заговоры». С.56-83).

Испут и сглаз считаются, по традиции, главными из распространенных причин болезни. Вероятно, это тоже влияло на возникновение многочисленных вариантов. Большие тексты формировались и под влиянием христианства, собирая образы «истинного Христа, Матушки Богородицы и всей рати апостольской».

Стану, благословясь, пойду, перекрестясь,
Из дверей в двери, из ворот в ворота
Под восток, под запад, под красное солнце,
Под частые звезды к океану-морю.
На океане-море есть остров.
Там стоит свята апостольная церковь.
Стоит стол, на престоле сам Исус Христос,
Матушка Богородица со ангелами, со архангелами.
Погойду поближе, поклонюсь пониже.
- Как ты сечешь, рубишь златой камень,
Он не сечется, не рубится, не крошится.
Так у рабы божьей (фамилия, имя)
Не шило, не рубило,
Ни уроки, ни прозор.
Родимцы сорвать и в море бросать.
В синем море ходит щука-белуга,
Зубы железны, глаза проворожны.
Я тебе, щука-белуга, поклонюсь и помолюсь,
Не схватывай, не сглатывай
В морскую глубину,

Схвати, сглоти с рабы божьей (фамилия, имя)
Уроки, призоры, страхи, переполохи,
Все худобы с буйной головы,
Из печени, крови горячей,
Из семидесяти семи жил, из семидесяти семи
суставов,
Из всего человеческого стану.
Сохли-иссыхали, исчезали, не отрастали
При младом месяце, при молодых ярких цветках.
Отговаривай с рабы божьей (фамилия, имя)
От белого, от русого, от трехшерстного,
От встречного, от поперечного, от бабы-
самокрутки,
От слов, которые говорены — не говорены,
Сзади на зде, с середя на середя,
Замок — в гору, а ключ — в море
(«Кодское — 87». С.10).

Заговоры от испуга многочисленны, но все они связаны мотивами смывания или смахивания болезни. Они пронизаны двоеверием. Матери — христианки стремились получить помощь от всеобщей матери — страдальцы, матери — заступницы — Пресвятой Богородицы. Заговаривающий обращается не только к Пресвятой Богородице, но и к чистой (белой) воде:

Белая вода, речная глубина,
Ты моешь и полощешь крутые берега,
Желтые пески смываешь.
Смой, сплочи уроки, переполохи,
Призоры, притчи.
Скатитесь, свалитесь с белого лица,
С ясных очей, с черных бровей,
С ретивого сердца,
Со всего стана человеческого, с рук, с ног.
С ветра пришло, на ветер пойдя,
С лихого пришло, на лихого пойдя,
С собаки пришло, на собаку пойдя.
Аминь, аминь, аминь.
Сила господняя, честная, благотворящая
Креста господнего,
Помоги нам всем, грешникам.
Которые слова говорены, будьте все сполна
исполнены.

(«Заговоры». №80. С.Золотое Мокроусовского района).

Известен и следующий текст, утверждающий действие заговора в глобально расширенных рамках времени: «От рода человеческого до гробовой доски»:

*Во имя Отца и Сына и Святого Духа.
Сполощи испуг от рода человеческого
До гробовой доски.*

*Вовеки, вовеки,
Отныне и до века свят дух. Аминь*

(«Заговоры». С.47).

Для сопоставления приведем еще один заговор:

*С голя вода, с гуся вода,
С лебедицы вода.*

С тебя, раба божья (имя)

Вся боль-худоба,

Все страхи-переполохи,

уроки, призоры,

Свет-родимец,

Худые думы — худые мысли,

Выйдите, выступите

Из белого тела,

Из ретивого сердца,

Из легких, из печени,

Из крови горячей,

Из живота, из желтых костей,

Из синего мозга, из семидесяти семи костей,

Из восьмидесяти восьми суставов.

Двести семьдесят болей, двести семьдесят

скорбей,

Которы помянуты,

Которы не помянуты,

Будьте они все помянуты,

Замрите они, засохните

От моей думы,

От моей мысли.

Будьте, мои слова, крепкие и лепкие,

Тверже камня,

Крепче булата,

Уста мой — замок,

Язык мой — ключ.

На трое аминь.

Повторить три раза («Заговоры». №63).

Отметим, что заговоры от урока представлены несколькими сюжетами. Это говорит в пользу тезиса о разных традициях жанра, которые сошлись в Зауралье и о внутренней жизни самого жанра. Заговоры возникали в разных местах проживания русских и принесены в край за Уральским Камнем переселенческими потоками. Однако тексты разных заговоров сохранили глубинные стадии мифопоэтического мышления и двоеверие. Сквозным для них является образ воды. Приведем два заговора, записанных в 1971 году от женщины шестидесяти лет в с.Дубровном Лебяжьевского района. Район заселялся выходцами из разных губерний, что и наложило отпечаток на жизнь всех жанров фольклора. Не исключением являются и заговоры:

*Матушка-водица ключевая, красная девица
Мыла-полоскала круты горы, белы пески.
Смой с рабы Божьей (имя) все уроки, переполохи,
Щипотищи, ломотищи с жил и с печеней,
С ясных очей, с чистых бровей, с горячей крови,
С красного мяса, с ретивого сердца,
Со всего стана человеческого.
Имею отговорку от встречного-поперечного,
От колдуна, от колдуницы, от еретика, от еретицы,
От девки-самокрутки, от троежёного, от двоёжёного,
От двоезубого, от троезубого.
Которые слова позабыла,
Которые учитель не научил,
Будьте все в соборе-договоре.
Как Господь зааминил небо и землю,
Так и зааминь все скорби, болезни,
Ныне и присны, вовеки веков. Аминь!*

(«Заговоры». №95).

Для сравнения приведем второй сюжет:

*Стала рабица Божья (имя),
Благословясь и перекрестясь.
Из дверей в двери, из ворот в ворота
Пойду на океан-святое море.
На океан-святом море стоит треков губ,
На нем сидит орел-птица:*

*Очи медны, нос железный.
Как ее не берет ни дождь, ни вода,
Ни утренняя матушка-заря,
Так бы рабу божью, младенца (имя)
Не брали уроки-переполохи, хишки, притшки,
Щипотищи, ломотищи, потяготищи,
Скорби, болезни.
Не скорбели бы, не болели,
Не отрывали, не отрыгали,
Исходили да истекали из седми-семи костей,
Из суставов, из русых волос, из буйной головы.
Век повеки, вовеки веков, аминь*
(«Заговоры». №63).

Для истории заговоров в крае характерно частичное забвение функциональной направленности определенного сюжета. Он может использоваться и от уроков, и от испуга. Сам текст дает основание для широкого использования его. Перечисление многих болезней — основа многофункциональности заговора. Однако в репертуаре одного носителя традиции заговоры от уроков и испуга различаются. Мы приводили заговор от испуга из села Золотого Мокроусовского района. Эта же лекарка сказала заговор от уроков, который имеет свою индивидуальность, свою образную систему и свои средства художественной изобразительности, хотя есть и сходство, проявившееся в сквозном образе уроков — переполохов, императиве «смой, сполощи»:

*Заря-зарица, светлая водица!
И вы, уроки-переполохи,
И вы не хулуйтесь,
И вы не красуйтесь
У раба Божьего (имя).
И на чем вы схватились,
На том унимитесь:
Или на нитки,
Или на едины,
Или на дорогах,
Или на пригодах,
Или от русого волоса,
Или от белого лица.*

*Заря, зарица, светлая водица!
И все уроки, переполохи
Смой, сполощи с раба Божьего (имя).*

В воду класть три уголька, говорить: «Мужик, баба, девка, русалка». Затем идет заговор. Этой водой умывают раба Божьего («Заговоры». №79а).

Для исторических судеб заговоров в крае характерна многочисленность заговоров от «ночницы — полуночницы» и «денной денницы», то есть беспричинного плача, беспокойства, вызванного, по древним представлениям, антропоморфными существами, которые «сгальтятся» над ребенком. Намазав пятки сажеей, наговаривают:

*Денная денница,
Ночная полуденница,
Не галься, не пьялься
Над младенцем, А пьялься и галься
Над кошками, собаками,
Над малыми мышатами,
Над кирпичом, над черной сажеей* («Заговоры». №2).

Другие варианты более обширны, что связано с перечислением частей тела, откуда должна выйти болезнь, и приказанием ребенку быть спокойным. Такие варианты, как считается, более поздние. Надо сказать, что в заговорах от полуночницы редко упомянута Богородица с ее небесной ратью. Эти заговоры почти не «задеты» христианством. Может быть, они и являются наиболее древними. В 1975 году записан от информантки 1904 года рождения характерный заговор, не испытывавший большого влияния христианства:

*Полуночная полуночница,
Полуденная полуденница,
Шепотуха, ропотуха,
Нет тебе дела
До младенческого тела.
Не смейся, не галься
Над рабом Александром.
Не щипли, не щекоти
Ни руки, ни ноги,*

*Ни бело тело,
Ни ретиво сердце.
Спал бы раб, просыпался
Во дне, при солнышке,
В ночи, при месяце
Тихо, смирно, спокойно,
Угомонно, не страшился,
Не полохался, не ворочался
Ни во дне, ни в ночи,
Отныне и до века* («Заговоры». №112).

Женщина 46 лет, лечащая своих детей, пользуется примитивным заговором, в котором явны следы разрушительного влияния времени. Так, не разведены «заря — зарница» и «ночная полуночица». Лекарка обращается к ним за помощью, начисто утратив древнее представление о семантике этих образов:

*Заря-зарница, красная девица,
Ночная полуночица,
Дай Ванюше сну,
Возьми у Ванюши крик.*

Шестикратным повтором текста стремятся достичь желаемого результата (Ф — 84. №884).

От детских болезней, в том числе от бессонницы, рекомендуют читать «Отче наш» или «Сон Пресвятой Богородицы». Но истинные знахарки знают, от чего и как лечить: Федора Агеевна С. из Мокроусовского района (1915 г.р.) искренне верила в магическую силу слова, считала необходимым научить других (моложе себя), не брала за лечение ничего. В ее понимании тексты от детской бессонницы нельзя использовать при лечении уроков и испуга. Разные болезни, по мнению лекарки, требуют разных заговоров.

От детской бессонницы. Ребенка легонько быют безрезовым веничком и приговаривают:

*Денная полуденница,
Ночная полуночица,
Не галься, не диканься
Над малым младенцем (имя),
Ни над ручками,*

*Ни над ножками,
Ни над русым бровями,
Ни над серым глазом.
Галься, диканься
В поле над белой березой.
Там тебя звали,
Там тебя почитали.*

Три раза сплунуть через левое плечо (А. 87. Тетр. № 6. № 1).

От уроков и испуга наговаривает на воду с приговором:

*Встаю я, раба Божия Федора, благословясь,
Пойду я перекрестить
Из дверей в двери,
Из ворот в ворота
Под утреннюю зарю Марью,
Под вечернюю Мартемьяну,
Под красное солнце,
Под светел месяц,
Под всю луну господню,
К синюю Море-океану.
Пойду я к нему поближе,
Поклонюсь понижее:
- Как с тебя, сине море,
Пену бьет — избиват,
Не оставляют,
Так бы и я с младенца Ивана
Била, сбивала, не оставляла
Все хворости, боясти, болести,
Уроки, призоры, переполохи,
Шепотишше, ломотишше,
Позевишше, худобишше.
С его белого тела,
С ретивого сердца,
С легкого, с печени,
С крови горячей,
С семидесяти семи жилочек,
С семидесяти семи суставчиков,
С его буйной головы,
С черных бровей,
С ясных очей* (А — 87. Тетр. № 6. № 2).

Однако заметна другая тенденция: направлять один и тот же заговор на разные болезни (испуг, урок, бессонница) или объединять два текста в один.

Известны заговоры от родимца — падуцей. Они имеют большое сходство с заговорами от уроков — переполохов. Один из устойчивых мотивов — обращение за помощью к батюшке Христу и матушке Богородице: «*Пособите, помогите*»:

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Принимаюсь я, рабица (имя), за младенца (имя ребенка). Первый уголек — урочный, второй — переполошный, третий — родимичный, отзывательный, потягательный. Начинаю я, рабица Божья (имя), за младенца. Батюшка истинный Христос и Пресвятая матушка Богородица, и все святые ангелы и архангелы, пособите мне, рабице (имя), помогите удушить хворости и болести. Я, рабица Божья (имя), выгоняю из буйной головы, из частых ресниц, из ретивого сердца, из печени и горячей крови семьдесят семь родимцев, семьдесят семь худобимцев, жгучий родимец, колючий родимец, пластучий родимец, деручий родимец, опупной родимец, костовой родимец, мозговой родимец, черный родимец, месячный родимец, расслабительный родимец. Батюшка истинный Христос и матушка Пресвятая Богородица, приступитесь к младенцу (имя ребенка). Я, рабица Божья (имя), выгоняю своим наговором из костей, из мозгов, из суставов, изо всех членов, изо всего стана человеческого, на правляю на сон, на угомон, на великое здорovie. Хворости, болести сном проходились бы.

Будьте, мои слова, все сполна крепки и лепки, пагучи, бродучи, крепче камня, крепче булата и булатного ножа. Утренняя заря Марая, вечерняя заря Маремьяна, издыхающая, изгорает. Все святые отцы-матери перекрестятся, все ангелы и архангелы, херувимы и серафимы, вся сила небесная, приступись к младенцу (имя младенца).

Прочитать три раза над водой и умыть ребенка. Во все заговоры бабушка верит и лечит ими (Б—90. Тетр.4. №22).
Обеспокоенностью по поводу как будто беспричинного плача вызваны многочисленные заговоры от полуночи — цы. Полуночица — антропоморфное существо, с которым

не церемонятся. Она эгоистична. Себе на потеху она щип — лет, щекочет, пугает ребенка, смеется, издевается над ним. Она не обладает силой персонажей, которые насылают ряд других болезней. Поэтому ее просто выгоняют, док — зывая, что ее место вдали от ребенка. Это — не родимец, избавиться от которого так трудно, что нужна помощь все — сильных христианских персонажей. Полуночица попроще, поэтому разговор с ней крутой:

*Щекотуха, чумазуха,
Нет дела до моего младенца.
То тебе дано в чистом поле,
Широком раздолье —
Рыть и копать осиновые корни,
И глотать.
Кочки рыть, мышьяк детушек будить,
А моего младенца (имя)
Не щекотать, не чумазать.*

Читать перед сном (Б—90. Тетр.5. №21).

Заговоры, записанные в Зауралье, показывают, что христианские образы и мотивы в заговорах от испуга, урока разнообразны. Они играют значительную роль в появлени — нии вариантов и в активности бытования жанра.

В некоторых вариантах болезнь смывает, споласкивает Богородица с ангелами, архангелами, с батюшкой истинным Христом, со всей силой небесной: Егором Храбрым, Ильей Пророком, Николаем Чудотворцем, Пантелеймоном — великомучеником:

Пойду я, рабица Божия (имя), из дверей во двери, из ворот в ворота под красное солнце, под светлый месяц, в чистом чистое поле, в чистое раздолье. В чистом поле, в чистом раздолье — океан-море. На этом океан-море стоит матушка Святой апостольской церкви. В этой Святой апостольской церкви — престол. На этом престоле спала и опочивающая матушка Пресвятая Богородица с ангелами, с архангелами, с батюшкой истинным Христом и со всей силой небесной. Егор Храбрый, Илья Пророк, Николай Чудотворец, Пантелеймон-великомученик, помогите мне и споло-

щите, смойте с рабицы Божьей (имя), все хитки и при-
тки, и уроки, призоры, страхи, переполохи, и страсти, и
болезни, щепотищи, ломотищи, озевуищи. Аминь.

Рассыпной родимец-пагучий, дергучий, ревун, позакож-
ный, костяной, жилиной — с буйной головы, с яркого мозга,
ясных очей, с черных бровей, из костей, из ресниц, из яго-
ниц, из белых зубов, из красных десен, из розовых щек, из
алых губ, из белых рученок, из резвых ноженек, из ного-
точков, из локоточков, из пяточков, из всех позвоночков,
из сердца, из печени, из крови горячей, из красного мяса,
из белого сала, из семидесяти семи жил, из семидесяти
семи членов, со всего стану человеческого. Тухни-истухай,
сохни-иссыхай. Днем при солнце, ночью — при месяце, при
утренней заре Марии, при вечерней Маремьяне, чтобы
кости не ломило, чтобы тело не щипало, чтобы суставы
не ломало, чтоб не тикало, не мыкало, не скорбило, не бо-
(имя). Аминь.

Перед тем, как читать, следует три раза перекреститься
(А — 90. С.160).

В вариантах уроки — переполохи смывают три девицы
из апостольской церкви: первая — Мария, вторая — Ана-
стасия, третья — Матушка Пресвятая Богородица. Смы-
вают не простой водой, а святой христовой. Таким обра-
зом, заговоры от испуга и урока дают основательный ма-
териал для осмысления двоеверия.

Еще один заговор от переполоха: достают из печки уголь,
заливают его водой в бокале, умывают ребенка и говорят
слова: «На море-океане, на новом Иерусалиме стоит Свят-
тая соборная апостольская церковь. В этой церкви сидят
три девицы: первая — Мария, вторая — Анастасия, тре-
тья — сама матушка Пресвятая Богородица, держат свя-
тую христову воду в руках, хотят умыть раба Божьего
(фамилия, имя, отчество) от полоху, от переполоху, от днев-
ного, ночного, полуночного, от желтого глаза, от трое-
желтого глаза, от черного глаза, от женского глаза, от

девичьего глаза. Век повеки, отныне до веки. Во имя Отца
и Сына и Святого Духа. Аминь» (Б — 87. №494). В Бело-
зерском районе тлеющие угли могут быть заменены со-
лью. «Где их красные угли повсегда возьмешь? Беру три
щепотки сольцы. Сколько в щепотке? А как на кончике
ножа» («Першино — 2000». С.28).

Большая часть заговоров направлена против физических
недугов: ушибов, укусов, порезов, боли, ожогов и т.д. Про-
сто и краткость их, значительный мифологический слой
стота и позволяют отнести эти заговоры к наиболее ранним. Рас-
пространены заговоры от ожогов. Они разнообразны по
сюжетам, мотивам и форме. Многие сюжетны:

Стану я, рабица Божия
(имя того, кто заговаривает), благословясь,
Пойду, перекрестясь, в чистое поле.
В чистом поле стоит бел шатер.
Перед этим белым шатром
Стояли три девицы, три сестрицы.
Первая шьет-вышивает,
Вторая стелит-выстилает,
А третья огонь и жар, и кровь унимает
Век по веку, отныне и до веку. Аминь
(«Заговоры». №225).

Некоторые заговоры от ожога донесли мифему запрета
на «имя» болезни. Они напоминают загадку. Известно, что
загадки входили в различные обряды. Загадка — иноска-
загадки входили в различные обряды. Загадка — иноска-
зание, своеобразная реализация табу. В заговоре не назы-
вается ожог, но характеризуется рядом признаков, дающих
понять, что случилось. В нашей коллекции есть заговоры с
различными типами метафор. В текстах одного типа на ожог
указывают мотивы кипения, котла и образ горячей серед-
ки. Огонь «спрятан» в метафору «ухоря — вихоря»:

Ухорь-вихорь,
Котел кипит,
Середка горячая,
Края остыли.

Три раза сплунуть влево («Заговоры». № 23).
В с. Листвянке Целинного района записан вариант, в

котором мотив ожога «у рабицы» более прозрачен:

*Выхор-михор,
Котел кипел,
У рабицы пожар в середке.
Стыло, не болело,
По краям вырасти тело.*

Аминь. Читать три раза («Заговоры». № 9).

Боязнь огня и почитание его вызвали к жизни метафорические тексты, в которых всеильный огонь заменен рыжей лисой, ничего не боявшейся. Заговор известен по всему Зауралью:

*Бежала лисица по огненному лесу
Через огонь, дым и жар.
Как лисица не боится
Ни огня, ни дыму, ни жара,
Так бы и ... не боялся
Ни огня, ни дыму, ни жару.
С вень аминь,
Навеки аминь, аминь, аминь* (С-89. № 3).

Развитие заговора пошло по линии утраты характеристики леса как огненного, семантически связанного с огнем. В вариантах стал утверждаться образ темного леса (А-88. № 174-175). Образы темных лесов, высоких гор, вошедших в ряд вариантов, свидетельствуют о влиянии сказок, в которых эти образы являются сквозными. Обратимся к заговору:

*Бежала лиса по темным лесам,
По высоким горам.
Никого лиса не боялась,
Никого не страшилась.
Только боялась Божьего слова.
Чтобы не было ломоты от жару, от пару.
Во имя Отца, и Сына и Святого духа* («Заговоры». № 278).

Одна из стадий в развитии текста — утрата эпитета, определяющего лес:

*Бежала лиса из леса.
Не боялась ни жару, ни пару.
Боялась Божьего слова.
Так бы у рабицы Божьей...*

*Красно мясо, бело тело
Не боялось ни жару, ни пару. Аминь*
(«Заговоры» № 128).

Другой тип заговоров от ожогов строится на оксюморо — не. Его структура типологична такой структуре загадки, в которой нарушена жизненная, реальная логика. Широко известны загадки: «Без рук, без ног, без топоренка построена избенка», «Без рук, без ног, а рисует». Зауральский собиратель фольклора А.Н. Зырянов опубликовал в первой книге «Пермского сборника» (1859) загадку, в которой работа делается «без рук, без ног»: «Без рук, без ног на гору ползет» (тесто в квашне. С. 39). В заговоре используется мотив завершения действия без необходимых условий, что само по себе содержит элемент необычного. Тайной речью, иносказанием характеризуются огонь, ожог, действия которых мгновенны, болезненны. Человек изумлен действиями огня, клюющего без носа, кусающего без зубов. Мы располагаем всего пятью вариантами этого заговора. Они отличаются концовкой и некоторыми оксюморонными образами. Приведем два, наиболее отличающиеся друг от друга:

*Бескрылый пролетел,
Безглазый проглядел,
Безносый проклевал.
Больше нет никого!
Во имя Отца и Святого Духа.
Аминь* (Ф-86. №72).

В наиболее полном варианте жар упоминается, но отдается во власть Бога. Императив «Больше нет никого» отсутствует:

*Бескрылый полетал,
Безногий поскакал,
Безрукий помахал,
Безглазый поглядел,
Безухий послушал.*

Сказанное повторяется три раза. Каждый раз необходимо плюнуть через правое плечо и добавить: «Исцелит же меня Бог от жара внутри. Аминь» («Заговоры». №223). В селе Иковке Кетовского района записан вариант

заговора — оксюморона, в котором заметно затемнение и разрушение принципа загадки:

Некто убежал без рук:

Прибежал без ног,

Укусил без зуб,

Убежал без рук

У рабы Божьей ... («Заговоры». № 202).

В деревне Боголюбовке Мишкинского района бытует заговор, в котором мифема табу переплетена с христианскими образами. Сопоставление вариантов позволяет говорить о том, что христианские образы входят в заговоры благодаря мотиву помощи. Вероятно, они появляются в разных текстах под влиянием молитвы «Живые помощи».

Заговор:

Божья Матерь,

От печеного шептать,

Рабу Божьему ... помогать.

Бежал без ног,

Хватал без рук,

Кусал без зуб.

Чтобы у раба Божьего .

Правая рука не горела, не болела.

Век повеки, отныне до веки.

Аминь, аминь, аминь.

Сплюнуть три раза («Заговоры». № 227).

В Ильине записан краткий вариант, в котором «безкосый орел» заменил «орла безносого». Эта замена нарушила логику заговора. Но она показательна в плане проблемы устной передачи текста

Летел орел бескрылый,

Клевал орел бескосый,

Утешал ножки безногий («Ильино — 91». № 21).

В конце XX века в Зауралье бытовали и другие заговорные образования. Одни из них просты, императивны. Они приказывают ожогу прекратить свое действие на человеке, замкнуться в самом себе:

Огонь, гори, смола, кипи,

У рабицы Божьей ... тело стынь

(А-90. С. 155).

Огни горят, котлы кипят,

Тело сожжигает,

Тело заживает.

Пена валит, тело живет.

Слинь опала, тело стало белое.

Аминь.

Поставить на месте ожога крест постным маслом («Нагорское — 88». № 63).

Распространенность оксюморона — заговора в регионе большого Урала в XVIII веке подтверждается его пародированием Киршею Даниловым:

А слепые бегут, спинаючи глядят,

Безголовыя бегут, оне песни поют,

Бездырья бегут - попердывают,

Безносыя бегут — понюхивают,

Безрукой втапору клеть покрал,

А нагому безрукой за пазуху наклал,

Безязыкова, тово на пытку ведут,

А повешаны — слушают,

А и резаной — тот в лес убежа.

(Сборник Кирши Данилова. — М., Л., 1958. С. 182).

Однако складываются тексты, в которых сочетаются древний диалог, оксюморон и христианские мотивы. При этом заметно влияние заговоров от уроков и испугов с мотивом участия Богородицы в уничтожении болезни:

Сила Господняя,

Святого животворящего креста последнего,

Помоги нам во всем деле.

На Тихом океане,

На буйном на Буяне

Горит сыр бор.

- Кто его тушит?

- Матушка Пресвятая Богородица.

Она сильна, она верна,

Она пожар уничтожает («Заговоры». № 92).

Для исторических судеб заговоров от ожога характерно влияние заговоров от других болезней. В частности, в ряде текстов вошел мотив вышивания из заговоров на кровь:

Стану я, рабица Божья... благословясь,

Пойду, перекрестясь, в чисто поле.

В чистом поле стоит бел шатер.

*Под этим белым шатром
Сидят три девицы, три сестрицы.
Первая шьет — вышивает,
Вторая стелет — выстилает,
А третья огонь и жар,
И кровь унимает.
Век по веку, отныне до веку. Аминь
(«Заговоры». № 225).*

Знаток заговора тут же сказала второй текст, который должен подкрепить, по ее суждению, первый. Шептать над ожогом:

*Огонь горит, котел кипит
Я, рабица Божья ...
По средам и пятницам
Мяса не ела,
Чтобы у рабицы Божьей ...
Не щипало бы, не болело
Белое тело, красное тело,
Век повеку, отныне до веку. Аминь.*

Три раза плюнуть в сторону («Заговоры». № 225).
Распространены заговоры от болезни зубов. Они будут рассматриваться отдельно.

Множеством вариантов представлены заговоры на остановку крови.

В основе заговоров лежит образ порванной нитки, веревки, жички, что символизирует прерванное течение крови:

*Шла по пряслу девка красна,
Несла тряпку красну.
Тряпка порвалась.
У рабицы Божьей (имя)
Кровь унялась.*

Повторять три раза («Заговоры» №11).

В вариантах «*девка красна*» дает на жичке (веревочке) бычка, коня. Другой заговор строится на соотнесенности рыжего коня и крови:

*На море, на океане,
На острове Буяне
Стоит конь рыж,
А ты, кровь, не брыжь!
Стоит конь карь,
А ты, кровь, не кань!
Аминь (А-86. №249).*

Третий текст соотносит остановку крови и стояние на камне:

*Встань на камень,
Кровь не канет.
Встань на железо,
Кровь не ползет.
Плюнь да гунь три раза,
Чтоб зажило сразу (С-88. №734).*

Древностью веет от заговора, направленного против занозы. В нем упоминается старинное оружие — лук и стрела:

*Из моря — щука,
Из лука — стрела,
Из-под губа — коренья.
У рабы Божией (имя)
Из правого глаза
Заноза — вон!*

Водить безымянным пальцем вокруг глаза (С-89. №65). Развитие заговора привело к утрате образа лука со стрелой, его заменил образ белого парохода: «*С губа — щела, с моря — пароход, выйди, заноза, у рабицы (имя) из пальца (из ноги и т.д.). Уймися, рвота, тошнота, ломота, мокрота* (А-88. №197).

Отразил заговор от занозы не только утрату древних образов, но и попытку придать «*словам*» некоторую тайность, эзотеричность, посвященность в тайну текста. Краткость эпической части одного из них восполняется хорошо разработанной закрепкой и рекомендацией говорить эпическую часть девять раз:

*От моря — щука,
От губа — фараон
У рабы (имя)
Из глаза, заноза, вон.
Будьте, мои слова, крепки, лепки,
Крепче ножа булатного,
Крепче клею клейкого.
Зубы и губы — замок.
Ключом замкну.
Ключ в океан-море брошу.
Погхвати этот ключ, щука-белуга,*

Унеси этот ключ самому царю Фаравону
(А-88. №201).

Устная передача привела к замене образа Фараона более близким зауральской крестьянке образом Парамона. При этом сохранились образы лука и стрелы. Приводимые тексты дают возможность увидеть причудливые судьбы текстов и творческую индивидуальную работу знахарей. Одних привлекает таинственность, другие стремятся непонятное сделать понятным. Приведем вариант, построенный на ясности для заговаривающего содержания:

Лети от лука, стрела,
И от моря — щука — до Парамона.
Выйди у рабицы Божией (имя), заноза,
Из руки, из ноги — костяная, луговая,
Деревянная, стеклянная, железная.
Выйди вон без ломоты,
Без щипоты, без опухоли.

Повторить три раза («Заговоры». №11а).

Одна из крупных групп текстов заговоров связана с лечением «печ-ячменя» — нарыва на веках. В их основе лежит мотив повеления кукишу купить топорок, «рубить себя поперек». В ряде заговоров заметен образ древнего оружия — секиры. О древности заговора можно судить по диалоговой форме построения и по мифеме кукиша — оберега от нечистой силы.

Зафиксирован заговор от покраснения глаз:

Заря-зарница, красная девица,
У тебя, заря, очи ясные.
У меня, рабы Божией (имя),
Глаза красные.
Дай мне очи ясные,
Возьми глаза красные. Аминь
(Мамонтова. №25а).

Заговор от занозы используется и от нарывов, так как нарывы случаются и от занозы.

Широко и сейчас бытуют заговоры от чирьев. Особенность их бытования — соединение слова с действием, утверждение границы, за которую болезнь не должна идти.

Очерчивается безымянным пальцем круг вокруг сучка с приговором, в котором доминирует мотив усыхания: «Как сучочек сохнет-иссыхает, кверху не пограстает, так и у рабы Божьей (имя) чирей сох-иссыхал, кверху не пограс-тал («Заговоры». №16). Второй текст строится на аналогии между отсутствием имени у чирья и им самим: «Как чирью нет имя, так бы не было жива («Белозерское — 82». С.44). Бытует заговор с наименованием чирья Василием. Текст строится на отрицательном счете:

Чирий Василий, тут тебе не место,
Не местечко (обвести три раза вокруг нарыва)
Ни один, ни два, ни три, ни четыре,
Ни пять, ни шесть, ни семь, ни восемь,
Ни девять, ни десять.
Во имя Отца и Святого Духа.
Аминь (А-88. №175).

Известны заговоры от лишая. Слово в них, как правило, не отделимо от обрядового действия. Лишай обводят кругом, не собирают в игольное ушко, протыкают иголкой. Порази-тельно наблюдение человека над многообразием болезни: «Красная лишая, белая лишая, сухая лишая, мокрая лишая, свернись, я иголкой ткну» («Заговоры». №130). «Лишае» приказано «чтобы не было век по веку, отныне и до веку».

Пользовались в крае заговорами от золотухи. В них нет видимого противопоставления чистой кожи болезни. В эпической форме рассказывается о том, как Богородица белыми пеленами, собранными в поле, оживляет кровь и затягивает раны (А-90. №21).

Записан заговор от рожи. По представлениям лекарки 1912 года рождения, рожа проявляется по-разному: болят руки, ноги, плечи. Лечение предполагает следующий ритуал. Больной приходит к лекарке, рассказывает о недуге. Лекарка берет нож, чертит (водит) ручкой ножа по больному месту и шире. Приговор произносит шепотом: «Щука-белуга, чугунная голова, оловянные глаза, желтые губы, ходила в морской реке, искала всякую рыбу: чебака и окуня. Жрала-прижирала, жрала - не отпускала скорби-

болезни, разные жалобы: красную рожу, синюю рожу, белую рожу, костовую рожу, жрала-прижирала, жрала - не отпускала от белого глаза, от черного глаза, от карего глаза. *Будьте, мои слова, крепкие, лепкие, крепче камня-укладыша*» (Ф-84. №1515).

Хранится в нашей коллекции заговор от свиного чуда — свинки. Слово в нем сопряжено с магическим обрядом. Надо истопить жаркую баню, сварить там в чугушке яйцо, на второй день — два, на третий — три. Каждый раз намазывать ребенка сметаной, сваренной с молоком, надевать маечку. Берут в баню маленькую собачку (щенка). Если лечат девочку, берут сучку, если мальчика — кобелька. Пропитавшуюся потом маечку вместе со щенком и яйцом выносят на росстань (перекресток четырех дорог). Говорят «слова»:

*Кошачье лаканье,
Курачье клеванье,
Собачья старость,
Свинино чудо.*

Маечку оставляют на перекрестке, яйцо делят на три части и, возвратившись во двор, одну часть бросают кошке, другую — собаке, третью — курам (Ф-84. №116).

В заговоре от золотухи использованы образы и методы, характерные и для заговоров от уроков, испуга. Болезнь называется конкретно: «*Золотуха-золотница, болячка-болячница, головная, рассыпная, мозговая, заболонна, заговенна, выйди, выступи у рабицы Божьей (имя) из буйной головы, из ясных очей, из русских бровей, из рук, из ног, из ушей, из-под ушников, из-под пазушников, из тридевяти жил, из тридевяти поджил. Не я пособляю, не я помогаю. Пособляет и помогает мать Пресвятая Богородица. Как ты, матушка-постоечка, по сырой земле не ходила и шелковой траве, так у рабицы Божьей (имя) не ходите, не щиплите, все прижиги, пристатки, стряжны, сумяжны, поперечны (гунуть в сторону, плюнуть). Как моя слюнка скоро сохнет, вянет, пропадает на сырой земле, так все шепот*

тищи, ломотищи, сгиньте, свяньте, пропадите. Аминь! Аминь! Аминь!» (А-90. №552).

В зауральской традиции заговоров известно лечение от зоба. Текст настолько краток, что на первый план выдвигают императивную интонацию. Для действенности, по убеждениям лекаря, важны действия. Если у ребенка начинается развиваться зоб, то лечат его так: ставят на стул, берут веревку, скручивают ее в виде пупа и кладут рядом с больным. Затем читают заговор: «*Уйди, уйди, боль, из ребенка (имя) выгоню хвори*». Надо плюнуть через левое плечо. Излечение наступит скоро (СФ-86. №268).

Бытует заговор от очень современной болезни — головной боли. Один из вариантов записан в 1981 году от женщины 1939 года рождения, проживающей в Кургане. Заговор она переняла устно, научила и свою дочь:

*Летит орел с запага,
Крылами хлопчет,
Ногами топчет,
У рабы, у Людмилы
В голове чемер заломить хочет.
Пойди, тот чемер, на мхи, на болота,
На синие моря,
Где солнце не греет,
И люди не ходят.
Будьте, мои слова, крепки, лепки,
Крепче ножа булатного,
Крепче клею клейкого.
Зубы и губы — замок
Ключом замкнут.
Ключ в океан-море брошу.
Подхватит этот ключ щука-белуга,
Унесет этот ключ самому царю Фаравону.*

Во время заговора говорящий легко тянет волосы у заговариваемого (А-88. №200).

Распространен заговор от утина — боли в позвоночнике — ке. Используя бытовые предметы, имеющие статус сакральности, лечат действием и словом. Больной ложится на порог головой в дом. Заговаривающий кладет веник на поясницу больному и рубит по нему поперек. Кто-нибудь

из присутствующих спрашивает:

- Кого секешь?
- Утин.
- Секи гораздо, чтоб век не было.
- Нет и не будет. Вовеки веков.

Повторить, если не пройдет («Ильино — 91». №103).

Как видно, сохранена диалоговая форма, но утрачена бинарная оппозиция, характерная для такой структуры заговоров.

В другом заговоре использован сакральный предмет — тын (ограда), одному колу которого символически придают пару — утин из хребта:

- Два кума Абакума,
- Две кумы Авдотьи.
- А ты, кол, один.
- Возьми с рабицы Божьей (имя)
- Утин, чтобы век навеки
- Отныне до веку у нее
- Спина не болела. Аминь

(«Звериноголовское-90». С.51).

Заговор творится с учетом магической силы «шорканья» спиной о тын. О распространенности слитности этого действия и отсылки утина к плетню говорят и другие варианты. В заговоре из Мокроусовского района тоже рекомендуется подойти «к тыну и шоркать о него спину», приговаривая:

- Тын, тын, возьми мой утин,
- А мне, рабице Божьей,
- Дай Бог доброго здоровья.

Проговорив слова, уйти, не оглядываясь («Мокроусово — 81». С.2).

В Шадринском районе, зараженном клещом, бытует заговор от укуса клеща:

- Клещ-клещина,
- Не кусай меня в поясицу.
- Моя кровь — смола -
- Не пей ее (А-87. Тетр.2. №1).

Тематика заговоров говорит о том, что старые тексты знахарями приспособляются к современным распростра-

ненным болезням. Так, характерен заговор «от головы», то есть от головной боли. В нем контаминированы элементы заговоров от бессонницы и нарывов:

- Тухнет, истухает,
- Исчезнет, исчезает.
- Как бы у младенца Андрея
- Не болела буйна голова,
- Буйна голова, бело тело
- От щепотища,
- От ломотища,
- От колотья,
- От урочища,
- От рогимища,
- От костоломища,
- Век повеки
- Отныне до веки.

Аминь! Аминь! Аминь! («Заговоры». №107).

Применение старых заговоров от современных болезней обеспечивает им жизнь, делает их востребованными. Вырывая из глубины веков древние формы, наши современники подняли до уровня с веком. Приведем пример заговора «от нервов», в котором отчетливо видны мотивы и образы заговоров от урока и испуга (использование угольков). Характер болезни определяется благодаря углям, имеющим силу против определенного недуга. Появляется новая лексика — заговор излечивает «от нервов». В чашку наливают воды, туда кладут горячие угли (ясные). Огни — от головы, другие — от сердца, третьи — от крови и четвертые — от нервов, приговаривают на воду:

- Матушка-водица -
- Колодезная (речная) царица,
- Пособи, помоги, исцели, излечи.
- Батюшка ясный уголочек,
- Будь ты мне дружок.
- Пособи, помоги, исцели, излечи
- Все скорби и болезни:
- Летучи, жгучи, сыпучи, дергучи.
- Испуги, переломы, скатитесь,
- Свалитесь с буйной головы,
- С серого мозга,

*С русых волос, с черных бровей,
Ясных очей, с белого лица,
С белых зубов, красных десен,
С ретивого сердца, с крови горячей,
Изо всех нервов, позаноготно,
Позаусенно, позаголовно,
С семидесяти семи жил, семидесяти семи суставов.
Бело бы тело не щипало,
Кости бы не ломило.
Все скатитесь, свалитесь,
Не остановитесь,
Не задержитесь —
Со всего стана человеческого.*

Повторить три раза и быстро. Если заговаривать самого себя, то нужно подложить под ноги что — нибудь деревянное. Заговоренной водой смачивали пальцы, колени. Еще заговаривали на воск, который топили (плавил), им растирали грудь (ШР — 84. С.122).

В разрушенном виде бытует заговор от вывиха с одно — временным вправлением вывиха. Вправив вывих, водят по больному месту с наговором:

*Госпоу Богу помолюся,
Бате, матери поклонюся.
Пойду к синему морю.
У синего моря сидят три сестрицы.
Две сестрицы шьют и вышивают,
А третья сестрица ушиб и вывих поправляет,
На место восстанавливает.*

*Я — к Богу, Бог — ко мне с помощью.
Аминь (ШР — 84. С.154).*

Бытуют заговоры обобщенного характера — ото всех болезней: в любом их сочетании и наборе. Обобщение должно обеспечить действенность слов против именно той болезни, которая у человека есть. Люди верят, что заговор разберется сам, где действовать, что побеждать, и будет «*все по-старому, как мать поставила*».

Краток заговор обобщенного характера — от любой физической болезни. Для этого надо три раза про себя повторить: «*Тебе меня не взять, а я тебя поборю*» (А — 87.

Тетр.6. №4). В Белозерском районе считается, что одним заговором можно лечить от испуга, урока, но нужно правильно назвать болезнь («Першино — 2000». С.27 об.).

Записан пропедевтический заговор от дурного глаза и порчи: «*Не на меня наговорено — на покойника*» или «*не на меня наговорено — на того, кто наговорил*» (А-87. № 225).

Записаны тексты от мужского бессилия. Они очень редко сказываются. Требуется соблюдение обрядовых действий и лечение настоем «травки — ... вставки», которую называют трифилом (трефилом). Но ее еще найти нужно. Заговор записан в селе Першине от мужчины средних лет. Текст передается по семейной линии — «в списке». Хранила рукопись ныне покойная дедова сестра (1912 года рождения). Ей в рукописном варианте передала родственница — Мария Егоровна (1878 года рождения). Участники экспедиции 2000 года записали текст в устном варианте, письменный не видели, хотя слышали его историю.

Обряд: знахарка приходит с тремя гибкими прутиками (верба или ива). Их предварительно очищают от кожуры и непродолжительно варят в чистой воде, в которую кладут замок и ключ. Воду, замок и ключ заговаривающая приносит. Так как замок после заговора бросался в печь, то делали «шаешные» («плохонькие») замки, чтобы не жалеть и не наносить урон хозяйству. Ключ использовался один и тот же. Прутики должны быть от живого дерева. Их хлопают друг о дружку, при этом на воду наговаривают:

*Я, раба Божия (имя),
Встану, благословясь,
Пойду, перекрестясь,
Из дверей в двери,
Из ворот в ворота,
Из дома в дом.
Выйду я в чистое поле,
В широкое раздолье —
К матушке-речке.
Срежу с вербочки
Три зеленых пруточка.*

Как ты, гибкая вишь,
Не гнешься, не ломася,
Так бы у моёго (имя)
Белый он стоял,
Не гнулся, не ломался,
В чужу сторону не наклонялся.
Цельны ятра
Были не гнилы, не червивы.
Аминь. Аминь. Аминь.

Будьте, мои слова, крепки и лепки.

Заговаривать можно на «чистый» — молодой месяц в «куте» — у печного чела. Замок бросают в печь. Водой, в которой варили прутики, обливали «недюжного». Прутки — ками легонько секли по закрытому слабому месту. Ключ — знахарка уносила с собой («Першино — 2000». С.14 — 14 об.).

Заговоры от любой болезни интересны индивидуальным творчеством в рамках традиции. В следующем заговоре видно, как предпринимаются усилия ввести названия многих болезней, подводя все к определенному традиционному ритму:

Батюшка истинный Христос! Подымись с престола, прижмись своими мягкими ручками за раба Божьего (имя), за больного, за буйную голову, за ясные очи, за черные брови, за ретивое сердце, за все жилочки, за все косточки, за все суставчики, за всю внутренность. Составь косточку с косточкой, суставчик с суставчиком, жилочку с жилочкой, семьдесят костей с костью, семьдесят жил с жилочкой, семьдесят суставов с суставом. Утолите от щипотины, от ломотины, позевоты, пожелоты, от родимца и худобы. На местечко поставьте по-старому, как родимая мать поставила. Мать Божья — солнца сходу, истинный Христос — с восходу, Егорий Храбрый с западу, Михаил-архангел — с северу, подымитесь и примитесь за малого младенца, раба Божьего (имя), за буйную голову, за ясные очи, за черные брови, за белое тело, за мягкое мясо, за ретивое сердце, за все жилочки, за все косточки, за всю внутренность.

Курганская область.
Белозерский район. Першино.
Надежда Александровна Артефьева -
хранитель заговоров.
2000 г.

В городе Иерусалиме стоит апостольская соборная церковь, в апостольской церкви стоит злат престол, на злате престоле сидит Мать Божия, имеет боли болевые и раночки кровяные, исцеляет раба Божьего (имя), больного от ломучих-преломучих вывиханий, выставлений, выкошений, растяжений, оступений, отерплений, отниманий, одереженений и раздроблений. Перед Матерью Божьей стоят двенадцать ангелов и молятся тебе, Божья матушка, в три поклона. Молюсь и я с ангелом, молюсь с архангелом, со всей силой небесной. Поднимись к престолу и прижмись своими мягкими рученьками за раба Божьего (имя). Утоли внутри и в животе, во всех суставчиках, в буйной голове, в ясных очах, в черных бровях, в белом теле, в мягком мясе, в жилочках, в косточках, во всей внутренности. Будьте, мои слова и дела, крепки и лепки, крепче камня, крепче булата, запру замком мои слова, ключ брошу в море. Как звезд не достать, так ключ не найти и замок не отпереть. А кто замок отперет, будет молнией палим. Молитва в ушах, доброго здоровья навсегда. Аминь.

На протяжении чтения навязывать узелки на нить, за —

тем обязать ею больное место («Заговоры». № 284).

Подводя итоги, можно сказать, что в Зауралье конца XX века сохранилась тематика заговоров, известных у русского населения в XIX веке. Однако, отражая действительность, заговоры не могли не откликнуться на то новое, что появляется в жизни. Так, удалось зафиксировать заговоры от венозного расширения и повышенного давления.

Среди заговоров от болезней большое место занимают те, что направлены против физических недугов. Вместе с тем, человек видел душевные муки, поэтому и в традиции Зауралья есть заговоры от страха, тоски, беспокойства.

Записан текст заговора от страха: *«Как у печки заднее цело не боится ни огня, ни печали и ни дыму, так бы и раба (имя) не боялась ни живых, ни мертвых».* Произносится у горячей печки («Шатрово — 84». №2).

Тоску по усопшему снимают следующим образом: придя с кладбища, заглядывают в печь и творят заговор: *«Ой, печенька-красавица, возьми мое ты горюшко, развеи мою печалюшку, да душу успокой. Пусть горюшко сторит в огне и с дымом улетучится»* (А — 88. № 254).

Сохранились в Зауралье заговоры от тоски. Заговаривают на дым, стоя у печки:

*Батюшка черный дым,
Пойди и унеси с рабы Божьей (имя)
Матушку тоску-тоскучую,
Сухоту-сухотущую,
Плач неутолимый
На мелкие кусты,
На ракитничек,
На мышинных детей.
Всем словам аминь* (А — 87. Тетр. 13а. №17).

Создаются ли новые заговоры? Материалы нашего архива свидетельствуют о стабильности традиции. Новые тексты единичны. И не лучшие. Они записаны от знатков заговоров. Ксения Леонидовна Т. из Мокроусовского района сказала 22 полноценных текста. Она знает условия заговаривания. Так, для «лечения варикозного рас-

ширения вен» положено «на десятой неделе после Пасхи, в пятницу, после захода солнца прочитать три раза заговор. При этом мизинцем левой руки водить вокруг варикозных шишек» и говорить: *«Шел отец Авраам с самолюбезным сыном своим Исааком, нес жилу неужную Христу на исцеление. Встретились им двенадцать комух — антихристовых дочерей. Спросил их отец Авраам: «Вы ли испортили жилы раба Божьего (имя)?» Комухи отцу Аврааму поклонились, перед Святым повинились, перед Христом затрепетали, с раба Божьего (имя) кровяные узлы забрали. Кто в пятницу это прочтет, у того с жил болезнь уйдет. Аминь»* («Заговоры». Тетр. С.Скоковой. №2).

Живы старинные заговоры, ряд из которых получил как бы второе дыхание благодаря современной лексике, связанной с названием недугов. Существуют даже заговоры от полноты. На молодой месяц, глядя на свинью, говорят: — «Тебе — полнеть, не мне».

Хозяйственные заговоры. Хозяйственные заговоры малочисленны. Н.И.Савушкина считала их самой «спокойной», обиходной сферой заговоров и связывала это с тем ладом, порядком, который характерен для русских. «У хороших умельцев, — верно заключала она, — все просчитано вперед: когда и что сделать, что при этом сказать и до и после: и при первом весеннем выгоне скота, и при начале сева, и при жатве. Каждому злаку, овощу, растению свое — и хлебу, и льну, и капусте, и хмелю. Охотник — промысловик знает слова беличьи, заячьи и многие другие, и «чтоб ворон при охоте не мешал». И почти каждая деревенская хозяйка на Севере знает, или узнает по надобности, как «поставить» новокупленную коровушку, вернуть «уведенное» молоко (когда корова перестает доиться) и как сделать, и сказать, чтоб корова не лягалась при дойке»⁵.

Выводы, сделанные Н.И.Савушкиной относительно Севера, можно распространить и на Зауралье. Здесь была очень четко выстроена цепочка сельскохозяйственных дел. Так, прясть начинали после Покрова и заканчивали до

Масленицы. С Великого Поста садились женщины ткать — и до Пасхи. С Петрова дня открывался покос. К нему шли специальные белые льняные рубахи, портки, картузы, женские одежды — от чулок до платка. С этого же дня шли «по ягоды». И, конечно, простые «слова», действия как исцеление и оберег знала каждая хозяйка. Никому бы не пришло в голову идти в хлев, стайку или курятник с ножом. Все знали, что это приведет к тому, что надо будет скотину пускать под нож. Ни одна женщина не позволила бы обругать матерно скотину или встать на порог. Не могли себе позволить вывешивать на улицу пеленки и рубашонки, пока не исполнится год ребенку. (Мало ли что с ветром при — несет!) Мужчины знали, когда какому делу пришло время.

Однако были и остались напасти на хозяйство. Судя по заговорам, особые хлопоты доставляют черви на луке и капусте. Сейчас бытует два вида заговоров против этих вредителей. Первый строится на счете и императивном приказании червям съесть друг друга. Сохранилось и ритуальное действие: надо ходить вокруг капусты и говорить: «Десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один, ни одного. Съешьте один другого, чтобы не было на капусте ни гнуса, ни вшей, ни червей. Отныне до веки, навеки и вовеки. Аминь, аминь, аминь» («Заговоры». №57).

В другом заговоре счет начинается с одного, десятому приказано не бывать:

*Встану я, раба Божия (имя), перекрестясь
На север, на юг, на запад, на восток,
Чтобы вывалился червь из зеленого лука.
Ни раз, ни два, ни три, ни четыре,
Ни пять, ни шесть,
Ни семь, ни восемь, ни девять.
Десятый — не надо!*

Вовеки веков, аминь (А — 88. №202 (2)).

В одном из вариантов характерны упоминания имени Ермака и мифема братьев:

*У червяка Ермака было семь братьев.
От семи до шести,
От шести до пяти,*

*От пяти до четырех,
От четырех до трех,
От трех до двух,
От двух до одного.
Вовеки веков, аминь (А — 88. №202 (1)).*

В другом типе просто приказывается червям «выйти вон».

Ведущим художественным образом заговоров от капустных червей является «месяц в небе», как бы не связанный с гибелью червей. Он — сам по себе, гнилая доска — тоже сама по себе, и черви, разумеется, внешне с ними не связаны. Но ведь выбраны именно эти образы — по причине жизнеспособности архетипов, семантика которых, конечно, не введена нашим современникам, да, вероятно, и не скольким поколениям до нас. Мифема месяца — солнца мертвых, как и гнилая, мертвая доска увязывается со стремлением напустить на червей смерть. Все логично, все в рамках древнейших верований, переданных только как форма. Н.И.Кравцов отмечал сознательность народного творчества, осознанность выбора художественных образов: «Народопозитивная эстетика еще мало изучена. Но несомненно, что народ, народные певцы и сказочники не бесосознательно относятся к законам художественного творчества»⁶.

Заговоры от огородных вредителей знают и старые, и молодые. Но единственный раз удалось записать заговор на урожай злаков. Сказала его в 1980 году жительница хлебобобовой Усть-Уйской станицы 1900 года рождения. Он оказался невостребованным. Попытки записать его от других усть-уйцев не удались. О былом бытовании заговора в мужской среде свидетельствует устоявшаяся формула: «*И я поднимусь, раб Божий*». Аналогичные формулы обнаруживают и сказки. В речи женщин звучит: «*И я там был, мед-пиво пил, по усам текло, в рот не попало*». Но почти нет стариков, которые могли бы передать заговор: кто в первую мировую, кто в гражданскую, кто в Великую Отечественную войну погиб. Остался заговор в памяти женщины как часть заговорного наследия, усвоенного ею.

Итак, заговор:

Когда встанет царь-солнце
На Божьем небе,
И я поднимусь, раб Божий (имя),
Помолясь,
Пойду, благословясь,
Из избы в двери,
Из дверей — во широк двор,
Из широкого двора — да во чисто поле,
Там, где пашня пашется.
- Ой же, дождь небесный,
Ты полей-полей земельку черную, ядреную,
Чтобы урожай вырос
На хвалу людям,
На славу царю небесному.
Ой, ты солнце ясное, лучезарное,
Не пали ты колосья зернистые,
А пали ты полынь-траву.
Аминь.

Ключ и замок словам моим («Заговоры». №53).
Сохранились заговоры «от беспокойного поведения коровы». Они и должны были сохраниться, так как входят в сферу женского обихода. Обязанность «поставить» корову, обезопасить кормилицу от дурного глаза являлась и является обязанностью женщин — основных носителей традиции заговоров. Наблюдения над жизнью зауральцев совпадают с выводом Н.Н.Харузина о роли женщин в сохранении традиционной культуры: «Женщины, более консервативные и в своей одежде, и в своих песнях, оказались таковыми же по отношению и к верованиям», женщина «в настоящее время является, по преимуществу, носительницей прежнего культа. Этим и объясняется, почему большинство сведений о верованиях мы слышали от крестьянок»⁷.

Заговор устойчив в вариантах. Устойчива обрядовая сторона: идя первый раз доить корову (после ее отела), надо взять скалку, встать рядом с коровой. Скалкой следует проводить по ногам Буренушки сверху вниз, следя за тем, чтобы ноги ее стояли рядом и приговаривать: «Как эта

скалка ходит смирно, так бы корова смирно стояла. Аминь» («Казак — Кочердык — 81». №20). Записан заговор с образом кротости царя Давыда. Чтобы корова стояла во время доения смирно, говорят:

Батюшка, царь Давыд
Был кроткий, смиренный.
Все санитары (!?) (сенаторы?) ему поклонялись,
Покорялись.
Так бы моя коровушка
Моей правой руке поклонялась,
Покорялась.
Стой, как вскопана,
Будь, как век приколю.
Теки, молочко, рекой утренней
(«Галишево — 90». С.9 — 10).

Чтобы корова отпускала молоко, есть следующий заговор:

Красная коровушка,
Не будь девицей,
Будь молодицей,
Не задерживай синее молочко.
Аминь, аминь, аминь («Галишево — 90» С.10).

Следующий заговор интересен в плане связи заговора с действительностью. Он свидетельствует о северных корнях части переселенческого потока, основавшего старинное большое село на берегу речки Юргамыша — Галишево. Значительная доля населения Галишева — старообрядцы

Шатровский район.
Мостовское.
Ласточкино гнездо
в сенях - добрая примета. Где
сооружают гнездо
ласточки, там
будут плодиться
овцы.
1989 г.

— являются выходцами из севернорусских земель. «Матушка — водица» приобрела индивидуализированные черты, будучи названной «Матушкой — Печорой»:

*Матушка-Печора, крутые берега,
Из Печоры — точило.
На точиле оттачивает сабли острые,
Ножи булатные.
Так и я буду обмереживать
У коровушки Пеструшки
Белое вымечко, чтобы не твердело,
Не болело. Не стояли ни жар, ни пламя —
Ни утренней зарей, ни вечерней Маремьяной.
Аминь, аминь, аминь.*

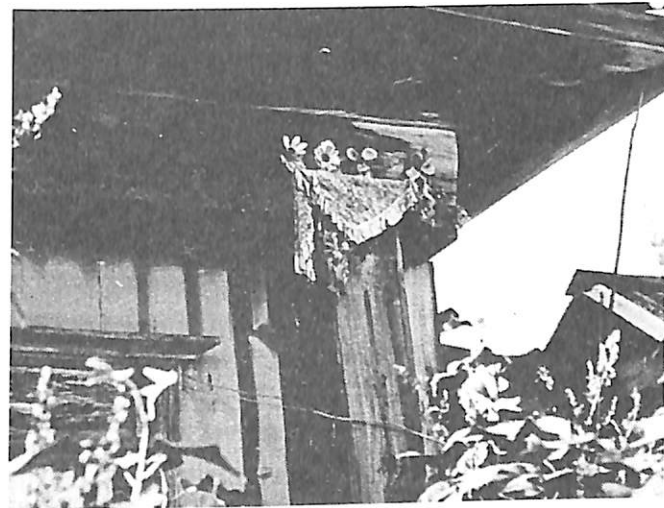
(«Галишево — 90». №5 (2)).

Расширен круг хозяйственных заговоров «словами», повелевающими корове приходить с поля домой. Заговор творится на хлеб. Кусочек скормить и проговорить: «Как печка от опечка не отходит, так бы и моя коровушка черно-пестрая не отходила бы от моего двора, знала бы свой дом, свой двор, знала бы меня, рабицу Божью (имя). Будьте мои слова, ходки, бродки, крепки, лепки. Три раза повторить и плюнуть наотмашь (Б — 90. Тетр.10. №5 (3)).

Из глубины веков дошел хозяйственный заговор, направленный на хорошую работу мельницы. Запуская ее в работу, приговаривают: «Батюшка истинный Христос, как помог поставить, помоги и прибыток иметь» (с.Обрядов — ка, Притобольный район. Архив автора. Запись 2000 года).

Хозяйственные заговоры имеют целью снять напущенную порчу, а также предупредить возможные воздействия дурного глаза и «черного» слова, вызвать положительное воздействие.

Заговоры ситуативные. Ситуативные заговоры призваны оградить человека от разнообразных неблагоприятных событий бытовой и общественной жизни. Отметим, что заговоры «на барина», «царские очи» в конце XX века в крае не бытуют. Слова «на барина» в крае и раньше не были, как сейчас говорят, актуальными. Социальные условия не давали почвы для их сохранения.

Районный
центр
Шатрово.
Платочки на
улицу дома —
оберег солдата.
1986 г.

Остается современным заговор на дорогу в армию. Еще как современным!

Заговор:

*Стану я, благословясь,
Стану я, перекрестясь,
Пойду в чистое поле.
Солнышко восходит,
Сам Господь Бог Иисус Христос выходит,
Крест, Евангелие на голову выносит
И благословляет весь воздух.
Благослови, Господи,
От пуль, от штыка,
Во путь — во дороженьку*

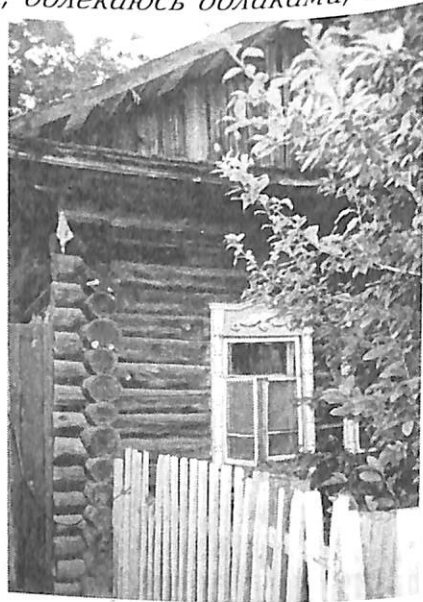
(«Заговоры». Тетр. С.Скоковой. № 6).

Упоминание пуль и штыка в заговорах «на службу» — примета прошлого. Однако заговор этот знают и молодые.

В памяти старожилков — старообрядок сохранился уникальный заговор человека, идущего на войну. Эти «слова» говорят о том, что роль «знаткого» уже взял на себя рядовой человек. В самом тексте раскрыт характер обряда — вязание узлов на стрелы и прочее ратное оружие. Данный заговор уже был известен в пору пицалей, стрел и активного бытования былин. Заметна переключка его с были-

нами и сказками: «Завяжу я, раб Божий (имя), по пяти узлов всякому стрелцу немирному, неверному, на пищалях, луках и всяком ратном оружии. Вы, узлы, заградите стрельцам пути и дороги, замкните все пищали, опутайте все луки, повяжите ратные оружия. И стрельцы бы из пищалей меня не били, стрелы не долетали, все ратные оружия меня не побивали. В моих узлах сила могуча, змея сокрыта, от змея двенадесять-главого, который пролетал за Окиан-море с острова Буяна, со медного дома, того змея, что убит двенадесять богатырьми под двенадесять муромскими губами. В моих узлах защиты злой мачехою змеиные головы. Заговариваю я раба Божьего (имя), ратного человека, идущего на войну, моим крепким заговором, крепко-накрепко. Аминь, аминь, аминь»⁹. Этот заговор был «списан в тетрадку», список с него его брали с собой в ратный путь.

В среде старообрядцев сохранился заговор «на путь — дороженьку», наполненный высокой поэзией. Заговор на добрый путь: «Еду я из поля в поле, в зеленые луга, в дальние места, по утренним и вечерним зорям, умываюсь медвяною росой, утираюсь солнцем, облакаюсь облаками, опо-

Белозерский район.
Першино.
Платочек на улицу дома —
оберег солдата. 2000 г.

ясываюсь частыми звездами. Еду я во чистом поле, во чистом поле растет одолень-трава.

- Одолень-трава, не я тебя поливал, не я тебя породил, породила тебя мать-сыра земля, поливали тебя гевки простоволоски, бабы-самокрутки. Одолень-трава, одолей ты злых людей: лихо бы на нас не думали, скырного не мыслили. Отгони ты чародея, ябедника. Одолень-трава, одолей мне горы высокие, доли низкие, озера синие, пеньки и комне лоды. Иду я с тобою, одолень-трава, к океан-море, к реке Иоргане. В океан-море, в реке Иоргане лежит бел-горюч камень Алатырь. Как он крепко лежит передо мною, так бы у злых людей язык не поворотился, руки не подымались, а лежать бы им крепко, как лежит бел-горюч камень Алатырь. Спрячу я тебя, одолень-трава, у ретивого сердца во весь путь и во все дороженьки»⁹.

Другие тексты просты. Они наполнены образами христианских заступников:

Иду я в пути,
Иисус Христос впереди,
Мать Пресвятая Богородица с ним,
И я с ними.
Святой Апостол
Кладет печать:
Врагам молчать.
Враги боятся,
А я не боюсь.

От имени Отца и Сына и Святого Духа, аминь, Господи, благослови (Сказать три раза). (СФ—89. Т.2. №1172).

Охраняют в пути, по заговорам, мать Пресвятая Богородица и Иван Креститель. Информантка 1918 года рождения знает два текста, хотя и не все поняла в старом тексте, переданном устным путем. Вместо «ныне и присно» выучено «мне присни»:

Пресвятая моя мать Богородица,
Я не одна иду, с тремя ангелами.
Первый ангел путь очищает,
Второй ангел от рабицы Божьей (имя)
Врагов отгоняет,

*Третий ангел рабице Божьей (имя)
Жизнь и здоровье сохраняет.
Аминь, аминь, аминь.*

Говорится, перекрестившись перед иконой (СФ – 89. Т.2. №1170.):

*Иван Креститель,
Ты наш спаситель.
Спаси и сохрани
Нас в пути и в дороге,
В поле и дома от злого злодея,
Лихого лиходея, от любого зверя.
Во имя Отца и Сына
И Святого Духа,
Мне присни вовеки веков.
Аминь, аминь, аминь (С – 89. Т.2. №1171).*

Зафиксирован заговор на дорогу своего ребенка. Он поражает чувством единения человека с космосом, верой в возможность вовлечь космические силы в святое дело матери, стремящейся оградить свое дитя, открытое всем ветрам в дороге:

*«Мать сына (дочку) провожала,
Месяцем подпоясала, а звездою застегнула,
А судьбою обернула.
- Встреть же, Боже, ты мое дитя
На высоком пороге и большой дороге».
Перекрестить вслег*

(«Заговоры». Тетр. С.Скоковой. №17).

Злободневным остается заговор от пьянства. Видимо, по аналогии с заговором от зубной боли, создатели данного заговора использовали всесильный образ месяца. Это тот пример «устойчивости культуры», о которой писал Э.Тейлор: «Когда какой-либо обычай, искусство или мнение достаточно распространены, изменяющие влияния долго могут действовать на них в столь слабой степени, что они продолжают переходить от поколения в поколение, как поток, однажды проложивший себе русло, будет продолжать свое течение целые века. Мы имеем здесь дело с устойчивостью культуры; но, тем не менее, весьма замечательно, что перемены и перевороты в человеческой истории позволя-

ют стольким маленьким ручейкам так долго продолжать свое течение»¹⁰. Позднее формирование заговора выдает лексика, не встречающаяся в традиционных текстах: «На – ставь его на путь истинный, сбился он с пути истинного»:

*Месяц млад, ты млад.
У тебя золотые рожки,
У тебя есть брат Филат.
Он вина не пьет,
В руки не берет.
Помоги рабу Божьему (имя),
Чтобы он не пил,
В руки не брал.
Наставь на путь истинный,
Сбился он с пути истинного.
Аминь, аминь, аминь («Заговоры». №6(a)).*

Ряд заговоров не имеет христианских образов. Заговора – ривающий обращается к традиционным мифопоэтическим персонажам – месяцу и солнышку:

*Месяц ты красный,
Зайди в мою клеть.
А в моей клети
Ни гна, ни покрывки.
Солнышко ты привольное,
Зайди на мой двор.
А на моем дворе ни людей,
Ни зверей.
Звезды, уймите раба Божьего (имя) от вина,
Солнышко, усмири раба Божьего (имя) от вина.
Слово мое крепко (Ф – 86. №2333).*

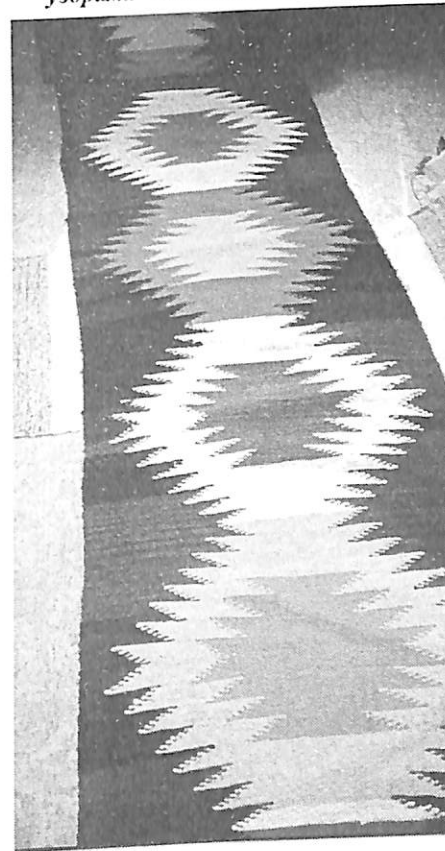
Угарная сила пьянства представляется настолько огромной, что для укрощения ее создатели заговоров стремятся призвать космос: «Ты, небо, солнышко; ты, небо, ви – гишь, что я хочу делать наг телом раба (имя). Тело белое, печень черная. Звезды вы ясные, сойдите в чашу брачную, а в моей чаше вода из заговорного студенца. Месяц ты красный, сойди в мою клеть. А в моей клети ни гна, ни покрывки. Солнышко ты привольное, взойди на мой двор. А на моем дворе ни людей, ни зверей. Звезды, уймите раба (имя) от вина. Месяц, отвори раба (имя) от вина. Солнышко, усмири раба (имя) от вина. Слово мое крепко!»¹¹

В качестве целительной силы привлекается в заговорах от пьянства «тот» свет. Рекомендуются взять землю со свежей могилы, опустить ее в чай, наговорить и угостить пьяницу. Заговор: *«Как тот раб Божий лежит он теперь спокойно: не дерется, не машется, не буянит, не пинается, не пьет, не бушует, так и этот раб Божий (имя) пусть не дерется, не машется, не буянит, не злится, не пинается, не пьет, не бушует. Аминь»* (СФ-86. №606). Обращение к образу мертвеца в данном тексте — дань одному из главных композиционных принципов жанра — аналогии. Покой мертвеца представляется идеальной нормой поведения пьяного человека.

Один из вариантов «от буянства мужа» с мотивом путешествия месяца по небу и образом мертвеца в гробу записан в Кургане от 70-летней женщины в конце 80-х годов. В отличие от заговоров «на зубы» в упомянутом тексте нет диалога, а мертвец оказывается в лесу. По народным представлениям, незахороненный мертвец может принести не пользу, не исцеление, а засуху, градобитие, заморозки. Подобный заговор мог сложиться только в условиях, когда основательно разрушены мифологические воззрения, когда забываются верования в то, что от незахороненного, заложного покойника исходят беды. Иначе бы этот образ в «успокоительный» заговор не вошел. Итак, заговор: *«Месяц молодой катился по небу, катился по лесу, видел мертвеца в гробу. У мертвого-мертвого мертвеца руки замерзли-ка, не поднимаются. Так и у раба Божьего (имя) руки не поднимались бы на рабу Божью (имя). (Три раза плюнуть). Отныне и вовеки веков. Аминь, аминь, аминь»* (В-87. 475а).

«Успокоительные» заговоры показательны в аспекте исторических судеб жанра, особенно его поздних ступеней, когда в едином сплаве выступают традиционные черты и новые наслоения. Приведем вариант, записанный в 1976 году в Листвянке Целинного района. Носитель заговора 1885 года рождения: *«Как у мертвяка во сырой земле, во сырой земле нет ни злости, ни ревности, ненависти, глухой тос-*

Шатровский район. Яутла. Прялица с узорами "солнышко". XIX век, 1999г.

Белозерский район. Перишино.
Тканые дорожки.
Орнамент - "солнышко",
2001 г.

Шатровский район.
Спасское. Половики.
Орнамент - "солнышко".
Конец XX века.
1999 г.

ки, резвые ноженьки его не топаяются, белые рученьки не махаются, глаза его не раскрываются, уста не разеваются, язык его не вертится. Так же бы и у раба (имя) не было ни злости, ни ревности, ни ненависти и глухой тоски, резвые его ножки не топались бы, резвые рученьки не махались, глаза не раскрывались, уста не разевались, язык бы его не ворочался, с рабой — женой (имя) не дрался, не ругался и не матерился. Встану на уклад, на камень, и у раба (имя) злость, ревность и глуха тоска канет. Стану на кирпич, злость и ревность и ненависть, и глуха тоска уймись. Аминь, аминь, аминь» («Заговоры». №8).

В третьем тексте «на покой мужа» отчетливо проявилось двоеверие. Более действенной фигурой выступает не мертвец, а Христос:

*Как бы у Христа
Руки не поднимаются,
Уста не разжимаются,
Так бы у раба (имя),
Руки не поднимались,
Уста не разжимались
На меня, рабицу Божию (имя).
Три раза наговорить на воду и вылить в умывальник, чтобы муж умылся
(Б—90. №7). Этот же заговор можно творить на распятие.*

Приведенные тексты записаны в разных районах (Макушинском, Целинном, Белозерском) в 70—е — 80—е годы XX века от женщин 1885, 1904, 1906 годов рождения. Условно тексты устным путем от более пожилых людей. Судя по возрасту информантов и их учителей, можно с достаточной степенью уверенности отнести бытование упомянутых текстов в крае уже к концу XIX в. — 30—м годам XX века. Чтобы они утвердились как «слова» с магической силой, нужна их «обкатка» во времени. Они же видятся уже устоявшимися.

Хотя заговоры оберегаются от импровизаций, следы позднего творчества заметны на всех приведенных текстах: это и христианские образы, и лексика.

Записано одиннадцать текстов от воров. В ряде из них сохранены черты старинных заговоров «на покражу» — ограждение кругом, сотканном из космических сакральных символов:

*Во имя Отца и Сына, господний круг
облаками облачается,
Ясными звездами покрывается.
Вовек к этому господнему кругу
Никто не подступится,
А если подступится, будет огражден
Темными лесами, крутыми горами,
Быстрыми реками.
В голове жилы ослабляются,
И в глазах туманы появляются,
На руки и на ноги
Тяжелые камни накладываются.
К этому дому нету ходу,
Кто погойдет, тот не уйдет («Заговоры». №58).*

Для других заговоров тоже характерны космические образы как ограды, но они соединены с христианскими образами и мотивами. Рекомендуются творить каждый вечер перед сном следующий заговор:

*Иисус Христос шел с небес,
Нес Евангелие и крест.
Господи, кто хочет меня обидеть или обокрасть,
На того, Господи, напусти ужас и страсть.
Ночи темные, воды быстрые, глаза затуманенны.
Руки и ноги отыми и в голове мозг поверни от
скотины,
От животного и от злого духа. Аминь
(Б—90. Тетр.10. №1).*

В другом тексте оградой от воров являются три серебряных замка и три серебряных ключа, которыми сам Господь должен замкнуть «супостата»:

*Шел Господь по Сионской горе,
Нес три серебряных ключа
И три серебряных замка —
Замыкать супостату руки, ноги, губы, зубы,
Затуманить глаза.
Кто войдет в мою ограду,
Не дай ему, Господи, награду.*

*Огради, Господи, чистым животворящим крестом,
Крутыми горами, быстрыми реками,
Полуночными зорями, темными лучами
От вора-разбойника,
От лихого зверя бегучего,
От огня палючего,
От змея летучего,
От всякого супостата.
Вовеки веков.*

Аминь, аминь, аминь (Б—90. Тетр.10. №2).

Составление заговоров от воров выявляет преобладание христианских образов как защиты от воров. Можно предположить влияние на поздние заговоры более ранних — с космическими, небесными заступниками. Одни небожители вызывали других небожителей — поздних. Приведем еще один заговор: «*Господи, благослови. Заговори вора, разбойника, вертепа, Господи. Кто коснется до меня, тот был бы недвижим ни руками, ни ногами, никакими членами. Как мертвые не смотрят глазами, Господи, загороди меня реками крутыми, темными лесами, полуденными звездами, утренними зорями. Зарекаюсь, замыкаюсь замком Иисусовым, ключи брошу в море-океан*» («Заговоры»). №6).

Охранителем является и Иван Креститель: «*Батюшка Иван Креститель крестил землю и небо, все наше селение. Днем на плечах, ночь в головах. Круг меня каменная стена, тын железный, крест до неба, замок до моря. Аминь, аминь, аминь*» (Ф-89. Тетрадь Л.Речкиной №5). Этот заговор носит импровизационный характер, однако традиционная гиперболическая ограда сохранена.

Наряду с образом ограды до конца XX века используется мотив ослобенения вора:

*Добрый человек идет — пройдет.
Худой человек идет — зайдет,
Возьмет, не унесет.
Глаза у него ослобенеют,
Руки его одеревенеют,
Как у мертва-мертвеца.
Аминь* (Ф—86. №2357).

Записан также заговор от злой собаки. В селе Пио-

нерском (Макушинский район), в котором переплелись разные традиции, отнесли этот заговор к воровской среде. Уверяют, что именно воры пользуются «словами», укрощая злую собаку: «*Собачка, собачка, ты родилась из-под земли глуха, слепа, нема, не зла. Тьфу*». Плюют в морду собаке три раза (СФ-86. №607).

В заговор от всех бед включаются мотивы «сна Пресвятой Богородицы»: «*Пойду я из дверей в двери, из ворот в ворота в восточную сторону. В восточной стороне стоит матушка-церковь. В церкви стоит злат престол. На злате престоле сидит мать Пресвятая Богородица. Пришел к ней сам Иисус Христос.*

- *Погойду я поближе, поклонюсь пониже: Матерь Мария, спите и не спите.*

- *Сплю я, не сплю, сон вижу про тебя. Тебя жиговы распяли-распиловали, руцы-ноги, голову твою бивали-избивали.*

Кто этот заговор три раза в день прочитает, тот во всем спасен-сохранен, на воде не потонет, в огне не сгорит, в лесу не заблудит. Аминь («Заговоры»). №55).

Любовные заговоры. Присуха. Отсухи. Золото неподдельной поэзии блещет в любовных заговорах. Основная функция их — приворожить (вызывать любовь) и отвороживать (прекратить, оборвать чувство). В этих заговорах любовь, тоска — нечто предметное, телесное, вещественное. Ее можно снять, отнести, вложить как особый предмет в имярек¹².

Своеобразие заговоров с любовной темой в том, что предполагается конкретный человек, на которого нужно наслать чувство. Оно не именуется любовью, а тоской тоскучей, сухотой сухотущей, плачем неутолимым, нескончаемой думой. Почти все заговоры предполагают обрядовое действие: возжигание огня, собирание следов, питье нагоренной воды, обнажение, умывание, выход на перекресток, расплетение косы и т.д. Место творения любовных заговоров — перед печью, на пороге, перекрестке дорог. Время, по преимуществу, — вечер, полночь. Оно часто называется в

самом тексте:

*Батюшка, млад месяц!
Не можешь жить ни без темной ночи,
Ни без синих облаков.
Так и ты, раб Божий (имя),
Не мог жить без рабыни (имя),
Ни дня дневать, ни ночи ночевать,
Ни минуты, ни секунды. Аминь (С — 89. Т.1. №159).*

Сопоставление текстов позволяет, хотя с понятными огорками, выделить наиболее ранний пласт. В старообрядческой среде записан заговор с образом «сатанинского» персонажа — Ираклия Кривого. Информантка пользовалась им, привораживая жениха своей золовке. По убеждению информантки, обращение к Ираклию Кривому — дело греховное, так как он — «от сатаны» («Ильино — 91». С.103). Ираклий Кривой — Ирий, подземный бог, хозяин «того» света. Приворожка состоит в том, что, открыв трубу, следует зажечь дрова в печи, раздеться донога, распустить волосы и сказать:

*Ираклий Кривой,
Тури и гони
Рабу Божию (имя)
К нашему (имя)
Будьте, мои слова,
Лепки и крепки («Ильино — 91». №94a).*

В ряде заговоров подчеркнута значение космических образов. В частности, сказываются «слова» на полную луну. Соблюдается, хотя и не многократно, диалог. В одном из текстов, построенном на диалоге, главными персонажами, наделенными магическими свойствами, являются характерные для ранних ступеней развития жанра двенадцать дев: «Когда взойдет полная луна, не отрываясь, смотри на нее и повторяй:

- Ой, вы девы, девы красны сладкогласны. Вы куда идете, изгой несете?

- Мы идем до моря — поджигать леса, сокрушать сердца добрых молодцев.

- Сестры мои, сожгите (назови его имя) сердце, печень

печенку, селезенку, чтобы он (скажи свое имя) уважал, любил и ценил» («Заговоры. №42).

Для изучения исторической жизни заговоров на любовную тему важны и другие тексты с диалоговой формой:

*-Двенадцать ветров ветручих,
Двенадцать ветров вихручих,
Кого вы сушите,
Кого вы крушите?
-В поле белые березы,
В поле горькие осины,
Мураву-траву.
-Не сушите вы, не крутите вы
В поле белые березы,
В поле горькие осины,
Траву-мураву,
А раба Божьего Геннадия.
Напустите на него
Тоску тоскливую,
Слезу слезливую,
Думу неодолимую
Плач неутешимый.
Будьте вы, мои эти слова,
Крепки и лепки,
Век по веку, отныне до веку.
Аминь («Заговоры». №17).*

Заговоры отразили веру в сакральную семантику слюны и языка. В одном из заговоров требуется произвести следующие действия: опустив свою слюну в воду, девушка наговаривает и угощает незаметно дорогого:

*Как я раба Божия (имя),
Не смогу жить без своей слюны,
Так бы и он (имя)
Пусть не проживет без меня (СФ — 86. №605).*

Слюна, плевание сакрализованы в образах, даже без участия слова. Это характерно для многих мифологических систем. На материалах обычаев европейских и азиатских народов, А.Голан сделал вывод о том, что плевание (в частности, троекратное) «считалось средством усиления действия заклятия. В Риме существовал обычай, по которому мать троекратно плевала своему ребенку в лицо, чтобы

обеспечить его благополучие. У монголов обряд конфирмации заключался в том, что жрец трижды плевал в лицо ребенку. В древности христианам было предписание плеваться, произнося отречение от прежней веры или проходя мимо языческого святилища».¹³

В другом заговоре соединены силы языка, слюны и слова. Наговорив на воду, плюнуть в нее и угостить предмет своей тоски тоскучей: «Как язык мой без воды не может, так и ты, раб Божий (имя), без меня, рабы Божьей (имя), жить бы не мог. Как мой язык во рту сохнет без воды, так и ты, раб Божий (имя), без меня, рабыцы Божьей (имя), сохнуть пересыхал. Аминь, аминь, аминь» («Нагорское-88». №62).

Древними поверьями окрашен заговор с контагиозной магией. Магические действия связаны со следами приوراжаемого. Согласно верованиям, известным в разных мифологических системах, можно вызвать желаемый эффект, производя определенные действия.¹⁴ Приведем рекомендацию к действию и текст: «Из-под правой ноги, из-под самой пятки нужно вырвать клочок травы и положить ее под матицу, приговаривая: «И как трава сия будет сохнуть вовеки веков, так чтоб и он, раб Божий (имя), по мне, рабе Божьей (имя), сохнул душой и телом, и тридцатью суставами. Чтобы мне, красной девице, быть для него милее светлого месяца, красного солнышка, роднее отца-матери, дороже жизни. Спать бы ему — не засыпать, есть бы ему — не заесть, пить бы ему — не запить, гулять бы ему — не загулять без меня, красной девицы. И как рыба без воды бьется, так чтобы и он, раб Божий (имя), без меня бился-метался. От века по веку, отныне до веку. Аминь, аминь, аминь» (Ф-84. №1628).

Из глубины веков дошел заговор с применением гомеопатической или имитативной магии, в которой используется змеиная шкура, наделенная поверьями особой маной-тотема и способностью вызвать огонь — синоним любви. По свидетельству женщины 1903 года рождения, положительно действует следующий заговор: «Когда змеи сбрасыва-

вают свою кожу, нужно встать рано утром и пойти в лес. В лесу найти кожу змеи и набросить ее на дерево. Повторить три раза слова: «Раб Божий, пришейся ко мне кожей. Аминь» (СФ-86. №21).

В архиве Курганского государственного университета есть заговор на «карточку» любимого. Иголкой прикалывали его фотографию к потолку своего дома, но так, чтобы не было видно и приговаривали: «Стану я, раба (имя), благословясь, пойду, перекрестясь, из избы в двери, из двора в ворота. Пойду в чисто поле, в подвосточную сторону, где стоит изба, под избой — тоска. Впивайся, тоска, въедайся в грудь, в сердце, во весь живот и разойдись по всем жилам, по всем костям сухотным раба (имя)» (СФ-92. №11). Мотив прикалывания «карточки», конечно, поздний, однако само действие иголкой идет из глубины веков.

Традиционно любовное чувство вызывается через дым и ветер. Наговор на огонь и дым крестьяне связывали с представлением о любви как жару. Предпочтение при отправлении обрядовой стороны отдавалось березе — «девичьему» дереву, украшаемому ими во время Троицкой обрядности. «Девушки «кумились» с березой, просили у нее доли, умывались березовым соком для красоты и здоровья».¹⁵ На венки загадывали о замужестве. В соответствии с представлением о сакральной связи между девушками и березой вошла в присушки береста. В традициях Зауралья разрезали мелко бересту, поджигали в предпечье, медленно подкладывали ее к огню. Важную роль играет направление ветра. Важно, чтобы он нес дым в сторону дома желанного:

*Дым едучий,
Огонь палючий,
Иди на высокие облака
Через темные леса,
Через крутые горы.
Найди раба Божьего (имя)
И пади на ретивое сердце,
Кровь горячу и в печень.
И будьте, мои слова,*

*Крепки, лепки, крепче
Булатного ножа* (С-89. №1176).

В другом заговоре требуется заготовить девять березовых лучинок. Встав у шестка, поджечь первые три. При этом сказать: «*С первым дымком явись, раб Божий* (имя), *ко мне* (имя), *соколом*». Подложив следующие три лучины, сказать: «*Думай обо мне, рабице Божией* (имя), *как малое дитя об груди матери*». Последние три лучины подкладываются в огонь со словами: «*Сохни в печи лучина, навалися на раба Божьего* (имя) *тяжелая кручина обо мне, рабе Божьей* (имя). *Зуб мой – замок, язык мой – ключ. Запираю, замыкаю. Ключ в бездну бросаю. Аминь, аминь, аминь*». Заклинание повторить три раза, пока лучины горят (А-86. №251).

Батюшка серый дым наделяется способностью отыскать человека везде, где бы тот ни был:

*Батюшка серый дым,
Ходишь ты по белому свету,
Разыщи мне раба Божьего* (имя).
*Разбей ему ретивое сердце,
Легкую печень, кровь горячую,
Влепи ему, всели в него
Печаль неутолимую, любовь ненарушимую,
Чтобы он тосковал, плакал и рыдал,
Меня, рабицу Божью* (имя свое), *во веки веков не забывал,
Казалось бы я ему, рабу Божьему* (имя),
*Всех милее и красивее,
Всех дороже на белом свете.*

Затопить русскую печь, повторять три раза данный текст. После каждого раза поплевать на дым (СФ-86. №604). Дым, гарь горячая призываются проникнуть в тело и душу желанного:

*«Стану я, благословясь, пойду, перекрестясь,
Из дверей в двери, из ворот в ворота
В восточную сторону –
Под красное солнце, под светлый месяц,
Под светлую луну Господню.
В восточной стороне идет
Гарь-гарющая, стрела колючая,
Сушит пустые места,*

*Белые березки, горькие осинки,
Гарь-гарющая, огненная,
Не суши ты, не круши ты
Белые березки,
А высуши и выкруши ты раба Божьего* (имя).
*Вложи в него тоску тоскущую,
Сухоту сухотущую,
В печень влепи, в кровь горячу,
Чтобы не мог ни жить, ни быть,
Ни дню дневать, ни часу часовать;
В еде не заедал, в воде не запивал,
В сне не засыпал, в бане не запаривал,
Ключевой водой не споласкивал.
И думал и болел, как сам о себе,
Так и обо мне, рабице Божьей* (имя).
*Казалось бы я ему
Белее белого снегу, краше красного солнца,
Милее отца и матери,
Всего рода и племени.
Будьте, мои слова, крепки,
Крепче булата, тверже уклада,
Быстрее ножа булатного»*
(«Мокроусово-81». №1).

Заговоры по дыму отличаются органическим единством прозы быта и запредельных, сильных чувств. Сам образ дыма, рожденный в обыденной обстановке крестьянского дома и улетающего в заоблачные выси, связывающего землю и небо, позволял создателям заговоров поставить рядом с поэзией чувств прозу повседневности:

*Дым дымущий, огонь палящий
В синем небе под белыми облаками.
Иди, дым дымущий, огонь палящий,
В чистое поле, в широкое раздолье,
Разыщи раба Божьего* (имя),
*Разрежь ему грудь,
Вложи ему в сердце тоску тоскущую,
Сухоту сухотущую, печаль неутолимую
Обо мне, о рабице о* (имя).
*Ел бы – не заедал, пил бы – не запивал,
Ходил бы – не захаживал,
Гулял бы – не загуливал,
Говорил бы – не заговаривал,*

В бане бы не спаривал.
Казалось бы я ему, рабица Божья (имя),
Милее свету белого,
Милее красна солнышка,
Казалась бы я ему, рабу Божьему (имя),
Милее кума и кумы,
Милее брата и сестры,
Милее отца и матери. Аминь.
Замком замкну, ключом запру,
Брошу этот ключ в океан-море.
В океан-море есть щука-белуга.
Кто эту щуку-белугу поймает,
Тот слова мои закопает.
Аминь, аминь, аминь («Заговоры». №49).

Другим сквозным образом заговоров является ветер. Ему приказывается вызвать любовное чувство. При сильном ветре, вьюге, выйдя на улицу, необходимо сказать, встав по ветру, следующие слова:

Двенадцать ветров ветручих,
Двенадцать вихров вихручих,
Как вы сушите, крушите
Леса дремучие, реки плакучие.
Так сушите и крушите
Раба Божьего (имя).
В его ретивое сердце,
В кровь горячую,
В косицы и ресницы,
Глаза синие (черные)
Несите горе горячее,
Тоску плакучую,
Плач неутомимый.
Чтоб глядел на меня,
И казалась я ему
Красней красного солнышка,
Яснее ясного месяца
И всех полуночных звездочек.
Чтоб в еде он меня не заедал,
Чтоб в питье не запивал,
Хмельной банюшке не запаривал,
На гулянье не загуливал,
Крепком сне не засыпал (А—87. Тетр.1. С.15).

Видимо, некогда и любовные заговоры с обращением к ветру строились на принципе диалога:

-Двенадцать ветров ветручих,
Двенадцать вихров вихручих,
Кого вы сушите, кого вы крушите?
-В поле белые березы,
В поле мелкие осины, мураву-траву.
-Не сушите вы, не крушите вы
В поле белые березы, в поле горькие осины,
А сушите раба Божьего (имя).
Напустите на него тоску тоскливую,
Слезу слезливую, думу неодолимую,
Плач неутомимый.
Будьте вы, мои эти слова, крепки и легкие.
Век по веку, а ты — на зло веку. Аминь!
(«Заговоры» №17).

В некоторых заговорах называется прямо противоположное время — утренняя заря. Но, может быть, это результат разрушения традиции.

На одном из вариантов с образом утренней зари заметно разрушение мифемы «из дверей в двери». Героиня противопоставляет образ «из дверей в двери» синему морю, как более значимому для заклинания. Слово «пелена» заменено более знакомым — «простыня»:

Встану я, рабица (имя),
Умоюсь я утренней росой,
Утруся белой простыней.
Пойду не из дверей в двери,
Не из ворот в ворота,
А пойду я к синему морю.
У синего моря — синий песок.
На синем песке стоит синий стул.
На стуле этом сидит синь-седой старик,
Держит лесину синю осиновою,
Стружит стружки в синее море,
На каменную доску.
Как эти стружки вьются и прячутся,
Так и раб (имя), вился и торопился
К рабице (имя), любил бы, не забывал,
В еде бы не заедал, в питье бы не запивал,
В жаркой банюшке не запаривал,
Ключевой воде не смывал,
Ни в работе, ни в охоте не забывал.
Она бы ему казалась

*Всех белее, всех милее,
Отца, матери милее,
Всех подружек веселее.
Будьте, мои слова, крепки и лепки,
Крепче булата, крепче камня,
Крепче вострого ножа (Д—87. №487).*

В одном из вариантов обряд сводится к тому, что нужно выйти при сильном ветре на перекресток, вечером — «при луне», и трижды проговорить заговор (С—91. С.57). Ветер должен вселить в нужного человека тоску — «*в ретивое сердце, печень, кровь горячую, в семьдесят семь жил, семьдесят семь суставов, в хоть и в плоть, в губы и в зубы, в язык и в ясные очи, во все тело молоденькое*». Это чувство так огромно, что его нельзя в гульбе загуливать, в баньке запаривать, в работушке зарабатывать. Слова, «как быстрые стрелы». Вместе с дымом чувство должно проникнуть в самые укромные тайники души и в тело («Нагорское—88». №64).

Нельзя не упомянуть заговор с образом дуба в связи с проблемой консервации архетипов в заговорах. Дуб — символ мужского начала, он был элементом брачной обрядности. «Кое—где у старообрядцев — беспоповцев еще в середине XIX века союз заключался таким образом: парень, сговорясь с девицей, отправлялся вместе с ней к заветному дубу и объезжал его три раза кругом. В Воронежской губернии пользовался уважением древний дуб; выйдя из церкви после венчания, молодые направлялись к нему и трижды объезжали вокруг».¹⁶ Хотя в Зауралье не отмечено в брачных обрядах поклонение дубу, заговоры в конце XX века сохранили отзвуки древнего культа дуба:
*Встану я, рабица Божия (имя), благословясь,
Пойду, перекрестясь, из дверей в двери,
Из ворот в ворота.
Пойду я, раба Божия (имя), на море-океан.
Как на море-океане
Стоит стогодовалый дуб.
Подойду я к нему поближе,
Поклонюсь пониже:*

*- Батюшка-вихоречек,
Сорвись семьдесят семь ветров,
Семьдесят семь вихров,
И шатайтесь во все стороны,
По всему белому свету,
И разыщите раба Божиего (имя),
И вложите ему тоску тоскучую,
Сухоту сухотучую.
Перебери у него семьдесят семь жил,
Семьдесят семь суставов,
И чтобы он, раб Божий (имя),
Не мог ни жить, ни быть,
Без рабы Божией (имя),
Тосковал, горевал, в еде не заедал,
В гульбе не загуливал,
В крепком сне не засыпал.
Все бы думал и думал,
И обратился к рабе Божией (имя).
Будьте, мои слова, крепки и лепки,
На все на три века («Заговоры». С.107).*

Приведем еще один пример с мифемой дуба:

*Стоит дуб,
В том дубе доска,
Чтобы брала (фамилия, имя, отчество любимого)
тоска.
Заклинаю тебя
Хлебом и пасхой,
А ты меня —
Любовью и лаской.*

Три раза подуть формой креста на съедобный предмет (хлеб) и дать привораживаемому съесть (СФ—99. №53).

В качестве исполнителей воли заклинательницы выс—
тупает не только ветер, но и близкие ему демонические
существа — Вихрь и Буря, олицетворяющие нечистые, злые
начала. Разрушение мифологии привело к тому, что они оказались приближенными к самой Богородице. О демонической сущности вихря и бури говорит мотив прохождения ими болота. Предлагаемый текст заговора представляет интерес в аспекте развития жанра. В тексте — сплав традиционного и нового — соединяются разнородные образы: Богородица, с одной стороны, Вихрь и Буря,

— с другой. По традиции в заговор введен мотив двоичности, образы океан — моря, злат престола, тоски. Но вместе с тем, просьба к ветрам «не утонуть» в море — явное индивидуальное изобретение, когда забыта семантика Вихря. И уж совсем не согласуется с высоким неземным чувством императив вложить тоску и плач неутомимый дорогому «косицы, в ягодицы». Заговор предусматривает обрядовые действия. Надо «встать рано поутру, выйти во двор, говорить на ветер»:

*Встану я рано, выйду под светлый месяц,
Под ясные звезды.
Утренней росой умоюсь, белой пеленой утрусь,
На все четыре стороны помолюсь.
 Попрошу мать Пресвятую Богородицу:
- Благослови меня идти на море-океан.
На море-океане стоит престол.
На этом престоле два брата Буря
И два брата Вихря. И я попрошу:
- Выньте у рабы (имя) тоску-тоской
И плач неутомимый. Унесите рабу (имя).
Несите, не утоните, через реки, через горы,
Через даль, через болото.
Найдите его ходячего или стоячего,
Лежащего или спящего.
Вложите ему в косицы, в ягодицы,
В тело белое, в кровь горячую,
Чтобы он в еде не заедал,
В гульбе не загуливал,
В бане щелоком не смывал,
Про рабу (имя) не забывал.
Была бы я ему милей отца-матери,
Братьев-сестер. Зубы мои — замок,
Язык мой — ключ. Как этот ключ не достать,
Так мои слова не разговорить (Ф—84. №1514).*

В заговорах конца XX века сохранились основные мифемы, известные по заговорам XVII и последующего времени. Записаны три варианта любовного заговора, в обрядовые действия которых включена кровь. Введение крови в них логично, так как, по поверьям, в ней пребывает душа.¹⁷ Передача крови другому человеку, означает по-

рождение душой. В отношении дружной пары говорят: «живут душа в душу». Уколоть палец до крови, взять эту кровь и опустить в вино. И наговаривать: «Как я, раба Божья (имя), не могу ни жить, ни быть ни минуты, ни часа, ни дня без крови, также и ты, раб Божий (имя), чтоб не мог ни жить, ни быть ни минуты, ни часа, ни дня без рабы Божьей (имя)» («Заговоры». №34). Другие варианты отличаются небольшими разночтениями лексического порядка. Простота и неразработанность заговоров с использованием крови позволяет предполагать в них ту ступень, на которой развилась поздняя заговорная высокая поэзия.

Ряд заговоров сказывается на вино и вообще на питье. Н.Новомберский приводит множество материалов из судебных дел XVII века, в которых слово наговаривалось на вино. Обряд и заговорное слово выучила студентка — охница 1959 года рождения. Запись 1987 года:

*Выйду я, раба (имя), в чистое поле в широкое раздолье,
Под матушку красную зарю:
- Красная заря, прошу я тебя,
Разыщи мне раба в поселке (название поселка).
В чистом поле, в широком раздолье
Есть ветер ветрецкий, вихрь вихорецкий.
- Ветер буйный, прошу тебя,
Разыщи мне раба (имя парня), разбей его сердце,
Вмажь ему тоску-тоскучую, сухоту-сухотучую,
Плач неутомимый, жизнь неразлучимую
Рабу (имя) с работой (имя),
Чтобы раб (имя) об рабе (имя) плакал и рыдал,
В еде не заедал, в питье не запивал,
В душе не задумывал, советы советовал,
Тайности говорил раб (имя) рабе (имя),
Будьте, мои слова, крепки, цепки,
Крепче булата, крепче булатного ножа.
Запру я свои слова на три замка, на три ключа,
Брошу я эти ключи в океан-синее море,
Сглотит их щука-белуга —
Железные зубы, оловянные глаза.
Никому эту щуку не поймать,
Век по веку отныне до веку.
Аминь («Заговоры». №35).*

Архаическая традиция заговоров проявилась в текстах с образами красной зари и сырой матушки — земли: «*Выйду я, раба (имя), в чистое поле, в широкое раздолье, под матушку красную зарю. Матушка-красная заря, разыщи мне раба (имя)*» («Заговоры». №35). Образ матери — сырой земли, заступницы, рождающей все живое, собственно, и должен был войти в заговоры, функцией которых является создание любящей пары, обязанной дать новую жизнь: «*Стану я, рабица (имя), благословясь, пойду, перекрестясь. Выйду я на крыльцо и стану на сыру землю. Как эта матушка-сыра земля рагуется красному солнышку, светлому месяцу, частым звездочкам, так бы раб Божий (имя) обо мне раговался, веселился всем ретивым сердцем, не мог бы насмотреться и наговориться*» («Заговоры». №6).

Разрушение мифологического мировоззрения привело к замене мотива радости матери — сырой земли по поводу взаимной любви земных людей мотивом радости матери Пресвятой Богородицы — по этой же причине:

Утренняя заря заревается, вечерняя закатается,

Мать Пресвятая Богородица рагуется.

Рагуются земля и небо, трава и леса.

Чтоб раб Божий (имя)

За белые бы меня (имя) руки брал,

К ретивому сердцу прижимал,

Своей называл («Заговоры». №46).

Древними являются корни у заговоров на соль. В нашем архиве есть текст, в котором сплелось старое и новое, традиция и индивидуальное творчество. Представление о важности «цветистого» слова заставило авторов заговора искать в позднее время украшения к образу соли — эпитеты. Забыв об истинном значении различных видов соли, лекарки обращаются не только к соли каменной, но и к соли английской. Однако образы бояр, крестьян уводят формирование присушки в XIX век: «*Соль английская, соль калийная, соль каменная. Без той соли никто не может жить: ни бояре, ни крестьяне, ни раб Божий (фамилия, имя, отчество) без рабыни Божьей (фамилия, имя, отчество)*».

Кабы он ее обнимал, кабы он ее целовал. В бане венником не запаривал. Эти слова отдала я щуке-налуге. Щука-налуга зубами их схватила, хвостиком мелькнула, поплыла на дно морское, в сундук положила, ключиком закрыла. Аминь, аминь, аминь». Обрядовые действия: зажечь свечку, надеть ночную сорочку и распустить волосы. Затем в левую руку насыпать щепотку соли, а под правую пятку положить нож. После всего этого говорить слова. После произнесения слов должно пробыть 12 часов (СФ — 86. №424).

Некоторые из заговоров испытали влияние христианства, хотя и меньше, чем заговоры от детских болезней. Подобно персонажам заговоров от детских болезней, героиня любовных присушек обращается к Пресвятой Богородице, которая пеленает в шелковые пелены тело истинного Христа. Просьба иная — вызвать расположение мужчины (Д — 87. №486). В другом тексте упоминается Афин — гора, то есть Афонская гора (С — 89. Т.1. №69).

В некоторых текстах обнаруживаются нетрадиционные для заговоров образы и мотивы. Например, голуби. Вероятно, этот образ навеян лирическими жанрами. Так, утром на восходе солнца положено сказать, учила в 1986 году 90-летняя жительница Сафакулевского района, следующие «слова» на любовь мужа и жены: «*Встану я рабица поутру, помолюся, благословлюся. Из дверей в двери, с ворот в ворота. Выйду в чистое поле на раздолье. В чистом поле сидят семьдесят семь голубей, меж них — ясный сокол. Поручу я соколу ясному: «Сокол ясный, сокол прекрасный, полети ты в жилище раба, моего милого, разбуди его». «Милый мой, оглянися, на мое бело личико повернися. Какое мое личико бело, мило. Чтоб тело его мне любо было и ему любо было. Отныне и навеки. Аминь, аминь, аминь» (СФ — 86. №28).*

Явно поздние ступени формирования обнаруживают тексты с образами, не разрабатываемыми в русском фольклоре, в частности, с образом льва. Наговаривается на заре:
Лев ты мой,

Я любовь твоя,
Пью кровь твою,
Возьму сердце из тебя.
Две любви — одна я.

Вовеки веков. Аминь («Заговоры». №47).

Известен в крае заговор на замужество. Подобные тексты записаны в XIX веке. «Слова» творятся на Покров (14 октября по н.ст.): «*Батюшка Покров, покрой сыру землю и меня молоду*». Этот текст И.П.Сахаров дополнил еще одним вариантом: «*Бел снег землю прикрывает, не меня ли, молоду, замуж снаряжает?*»¹⁸

В с.Обрядовке Притобольного района тоже знают приговор «на судьбу», который следует творить вечером, накануне Покрова: «*Нужно встать лицом на восток и сказать три раза: «Батюшка Покров, покрой меня не снежком, а злат венцом и красным подзатыльничком»* (Архив автора. Запись 2000 г.). О брачном мотиве говорит вышедшее теперь из употребления слово «подзатыльник», но во времена В.И.Даля известное в двух значениях: «*Сеть крупного, цветного бисера, подвешиваемая замужними женщинами под кичку на затылок*» и «*Весь головной бабий убор, кокошник*».¹⁹

Остуда. В заговорах «знающий» предстает человеком, осведомленным в тайнах жизни сердца. Направление заговоров многообразно. Важно не только покорить дорогого человека, заставить его сохнуть по себе. Не менее важно снять с себя каменную тяжесть тоски, остудить. Сквозными образами и в конце XX века остались «*студена вода*» и **мороз**. Знают тексты и пожилые и молодые. Заговаривать рекомендуется ранней зарей у воды:

*Встану, пойду умоюсь на ранней заре
Студеной водой из студеной реки.*

*- Ты, мать студена река,
Остуди сердце рабы Божьей (имя)*

к рабу Божьему (имя).

*Как мороз морозит тебя, мать студена вода,
Как январская стужа замедает следы,
Так заморозь, мать студена река,*

*Тоску рабы Божьей (имя) к рабу Божьему (имя).
Замети, мать студена река,
Тоску-любовь неизбывную, неотвечную.
Как от красна солнца по весне снега тают,
Так любовь-кручина рабы Божьей (имя)
К рабу Божьему (имя)
Пусть растает, как снег и лег
По весне под красным солнышком.
Ослобони, мать студена река,
Студена река, студена вода,
Рабу Божью (имя) от тоски-кручины,
Мутная, беспросветная.
Аминь (В-87.№ 471).*

Заговор записан в 1987 году от 84-летней жительницы деревни Мелетиной Куртамышского района. Дальняя деревня, не избалованная профессиональным искусством, однако, дай Бог каждому писателю так владеть словом, да и памятью тоже.

Заговоры от тоски — яркая страница науки сердца. Создателям их ведомы самые тайные сердечные муки и способ избавиться от них. Заговоры от тоски находят яркие слова, которые способны «пронять» печку, льдинку, студеную волицу. Каждый текст неповторим. Женщина 1926 года рождения заучила и пользуется несложным текстом: «*Как матушка по печи-печина, не знаешь ты тоски-кручины, так бы рабица Божья (имя), об рабе Божьем (имя), не тосковала, не горевала — ни в дневну, ни в полуночну. Аминь*». *В воду соскабливают немного кирпича из печи, дают попить и умывают (С-89. Т.1. №66).*

Молодая женщина выучилась у одной старушки «шептать «слова» от любовной тоски. По ее сведениям, их можно применять и при тоске по покойному: «Допустим, мало ли тоскуешь или там похоронишь кого». Заговор считается действенным при соблюдении обрядовых действий. Надо выйти на речку. «Приходишь, воду берешь ладонью наотмашку и умываешься. Наотмашку — это значит не к себе берешь, а, наоборот, в правую сторону правой рукой. Умываешься и говоришь:

*Матушка проточная вода
Размывает крутые берега.
Смой, сплочи с рабы Божьей (имя)
Тоску тоскучую, сухоту сухотущую,
Горь горющую, тяжь неутомимую,
Чтоб она не думала, не тосковала,
Не плакала, не рыдала об рабе Божьем (имя).
Разнесите, волны, думы
По всем четырем сторонам.
Во имя Отца и Сына и Святого Духа.
Аминь! («Мокроусово — 81». С.3).*

Отсушки. Еще более сгущены чувства в отсушках — заговорах, направленных на прекращение чужой любви. Чаще всего в них «отвораживается» милый от «супостатки» — разлучницы, «грубиянки», соперницы. Характерен сплав боли, любви и лютой ненависти: На ветер в полночь бросаются слова, наполненные страшным повелением:

*-Буйный ветер, буйный ветер,
Пойди в широкое поле,
В широкое раздолье.
Найди, найди раба Божьего (имя).
Пусти ему ненависть, чтобы
Он свою любовницу (имя) ненавидел,
Бил, колотил, рвал, кусал.
Казалось бы она ему хуже мыши,
Хуже крысы, хуже подколодной змеи.
Будьте, мои слова, крепки, метки (С — 89. №583).*

В отсушках есть мотив осознания греховности их, сатанинского начала. Однако любящего человека это не оставяет. Призывается на помощь сатана, тридцать три чертенка, тридцать три дьяволенка, сняты мотивы благословения и наложения на себя крестного знамения. Отсутствуют христианские образы, но творящие заговоры по традиции называют себя рабом Божьим или рабицей Божией:

*Встаю, не перекрестясь,
Иду из дверей в двери, из ворот в подворотню,
Иду в чистое поле. Там есть болото.
В этом болоте живет черт-чертовка,
Дьявол лохматый, черт горбатый,
Змея подколодная, лягушка холодная.
Так показалась бы рабу Божьему (имя)*

*Раба Божия (имя) чертом горбатым,
Дьяволом лохматым,
Змеей подколодной, лягушкой холодной
(А — 87. С.17).*

От двадцатидвухлетней жительницы села Краснознаменского Мишкинского района записан заговор, передаваемый «по семье» — от поколения в поколение. Корни его глубоки, что обнаруживает образ эпической реки Смородинной — былинной Смородинки. Христианские образы отстраняются от греховного содержания императива. Они упоминаются в отрицательном полюсе:

*Не во имя Отца, ни Сына,
Ни Духа Святого, ни аминь.
Встану я, раба Божия (имя),
Не благословясь, пойду, не перекрестясь,
Из дверей не в двери,
Из ворот не в ворота,
Сквозь дыру огородную.
Выйду я не в чистое поле,
Не в подвосточную сторону.
Под той ли подзакатной стороной
Течет Смородинная река,
По той ли Смородинной реке
Плывет смердячий челн.
В смердячем челне сидит немало человек —
Чертова рожа, змеиная кожа,
Сычи глаза, волчья пасть, медвежий взгляд,
Образ звериный, а вздох змеиный.
И как этот немало человек
Страшен и ужасен, горек и приторен,
Так бы казался и страшен, и ужасен,
И горек, и приторен
Раб Божий (имя) рабе Божьей (имя)
Днем и ночью, утром и вечером,
В полдень и за полночь, в полночь и за полночь,
На ветхом месяце и на молодике, и на перекрое;
Во всякое время и безвременье.
Как бы зверь рыскающий в темном лесе,
Как змей ползучий в чистом поле,
Не мог бы раб Божий (имя)
Ни думы подумать, ни мысли помыслить,
Ни взгляда взглянуть, ни беседы побеседовать.*

*Дрались бы, царапались и в глаза кидались,
В кровь царапались и навстречу не встречались,
И на улице друг друга не держались.
Всегда, ныне и присно, и веки веков.
Аминь, аминь, аминь.*

После этого надо взять рогатку, разломить надвое, одну половину сжечь, а другую закопать в землю и сказать: «*Как этим двум часточкам не срастись и не сойтись, так же бы рабе Божьей (имя) с рабом Божиим (имя) не сходиться и не встречаться навечно*» (А-87. С.16-16 об.).

Некоторые сюжеты, изобилуют драматическими столкновениями. Они воображаемы, но предметность обстоятельство придает им реальный земной характер. Заклинательница еще встанет, еще пойдет — это в будущем времени. Однако в настоящее время переведены два волка, рвущие мать — сыру землю. Настоящее время позволяет картине дерущихся волков быть достоверной. Она как бы не выдумана. Такими же должны быть отношения между нужным «рабом Божиим» и третьей — лишней. Время в заговоре не случайно перепутано. В чередовании настоящего и будущего есть свой резон, своя логика:

*Встану я, рабица Божья (имя),
Благословясь, пойду перекрестясь,
Из дверей в двери,
Из ворот в ворота
В восточную сторону.
Пойду я той торной дорогой.
Той торной дорогой
Идут два серых волка.
Стали они злиться-яриться,
Стали рвать и метать
Сырую землю-матушку,
На все четыре стороны метать.
Так бы и раб (имя)
Стал кидать, рвать и метать,
На все четыре стороны кидать рабицу (имя)
В уме-разуме не держать,
В помышленьях не мечтать.
Будьте, мои слова, крепки, лепки,
Крепче камня, крепче булатного ножа.*

Аминь (А-87. С.15).

Обогатил тематический состав заговоров, бытующих в Зауралье, текст, в котором присушка соединена с отсушкой. Заслуживает внимания обрядовое действие, изображенное в словесной ткани. Заговор сказала 84-летняя жительница Куртамышского района в 1987 году. Конечно, ее обыденная речь испытала влияние местного диалекта. Однако заговор стилистически отточен, речь литературна, поэтична. Диалект и возраст выдают слова «не можно» вместо «нельзя»:

«Встану, благословясь, пойду, перекрестясь, выйду в чистое поле, поклонюсь три раза ясному месяцу. Зачерпну снегу горсть, брошу через левое плечо: «Ты развейся, снег, по ветру, ты войди ледяной стужей в сердце милого, злой разлучницы (имя).

Разожгу я костер жаркий. Как егкий дым от этого костра по ветру развеется, пусть так из сердца раба Божьего (имя) дымом развеется зла разлучница (имя).

Как костер без угольев гореть не может, как рыба без воды плыть не может, так бы и рабу Божьему (имя) не можно было жить без рабы Божьей (имя). Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь» (В-87. №475).

Характерными особенностями заговоров поздней ступени является также некоторое осовременивание незначительной части текстов, а также манифестация ряду текстов функций заговоров другой тематики.

Исследуемые материалы подводят к выводу о том, что в Южном Зауралье основная тематика заговоров, известная по сборникам XIX века, сохранилась. Тексты, передаваемые устным путем, предстают, по преимуществу, не тронутыми разрушающим воздействием времени. За редким исключением, нет контаминированных текстов. Наоборот, четко проявляется формульность. Вместе с тем, заговоры на конкретную тему дают широкие возможности выявить региональную специфику развития традиции.

IV. ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ ЗАГОВОРОВ «НА ЗУБЫ»

Обращение к этим заговорам обусловлено их широкой вариантностью, что дает возможность выявить жизнь традиции в диахронии. Сопоставление вариантов свидетельствует о том, что заговор представляет собой не застывшее явление, а живой развивающийся организм. Н.П.Андреев верно писал о неизбежности изменений в фольклоре в силу его устного бытования: «Изменения в фольклорных текстах неизбежны именно потому, что тексты эти живут в различных условиях, переходят в новые исторические условия и вследствие этого впитывают в себя новые данные, приобретают новый характер». ¹ Однако изменения, вошедшие в рассматриваемый заговор, не взорвали его изнутри, привели к множественности вариантов. «Жизнь фольклорного произведения, — писал Б.Н.Путилов, — есть непрерывный процесс воспроизведения и исчезновения, возникновения, смены вариантов. Вообще только совокупность вариантов дает основание для каких-то обобщений относительно того, что происходит с тем или иным произведением, с той или иной традицией...» ²

Вариативность — универсальный признак фольклора. Варианты, возникнув на разных стадиях истории народа, существуют одновременно, не отменяя друг друга, создавая сложный рисунок процесса развития. «Варианты — проявление динамики фольклора как художественного яв-

ления», — справедливо утверждает В.П.Аникин. ³ Вариативность — залог жизни произведения. Требования новых поколений, изменения в области идеологии, быта, социальных отношений — почва, на которой возникают варианты. Опыт изучения изменения вариантов во времени накоплен. При этом учитываются не только специфика устной передачи произведений, но и развитие мировосприятия, социальные, бытовые изменения. Но как бы ни была активной импровизация, связанная с различными условиями, в заговорах она не выходит далеко за рамки традиции.

Заговоры «на зубы» в силу постоянной их востребованности хорошо сохранились в крае, но вобрали изменения, вызванные различными причинами. Можно выделить ранние варианты и варианты поздние. В большинстве из них имеется мифопоэтический образ молодого месяца. Они известны людям разного возраста.

Молодой месяц. В ранних и поздних вариантах в основном сохранена древняя обрядность: творится заговор на «молодик молодой» — молодой месяц. Требуется соблюдение определенных обрядовых правил: глядеть на месяц, раскрыв рот, то есть вбирать в себя ману месяца, мифологизированного «светила мертвых». ⁴ Молодой, обновленный месяц воспринимался мифомышлением вернувшимся из мира мертвых, возрожденным. Общение с «тем» светом, по древним представлениям, наполняет месяц сакральной, благотворной силой. Это и вызывало мотив обращения к месяцу. Нет оснований утверждать, что творящие заговор люди, особенно на рубеже XXI века, сознательно восприняли древнюю семантику месяца. Однако сила традиции такова, что мифема месяца остается доминирующей.

Диалоговая форма. Наиболее ранние варианты сохранили мифему связи месяца с «тем» светом, а также древнюю, идущую от обрядов диалоговую форму:

- Светел месяц? - Светел.
- Был на том свете? - Был.

- Видел мертвого мужика? - Видел.
- Что, у него красные десна не ноют? - Не ноют.
- Белые зубы не болят? - Не болят.
- Так бы и у рабы Божьей (имя, фамилия)
Красны десны не ныли,
Белы зубы не болели.
Ни ломоты не было, ни сильной опухоли
Днем при солнышке, ночью при месяце.
Уста мои - замок, язык мой - ключ.
Аминь, аминь, аминь.

Заговор повторить три раза («Заговоры». №134).

Сопоставление вариантов показывает, как потомки осваивали наследие прошлого. Ряд вариантов дошел в хорошей сохранности всех составляющих систему производства, другие испытали влияние времени, как в силу устного бытования, так и в силу мировоззренческих условий. Изменения касаются и содержания, и формы.

Во-первых, сокращается диалог. Из него выпадают некоторые вопросы, известные по другим вариантам. Остается один вопрос: «На том свете бывал?» Месяц признается: «Бывал». А далее от лица главного персонажа утверждается, что мертвого зубы и десны не тревожат:

- Месяц ты мой месяц,
Где ты был?

- На том свете.

- Что ты видел?

- Мертвеца. Не болят у него

Белые зубы, не ноют красные десна.

Так бы у рабицы Божией (имя)

Не болели белые зубы,

Не ныли красные десна.

Будьте, мои слова, крепки,

Крепче серого камня,

Острее ножа булатного («Шатрово — 84». С.78).

Дальнейшее разрушение древней традиции привело к исчезновению диалога. Заговаривающий констатирует, что месяц побывал на том свете, видел мертвеца, у которого с зубами все в порядке и высказывает сам себе пожелание иметь такие же зубы:

Месяц молодой,
Ты помирал, помирал,
На том свете
Побывал, побывал,
Покойников видел, видел.
У них зубы не болят, не болят.
Так бы у рабицы Божьей (имя)
Не болели бы, не шумели бы
В жизни никогда.
Аминь, аминь, аминь.

Прочсть заговор три раза, после каждого прочтения три раза сплунуть через левое плечо («С — 89». Т.2. №1169).

Развитие заговора можно выявить, исследуя развитие его мотивов и образов. Обратимся к образу мертвеца.

Целительная сила мертвеца. Для более ранней ступени исторической жизни заговора характерен мертвец — персонаж «того» света, наделенного целительными свойствами. Эти общие свойства могут быть перенесены и на одного представителя иного мира. Текст строится на диалоге мертвеца и человека, владеющего «словами». Жительница Кургана (1926 года рождения) учила в 1987 году: «В ночь, когда только месяц народится, надо идти по улице. Коль глянешь случайно на небо да месяц заметишь, сразу стань и замри, скажи:

- Батюшка млад-месяц,

Где был?

- На том свете.

- Что видел?

- Мертвых.

- У мертвого зубы болят? - Не болят.

- Десна не болят? - Не болят.

Как у мертвых не болят

Ни десна, ни зубы,

Так и у раба Божьего (имя)

Не болейте, ни десна, ни зубы.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Аминь!

Наклониться и с того места, где стоишь, взять снегу или земли, а как домой придешь, так размешать в полстакане воды и пополоскать зубы. Болеть не будут» (Б — 87. №385).

С утратой ряда мифологических представлений, в частности, представления о связи месяца с миром мертвых, исчезает мотив «побывания» ночного светила на «том» свете. Но свято место не бывает пусто: найдено объяснение причин, по которым месяцу удается видеть мертвеца. «Тот» свет подменяется просто высотой, которая дает прекрасный обзор, возможность многое видеть, в том числе живых и мерт-вых:

*Батюшка месяц млад!
Ходишь ты высоко,
Видишь ты далеко,
Видишь ты живых и мертвых.
Как у мертвого зубы не болят,
Десны не ноют,
Так и у меня, рабы (имя)
Зубы не болят,
Десны не ноют.
Отныне и вовеки веков. Аминь!
(«Заговоры». №184).
Приведем еще один вариант:
Млад месяц ходит по небу,
Видит мертвое тело.
А у этого мертвеца не болят зубы.
Не болят они у рабы Божьей (имя, фамилия).
Не болят, зубы, десна, щеки.
Которые слова договорила,
Которые задние - сзади, спереди - вперед.
Будьте, мои слова, лепкие и крепкие,
Крепче камня и жарче огня.
Вовеки веков аминь, аминь, аминь
(«Заговоры» №623).*

Этот мотив обозревания месяцем мира с высоты пространства широко. В ряде вариантов сообщается, что возможность видеть всё не случайна: месяц ходит «по широкому небу, по белому свету», видит живых и мертвых. Забвение мифа о связи месяца с «тем» светом привело к появлению мотива умирания самого месяца. То, что было понятно в древности, в новое время потребовало логических объяснений. На «тот» свет отправляются только мертвые, поэтому и сообщается о временной смерти месяца — его

«перекрое» — умирании: «*Месяц молодой был на перекрое, видел Антипу, у Антипы сроду зубы не болели, не ныли. Отныне и до веку у рабицы Божьей (имя) сроду бы зубы не болели и десны не ныли, век повеки не болели. Будьте, мои слова, крепки и лепки, крепче кремня и булата вареного. Аминь!*» Во время чтения заговора безмянным пальцем водят вокруг губ, по часовой стрелке. После каждого круга нужно сплюнуть три раза через левое плечо. Читается три раза («Заговоры». №38).

Сопоставление вариантов показывает, что часть заговоров сохранила мифему целительной силы мертвого тела, другие убедительно говорят, что она разрушается. Все варианты бытуют одновременно. Однако для Зауралья характерно более широкое бытование заговоров с утратой указанной мифемы. Но опять — таки свято место не бывает пусто. Исчезает мертвец, его место должен занять кто — то другой. Сам по себе месяц не воспринимается как средство лечения. Он — только необходимое связующее звено между больным и целительной силой. Так появляется образ брата месяца, у которого зубы не болят, что и должно быть перенесено на человека.

В качестве фигуры «того» света часто выступает Адам — первый человек. Заговор не растолковывает, что первый человек — давно мертвец. Это всем понятно. Замена Адамом мертвеца и логична, и эстетична. Не какой — то безмянный покойник упоминается, а прародитель, который обязан откликаться на слово потомков. К тому же, по библейскому сказанию, Адам, хотя и сотворен из праха земного, но дыхание жизни получил непосредственно от дыхания самого Бога. Это определяет способность Адама творить добро и приносить здоровье.

*Как ты, млад-месяц, золотые рога,
Был ли ты у Агама в дому?
Видел ли Агама в гробу?
Как у Агама зубы не болят,
Кости не ноют,
Так бы у меня (имя)*

Зубы не болели, кости не ныли.

После этого нужно откусить от кусочка хлеба три раза и прожевать. (С-89. №845).

Разрушение мифологии привело к тому, что об Адаме уже не спрашивается, а просто сообщается от первого лица, видевшего праотца:

Батюшка месяц молодой,

Была у Адама в дому,

Он лежит в гробу.

Не болят у него зубы,

Не ноют у него кости.

Так бы и у меня,

У рабы Божьей (имя),

Не болели бы зубы,

Не ныли бы кости.

Будьте, мои слова, крепче, лепче

Острога булатного ножа. («Заговоры». №162).

Вместо Адама в части заговоров целителем называется Адамова голова:

Батюшко млад месяц,

Высоко ты светишь

И далеко ты видишь.

Ты был у царя под градом,

Видел там Адамову голову.

Как у той головы десны не ноют и зубы не болят,

Так и у Егора нашего.

Веки повеки, отныне до веку. Аминь (С-81.

№331).

В одном из заговоров упомянуты Адамовы дети, тоже находящиеся на небе. Подмена вызвана стремлением быстрее и надежнее победить болезнь. У одного Адама зубов столько же, сколько у человека, но у детей их, естественно, значительно больше. И все не болят. Вот и у человека должно быть столько же здоровья, как у всех Адамовых детей: «Свет-месяц, по небу летал, Адамовых детей видал. У Адамовых детей ни зубы, ни губы не болели, ни кости не мозжели, так бы у меня, раба Божьего (имя), ни зубы, ни губы не болели, ни кости не мозжели. Отныне до веку веков. Аминь» (Г-99. Тетр. Л.Пономаревой. С.64).

Появление образов Адама, Адамовой головы и позже

Адамовых детей (С-81. №331) связано с утверждением христианства. К христианским истокам восходит также и образ Ирода, который является одним из представителей «того» мира:

Батюшка, святой месяц,

Был ты у Ирода в дому,

Видел кости в гробу.

Как они не болят

И не знают ломоты,

Ни простуды, ни болезни,

Так было у раба Божьего

(фамилия, имя, отчество)

Кости и зубы не ныли бы,

Не болели бы и не знали бы

Ломоты, простуды, ни болезни.

Рот - замок, ключ - язык.

Аминь, аминь, аминь (СФ-86. №419).

Брат месяца. Для заговорных текстов характерна мифема брата. Иногда у брата нет имени: просто брат. В других вариантах упоминаются брат Филат, брат Архат, брат Игнат, брат Михайло, Марко - брат. Называется немало - важная деталь - старший брат. Можно предположить, что «брат» появился в заговорах благодаря рифмовке: месяц - брат, месяц свят - брат. Указание на возраст (старший) понятно. Зубы разрушаются и болят к старости. И уж если у старшего брата зубы здоровы, то они не должны болеть у земного человека, более молодого, чем старший брат месяца.

Появление образов двух братьев, думается, не случайно, не произвольно. Попытаемся отыскать разгадку устойчивой формулы: «Месяц млад, у тебя есть брат» (в вариантах имеющий разные имена). Вероятно, образ двух братьев восходит к близнечному мифу. Кровная и единокровная связь близнецов казалась таинственной, крепкой, опасной, но и защитительной. Близнецы могли враждовать друг с другом (библейские Исав и Иаков), приносить как несчастье, так и счастье. Положительная и отрицательная семантика близнецов широко известна в мифологических

системах мира.⁵ Известна охранительная и целебная функции близнецов. «Кровная, единоутробная связь близнецов была крепка и в то же время опасна, но эта же опасная связь могла направляться на защиту от внешней пагубной силы – чумы, заразы, эпидемии, града и тому подобное».⁶ Нам важно, что близнецы наделялись в ряде форм народной обрядности целительной магией. В заговорах они известны только с этой семантикой. В старинном декоративно-прикладном искусстве близнецы выполняют охранительную функцию, располагаясь у мирового древа или Богини – матери. В заговорах нет явного мотива двойничества, но целительные свойства ведут к означенному мотиву. Брат может быть безымянным, может быть персонафицированным:

*Месяц млад, у тебя есть брат Филат,
У него зубы не болят,
Ни губы, ни зубы, ни десны.
Так бы у меня, у рабицы (имя),
Не болели ни губы, ни зубы, ни десны
(А-88. №197).*

Поздняя ступень в исторической жизни жанра прочитывается в замене необычного существа – брата – месяца обыкновенными, хотя и отгороженными от обычной земной жизни человека. В одном из заговоров мертвец уступил место месяцу на небе, зверю в лесу, рыбе в воде: «Месяц на небе, зверь в лесу, рыба в воде. У них белые зубы не болят, красные десна не ноют; так бы и у рабы Божьей (имя) белые зубы не болели, красные десна не ныли. Век повеки, отныне до веку. Аминь, аминь, аминь» (Б-99. №261(б)).

Утрачивая веру в магическую силу мертвеца, люди обращались и к другим образам, наделенным силой, могучим здоровьем. Одним из них выбран богатырь. Образ мертвеца остается, скорее, как дань устоявшейся традиции. Сам по себе он уже не представляется чем-то значимым, поэтому появился другой персонаж, наделенный исполнителем здоровьем:

*Батюшко ясный месяц,
Ходишь ты низко, ходишь ты высоко,
Видишь ты близко, видишь ты далеко,
Видишь ты живых богатырей и мертвых мертвецов.*

Как у мертвых мертвецов не ноют красные десна,

Не болят белые зубы,

Так у рабы Божьей (имя)

Не ныли бы красные десна,

Не болели бы белые зубы. Аминь

(«Заговоры». С.112).

Утрата в сознании людей содержания мифем сказалося и в том, что место мертвеца занял кит. Поздние варианты стремятся сохранить ту таинственность, волшебность, которая необходима жанру. Кит – не килька, его здоровью, да в еще таком изобилии, можно позавидовать. Характерно, что в данном варианте произошли другие изменения традиционного содержания и формы: отсутствует диалог, замененный эпическим повествованием, месяц назван не бабтюзшкой, а матушкой, мертвец уступил место могучему и здоровому киту. Информантка уверяла, что так выучила из уст в уста:

Матушка млад месяц, на море был,

Кита вигел.

У него зубы не болят, десна не ноют.

Так и у рабы Божьей Марии зубы не болели,

Десна не ныли.

Вовеки веков, аминь (Д-87. №458в).

Разрушение традиционной мифопоэтики привело к замене месяца и мертвеца христианскими святыми. Большой обращается к святому Архангелу, глядя на молодой месяц, и упоминает великомученика Антипу, патронирующего зубы. От традиции остались соблюдение обстоятельств заговаривания, императивная форма и полуразрушенный диалог:

- Батюшка ты месяц, где ты был?

- Был я за горами, за темными лесами.

- Что ты там вигел?

- Видел я там апостольскую церкву.
В этой апостольской церкви стоит гробница,
В этой гробнице лежит брат Антипа.
У этого брата Антипа
Зубы не болели, десна не ныли,
Так бы и у (имя)
Зубы не болели, десна не ныли.
Отныне до веку, век по веку.
Аминь, аминь, аминь

(Архив автора, Притобольный район. Запись 1999 года.).

В другом тексте образ месяца отсутствует. Обращение адресовано не к ему, а «святому Архангелу». Оно сводится к просьбе разыскать святого Антипа, у которого зубы не болят: «выйти ночью на молодой месяц, смотреть на небо и говорить:

- Святой Архангел, не видел ли ты Антипа,
- Не болят ли у него зубы, не ноют ли у него десны?
- Нет, не болят у него зубы, не ноют у него десны.
- Вот так и у меня (имя), рабы Божьей, не болят зубы, не ноют десны. Плюнуть через плечо и сказать три раза «Аминь» («Заговоры»). №133).

Жизнь заговора причудлива. В органическом сплаве соединены языческие и христианские образы и мотивы. Здоровье заклинается с помощью Богородицы и мертвых. Вероятно, первая часть следующего контаминированного заговора связана с лечением ребенка. Логично обращение к Матушке Пресвятой Богородице. Вторая — традиционная. Заговаривающая напрямую обращается к Богородице, месяцу и мертвым: «Матушка Пресвятая Богородица, дай доброго здоровья Олесеньке, чтобы у нее десна не ныли, зубы не болели. А ты, месяц молодой, у тебя рога золотой, высоко ты летаешь, много ты видишь. Летаешь ты над морем, видишь ты в море камни, под этим камнем — мертвые люди.

- Мертвые люди, у вас зубы болят?
- Нет, не болят.

- Точно не болят?

- Точно не болят.

Так бы и у рабицы Олеси десна не ныли, зубы не болели и омертвели.

Первым разом — добрым часом.

Вторым разом — лучшим часом. Аминь (С-89. Т.1. №62).

Отголоском мифемы мертвеца, имеющего целительную силу, является нечеткий мотив поминовения какого — то раба за упокой хлебом с солью:

Помяни, Господи, раба своего

За упокой с хлебом и солью,

Печалью и тоской.

Встану я под Господню луну,

Под светлый месяц,

Попрошу у Господа,

Чтобы не текла кровь из раны,

Не болели ребра,

Не ломило зубы

У раба Божия (имя, отчество, фамилия)

Будьте, мои наговоры, крепкими-крепкими,

Лепкими-лепкими,

Крепче камня булатного,

Крепче ножа безымянного. Аминь

(Ф — 86. №700).

Мифема связи месяца с миром мертвых требует рас — смотрения представлений о «том» свете и их динамике. От — разили заговоры древние воззрения о взаимосвязи «того» света с водой, морем.⁷ Месяц видит мертвых, бывая за морем:

Месяц млад,

В синем море побывал,

Мертвое тело видал.

У него зубы не болят,

Красны десны не ноют.

Так бы и у рабы Божьей (фамилия, имя)

Десны не болели, зубы не ныли. Аминь

(«Заговоры»). №153).

Мифема моря переплетается с другими мифемами — зна — ками смерти: камнем, рыбой, в основном, — щукой — белугой:

Месяц, месяц на небесе,

Камень на земле,

*Щука-рыба в воде.
Когда два месяца сойдутся,
Тогда у рабы (имя)
Зубы заболят.*

Аминь. Аминь («Заговоры». №148).

Маркировкой «того» света выступает гора. «С горой связаны представления о потустороннем мире». ⁸ Гора – соединительное звено мира. «Гора выступает в качестве распространенного варианта трансформации древа ми-рового. Гора часто воспринимается как образ мира, модель вселенной, в которой отражены все основные элементы и параметры космического устройства. Гора находится в центре мира – там, где проходит его ось. Продолжение мировой оси вверх (через вершину горы) указывает по-ложение Полярной звезды, а ее продолжение вниз указы-вает место, где находится вход в нижний мир, в преиспод-нюю». ⁹ Понятно введение образа горы в заговор, где пер-сонажами являются месяц, мертвец. Локус «за горами» воспринимается в конце XX века как отдаленность. Только где – то далеко – за горами – можно увидеть необычного мертвеца – «черного чернеца»:

*- Здравствуй, месяц,
Где ты был-спобывал, спобывал, спобывал?
- Был я за горами,
Был я за долами,*

*Видел я мертвого мертвеца,
Черного чернеца.
У него зубы, десна не болят,*

*Так бы у меня, у рабицы Божьей (имя)
Зубы, десна не болели.*

*Будьте, мои слова, ходки, бродки,
Крепки, лепки (Б – 90. Тетр.9. С.149).*

Под воздействием христианства входят в заговоры Си-онская гора, а также Афонская гора. Древний образ сак-ральных безымянных гор заменился новыми сакрализо-ванными горами – христианскими святынями. Устное бытование перевело Сионскую гору в Сиамскую:
*Батюшка, млад-месяц!
Был ты на Сиамской горе,*

*Видел ты живых и мертвых.
У мертвых зубы не болят, не скорбят.
Так бы у рабы Божьей (имя)
Зубы занемели и не болели («Заговоры». №147).*

Разрушение древних представлений и незнание Библии вызвали образ синей горы:

*Млад месяц, небо светишь,
Землю светишь, синюю гору светишь.
На синей горе лежит Агамова голова,
Как у этой головы зубы не болят,
Десны не дергает,
Так чтобы у раба Божьего (имя)
Зубы не ныли, десны не дергало.
Один, два, три, четыре, пять,
Шесть, семь, восемь, девять, десять.
Вовеки веков. Аминь.*

Читать при луне три раза («Заговоры». №223).

В исторической жизни заговоров заметно стремление придать содержанию более реальный, земной характер. Так, телу мертвеца отведено место не на небесах и не на «том» свете, а на кладбище. Например, в записи 1984 года (носителю заговора 89 лет) месяц молодой увидел мертвых на кладбище:

*Месяц молодой,
Тебе крест золотой,
Ты высоко сидишь,
Ты далеко глядишь,
Ты на кладбище бываешь,
Ты мертвых видаешь,
Спроси у мертвых,
Болят ли у них зубы?
Чтоб так не болели
У рабы Божьей (имя) (Ф – 84. №53).*

В одном из вариантов действие перенесено на Алтайс-кие горы:

*- Батюшка млад месяц,
Был ли ты в Алтайских горах?
- Был.
- Видел ли там мертвеца?
- Видел.
- Не болят ли у него белые зубы?*

- Не болят.
- Не ноют ли красны десны?
- Не ноют.
- Так бы и у рабицы Божьей (фамилия, имя)
- Не болели белые зубы,
- Не ныли красны десны. Аминь

(«Заговоры». №127).

Заговор отразил мифологизацию Алтая как своеобразного дубликата мировой горы. Дальнейшее развитие образа горы — ее десакрализация. Горы названы просто северными:

- Батюшка млад месяц, был на северных горах?
- Был.
- Видел ли мертвое тело человека?
- Видел.
- Не болят у него белые зубы,
- Не ноют красные десны?
- Нет, не болят белые зубы,
- Красные десны не ноют.
- Так чтобы у рабицы (имя)
- Не болели белые зубы,
- Не ныли красные десны.
- Век повеки. Аминь — довеки.

Повторить заговор три раза, глядя на молодой месяц («Заговоры». №72).

Христианством навеян образ истинного Христа на небесах. И в данном случае заговор является внутренне целостным: логично, что покойник, свойства которого нужно перенести на человека, должен быть отмеченным благодатью. Хотя телу положено быть преданным земле, оно находится на небесах под покровительством истинного Христа. Так сказать, покойник, но благородный, находящийся где — то близко от Христа:

- Месяц млад, ты мой брат, где ты был?
- Был я у истинного Христа на небесах.
- Кого ты видел?
- Там видел я мертвое тело:
- Кости замертвели.
- Так бы у рабицы Божьей (имя)
- Белые зубы заколели, замертвели,

В буйной голове, в яростных мозгах,
В красных деснах.
Аминь, Аминь, Аминь («Заговоры». №139).

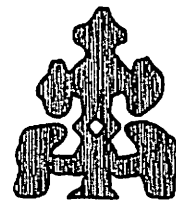
Анализ материалов говорит о том, что проявления мифемы «того» света разнообразны. В частности, она реализована в мотиве Страшного суда. Условия действительности заговора все те же: глядеть на молодой месяц. Требуется заговаривающий человек, так как больной должен стоять, «разинув рот на луну»:

- Млад месяц, был ли ты на втором сугу?
- Был.
- Видел ты людей, живых и мертвых?
- Видел.
- Не ноют у них красны десны,
- Не болят белые зубы?
- Не болят.
- Так бы и у меня, у рабицы Божьей (имя, фамилия),
- Не болели бы белые зубы,
- Не ныли бы красны десны
- Днем при солнышке,
- Ночью при частых звездах,
- При луне Господней.
- Век повеки,
- Отныне и довеки. Аминь!

Повторить трижды, после каждого раза плюнуть через левое плечо («Заговоры». №12).

Влияние христианства способствовало тому, что «тот» свет уступил место сакрализованному городу Иерусалиму:

- Здравствуй, млад месяц,
- Где же ты был?
- В городе Иерусалиме.
- Кого там видел?
- Покойника.
- А у покойника зубы не болят?
- Нет, не болят.
- Так же у раба Божия (имя)
- Зубы не болели, кости не ныли.
- Будьте, мои слова,
- Отныне и вовеки веков.
- Аминь. Аминь. Аминь («Мало — Белое — 84». №65).

И, наконец, отметим еще одну ступеньку в жизни мифемы «того» света, где месяц видит мертвых. Это Божий храм:

- Ты, батюшка месяц, на том свете был?

- Был.

- Кого ты там видел?

- Видел Божий храм.

- Кого видел в Божьем храме?

- Видел дякона, видел покойника,

Видел, как у него не болят белые зубы,

Не ноют красные десны.

- Так бы у раба Божьего (имя)

Не ноите, красные десны,

Не болите белые зубы.

Век веки, отныне до веку. Аминь

(«Заговоры». №285).

Подводя итог, следует отметить, что трансформация заговора «на зубы» сказалась во всех его компонентах. Меньше всего подвергся изменениям образ моря — графини миров. Можно сказать, что христианские мотивы и образы дали древней традиции второе дыхание, расширили вариативность.

Характерны практические рекомендации, как избавиться от болезни зубов. Так, одна очень немолодая жительница г.Катайска в 1987 году дала следующие рекомендации: «Возьми кудельку да в лак деревянный окуни — непременно легче будет. Хорошо насыпать белены на горячий каганец, окурить этим дымом кружку, налить в нее воды и полоскать его (зуб) — шибко польза бывает. Нет лучше средства, как зубчатый чеснок. Сделай раствор соли, купороса да помочи зуб — от, сверху чеснок положи» (А — 87, №60).

V. ФОРМУЛЬНОСТЬ В ЗАГОВОРАХ

Подходы к проблеме. О состоянии традиции заговоров в конце XX века можно судить не только по количеству текстов, тематическом круге, но и по формульности. Фольклорная формула — устойчивая словесная конструкция, как правило, ритмически упорядоченная и имеющая характер законченного суждения. Отдельные жанры фольклора выработали свои формулы. В их числе — заговоры. Словесные формулы характерны для всей системы художественного произведения, в том числе, и для способа устранения болезни.

Впервые формульность заговоров была выделена А.Н. — Афанасьевым. Он ее рассматривал как устойчивый элемент жанра на уровне мотивов преодоления болезни. Афанасьевым предприняты попытки разгадать «древнеэпические формулы заговоров». Предметом его исследования стали способы борьбы с болезнями. Указывая на трудность осмысления формул, он направлял внимание исследователей на расшифровку древнейших метафор — ядра формульности.

«Народные заговоры сделаются для нас вполне понятными только тогда, когда будут разгаданы и объяснены все древнейшие метафоры, на которых зиждется их целебное значение», — утверждал знаток и внимательный исследователь поэтических воззрений славян на природу.¹ Преодолев мифо — метеорологическую концепцию происхождения фольклора, Е.Н.Елеонская углубила выводы А.Н.

Афанасьева о формульности как показателе традиции. Ей удалось вычленил основные устоявшиеся формулы, которые проявляются, по ее мнению, в характере темы и действия. Тема, по ее мнению, — это конкретная цель или объект заговаривания. Е.Н.Елеонская дала им еще одно название — группа. Таких тем — групп выделено три: от болезни и болезненного состояния. Это первая группа. Вторая группа «включает в себя такие, которые имеют отношение к хозяйству... Третью группу составляют заговоры, имеющие целью регулировать отношения между людьми...»² С этими темами связаны семь способов преодоления несчастья. Они имеют устойчивый характер формул: отстреливание болезни, отсылание, вопрос к мертвому при болезни зубов, засушивание в заговорах на осетановку крови, зашивание в заговорах от крови, горение в присушках.

Названные темы и формулы действий, как оказалось, не исчерпывают всего богатства заговоров. Отдельно названы «удар» и «ураз», которые «как болезненное состояние, приравниваются к ране, к кровотечению, порче, вообще болезни, почему и заговоры на случай увечья не имеют определенной собственной формулы, а строятся на формулах других заговоров...»³

Для Елеонской был характерен широкий взгляд на формульность. Она увидела ее многообразие: повеления к существам, предметам сделать что-то, обращения к святым, преодоление болезней. К формулам отнесены также устоявшиеся части текста с мотивами выхода («Встану я, помолясь, пойду, благословясь, в чистое поле»), защиты от злого человека («От еретика и еретицы, от вещника и вещицы, от колдуна и от колдуньи, от ведуна и ведуньи, от чернеца и черницы»).

К формулам отнесены «закрепления» («Моим словам ключ и замок»), ограждения («И сотвори тын железный ... вокруг меня тын железный»), невозможности чего-либо («И как не давать (рыбе — щуке) из синя моря ... булатных

ключей, так не бывать в моем стаде черному зверю»), вызывания мертвых с отрицательной частицей «не» («Лягу, не благословясь, стану, не перекрестясь, стану будити умерших»).⁴

Названы в качестве формул некоторые поэтические средства. Большое внимание привлекли сравнения («Как не хотят у мертвеца болеть зубы, так и у рабы Божьей (имя рек) зубам не болеть»).⁵

Наблюдения и выводы Е.Н.Елеонской вызвали серьезное внимание исследователей заговоров. Так, Н.Ф.Познанский обратился к формулам действия, точнее — магического действия. Выводя вербальную сторону заговора из обрядового действия, Н.Ф.Познанский в центр своего исследования поставил формулы действия. По его мнению, заговор — это «то, что сначала пережил обряд, переживает потом и заговорная формула»⁶. В целом заговор рассматривается как «словесная формула, первоначально служившая пояснением магического обряда»⁷. Считая, что слово «первоначально только поясняло действие», Н.Ф.Познанский объяснял истоки формульности обрядом. Задан, например, вопрос о происхождении мотива замыкания. Ответ дается такой: формула ключа и замка возникла из обряда как вторичный момент, а не вместе с обрядом. «Под ней были реальные ключ и замок в обряде. Потом уже, ото рвавшись от обряда, она вступила в семью бродячих мотивов и заняла среди них первое место, выливаясь в самые разнообразные формы».⁸ Н.Ф.Познанский подошел к выводу о внутренней сцементированности формул.

Однако разглядел органическое единство формул и других компонентов в заговорах В.П.Петров. На широком материале разных тематических кругов им было показано, что заговор — это система, где все формулы заданы представлениями о болезни.⁹ Оно определяет все: действия, образную систему, средства художественной изобразительности.

Работа В.П.Петрова стала известной в начале восьмидесятых годов XX века, хотя в форме доклада с ней автор

познакомил фольклористов в 1939 году. Статья В.П.Петрова многопроблемна, она выходит за рамки вопроса о формульности и, как справедливо отметила А.Н.Мартынова, подготовившая публикацию, до настоящего времени «не утратила своего научного значения». Сквозной в работе является идея об изначальном единстве слова и действия в заговоре, равнозначности их функций. Фактологической основой исследования выбраны охотничьи, пастушеские, любовные, группа лечебных заговоров. Столь разнообразный материал придает выводам доказательность и основательность. П.В. Петровым выделена главная черта жанра — быть средством «для достижения определенной практической цели. Заговоры утилитарны, они непосредственно связаны с бытом».¹⁰ Возникновение заговоров обуславливает «система основных представлений», «тот круг идей и взглядов, из которых вытекает образование заговоров и пользование ими: антропоморфное и проморфное представление о болезни (как о существе); странственное понимание причины заболевания («болезнь приходит»), семейно-родственное обозначение болезни («мать», «сестра», «тетка» и т.д.). Сделано верное заключение: «Образы и персонажи заговора создаются в полном соответствии с функциональным назначением заговора как практического средства устранить болезнь».¹¹

Внимательно рассматривая художественную ткань лечебных заговоров, В.П.Петров увидел, что способы удаления болезни вызывают к жизни строго определенные образы — результат сознательного творческого процесса. Обратимся к рассуждениям ученого о некоторых способах удаления болезни: «Если хворь осела на лице больного, на его волосах, бровях, щеках, то ее снимают или же смахивают». Далее следует цепочка специфических формул — мотивов образов: «Представлению, что хворь оседает на лице больного, приему смахивания болезни соответствует создание образа «метущей девицы с веником». введение в заговор как «смахивающего» персонажа, «девицы с шелковым ве-

ником». В заговоре «от уроков и переполохов» ... к девице «с шелковым веником», сидящей на Латыре — камне, обращаются с просьбой: смести уроки и призоры, и родимическую скорбь в синее море: «... *Девуца, мети с раба Божьего (имярек) щепоту и ломоту, уроки и призоры и родимическую скорбь и болезнь в синее море. Сметайте же с раба Божья (имярек). От матерняго рождения и от святого крещение — век по веку, отныне и до веку*». Приводится пример из сборника Майкова (218), в котором вместо «девицы» выступает «поп с черными рукавицами»: «*На Сиянской горы стоит черный поп, у черного попа черны рукавицы; он вспахивает, он взмахивает с раба Божья младенца осуды и призоры, скорби и болезни ...*».

Только что приведенные примеры показывают, как в заговорах возникают соответствующие заговорные образы и персонажи, которые находятся в непосредственной связи с представлением о причине заболевания и тем приемом, к какому прибегают, чтобы устранить болезнь: если болезнь смахивают, то в содержание заговора вводится образ де-¹²вушки с веником, смахивающей болезни в «синее море».

Стремясь к доказательности выводов, ученый обращается к разнообразным текстам, подтверждающим несомненную правоту высказанных положений. Обратимся к тексту статьи: «Что заговорные образы, последовательно вырастая из общей темы — способа устранения болезни в соответствии с общим взглядом на болезнь, это особенно ярко видно на примере заговоров, где речь идет о заедании, откусывании, загрызании болезни. Болезнь загрызают, ее откусывают и, откусывая, изгоняют («поди»): «*Читать трижды и при каждом разе укусить больное место: «Крыза ты грыза, боровая ты грыза, грызи ты, грыза, во чисто поле коренья и серое каменья. И поди ты, грыза, гулять...»* (Майков, 125). Приведенный заговор принадлежит к числу «бесперсонажных». Рядом с ним имеются заговоры с введением в их текст персонажа. Представлению уничтожения болезни при помощи загрызания, куса-

ния болезни соответствует образ кусающей щуки, которую народная фантазия в порядке усиления ее действенного функционирования снабжает железными зубами. «В чистом поле течет река медвяная, берега золотые; плывет по этой реке рыба, а имя ей щука. И та я щука железными зубами, медными щеками, оловянными глазами загрызает, закусывает и загладывает грыжу»¹³. Этому морфному персонажу выгрызающей щуки, по верному замечанию В.П.Петрова, аналогичны образы Соломонии, Соломонидашки, тоже снабженными железными зубами. Народная фантазия, создавая определенный образ, следовала по наблюдениям ученого, определенному закону заговоров. Во-первых, ставилась цель. Во-вторых, четко определялись средства ее достижения — «Как? С помощью чего?» О наитии, беспредельности вымысла нет речи. «Атрибуты христианских персонажей, выступающих в заговорах (Соломонида с железными зубами, Святой Дух с ножницами, Богородица с прялкой), вырастают вовсе не на почве христианской символики, а из функции данного заговора, объекта и цели заговора, функционального назначения данной заговорной темы и данного образа. Так, в заговорах на останавливание крови исходная формула «пряющей Богородицы», которая завязывает ниткой кровь»¹⁴.

Опираясь на наблюдения А.А.Потебни, вскрывшего корни символики любовных заговоров, связанной с представлением о любви, как огне¹⁵, В.П.Петров выявил истоки «присушливого» эпитета, ряда персонажей, формул — действий и формул — сравнений: «Так как любовь — это огонь, а огонь — это сухота и цель заговора заключается в том, чтобы заставить «сохнуть» любимого человека, то сравнения и эпитеты в любовных заговорах — заговорах «на присуху», «присушках» — носят присушливый характер, представляют собой формулы присушивания по преимуществу. Кроме «присушливых» эпитетов и сравнений, для любовных заговоров типичны также такие образы, как, например,

«рыбы без воды», «дитяти без матери» и т.д., — заговорные формулы, утверждающие невозможность для одного лица жить без другого.¹⁶ Ход рассуждений настолько интересен, что нельзя не продолжить цитирование: «Любовные заговоры, «присушки», как и прочие виды заговоров, распадаются на две группы — «бесперсонажных» заговоров и заговоров, в которых выводятся действующие персонажи. В «персонажных» заговорах образ «пылающих печей» дополняется образом того или другого существа, распалюющего эти печи... В «остудном» заговоре фигурирует «ледяной царь» и т.д.

Можно думать, что основной, исходной формой персонажных заговоров была персонификация любовной сухоты, представление любовной тоски как существа, обращение к тоске и сухоте как к личностям, на которые можно воздействовать, к которым можно обратиться с просьбой... Любовь, тоска — это вообще нечто предметное, телесное, вещественное. Ее можно снять, отнести, вложить как особый предмет в сердце имярека. Отсюда обращение к ветрам, к «царю Ироду», к «стасемидесяти дьяволам» и «единому белу солнцу», чтобы они перенесли любовную тоску и вложили ее в сердце любимого человека»¹⁷.

Исследованы формулы промысловых заговоров, в частности, огораживания, замыкания, железного тына, замка. Исследование формул показало осознанность выбора создателями заговоров художественных средств, естественно, в рамках традиции, внутреннее единство произведений, в которых представлением о болезни определяется формула изгнания болезни, что в свою очередь диктует образы и поэтический стиль. В основе этой цепочки лежит мифологическое представление о мире.

Формульность заговоров привлекла внимание в конце XX века. В 70-е годы оказалась привлекательной проблема устойчивости формул всех аспектов композиции текстов. Так, В.М.Песков, исследуя устойчивые поэтические элементы русского заговора, уподобил формулы — устойчи-

вые выражения — кирпичикам, из которых строится «здание» текста.¹⁸

Н.И. Савушкина отметила многообразие формул, их устойчивость во всех частях «здания заговора». «Вчитываясь в заговоры, мы заметим повторяющиеся выражения: «Встану, благословясь, пойду, перекрестясь, из избы стороны», «Встану, благословясь, пойду, перекрестясь, из избы стороны» — так начинаются многие из них. «Будьте, мои слова ва, крепки и лепки, крепче камня и булата», «на мои слова ключ и замок», «моим ловушкам ключ и замок» — частые их концовки»,¹⁹ — заключала она. К числу повторяющихся, устойчивых, «постоянных элементов» относятся Н.И. Савушкиной обороты и образы основных частей заговора: «Так, действие эпических заговоров происходит «на море-Окияне, на острове Буяне», где либо «ходит щука — белуга», либо «стоит медный столб от земли до неба», а чаще в нем море или на том острове «лежит бел Алатырь камень» (иногда синий камень, бел горяч камень, Латырь, Олатырь). На нем стоят церковь, престол, дом, а иногда просто сидят Пресвятая Богородица или Красная девица и «шьет — зашивает кровавую рану», «сплескивает и ополаскивает» то есть смывает уроки и призоры и т.д.»²⁰ Эти устойчивые выражения определяют Н.И. Савушкиной формулами. К их числу отнесены ею устойчивые молитвенные выражения: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа», «Господи Боже, благослови», «Ныне и присно, и вовеки веков», «Аминь».²¹

Сохранение формульности в заговорах на земле Курганской. Заговоры, бытующие в Зауралье в конце XX века, сохранили формульность как систему, в которой все подчинено представлению о болезни. Материалы позволяют дополнить искания ученых в этом направлении. В частности, рассмотрим формулы с упоминанием деревьев. Произволен ли выбор или связан с назначением жанра и представлением о характере болезни? Материалы говорят, что своеволия художественного вымысла заговоры не допускают. Так, силы могучего дуба, направляются против

болезни, имеющей внешние признаки крепости, твердости, как, например, чирий: чирий крестят «фигушкой» и приговаривают:

*В море-океане, на острове-Буяне
Стоит лес дремучий, а в нем дуб могучий.
Изведи, дуб, все болезни
Из отрока (имя, кому приговаривают) все болезни.
Повторить три раза («Заговоры». С.127).*

Естественно, к дубу изначально обращались не только по аналогии, но и в связи с мировоззренческими причинами. Все поздние изыскания, связанные с этим деревом, восходят к наблюдениям А.Н. Афанасьева: «Предание о мировом дереве славяне, по преимуществу, относят к дубу. В их понятии сохранилось сказание о дубах, которые существовали еще до сотворения мира»²².

«Осина, выведи...». В аспекте исследования формульности представляют интерес заговоры от луковичных червей. Народная фантазия при этом выбрала не дуб, которого в крае нет, а осину. Воткнув веточку осины в грядку, приговаривают: «Ешь, червь, горькую осину, гай мне белый лук» (А-88. №191). Другая распространенная формула — «Осина, осина, выведи червей». Не случайность формулы и материального предмета в заговорах от червей проступает на широком фоне поверий, обрядовой практики и других заговоров. Дрожание листьев осины явилось одной из причин обращения к ней в заговорах от лиходраки. Больной должен идти в лес, найти осину, поклониться ей и сказать: «Осина, осина, возьми мою трясицу, гай мне леготу». После этого надо перевязать осину поясом (Ф-99. Тетр. Ю.Ануфриевой. №16). Присутствие осины помогает «Мати-Мариин». Характерен заговор от «хиток-приток», записанный в Зауралье. «Хитки-притки» — неожиданная боль, приключающаяся «ни с того, ни с сего». В комментарии к заговору сказано: «Раскистись рука, болит и болит. Пришлось к бабке идти. После этого, как рукой сняло. Заговаривала бабка на воду, водой я умылась. Шерстяной ниткой запястье обматывала. За-»

говор от приток-хиток сама не знаю». Действие заговора переносится в осиновый колок, где встретились «хитки-притки» и «мати-Мария»: «Шла Мати Мария чистым полем, осиновым колком. На встречу Мати Марии млад человек.

- Что ты за млад человек?

- Я — человек хитка-притка, денна-полуденна, ночна-полуночна.

- Пойди, хитка-притка, в океан — в сине море. В океане-сине море щучьи зубы, яршова щетина. Помереть тебе там голодной смертью».

(«Заговоры». №78. Куртамышский район. 67 лет, запись 1978 года).

Обратим внимание на то, что «хитки-притки» изгоняются из осинового колка «в океан — сине море». Мати Мария оберегает осиновый колок, хотя осина маркируется в христианской мифологии как проклятое дерево, на котором повесился Иуда. Но сила языческого миропонимания так сильна, что заговор адресует Мати Марии задачу изгнания из осинового колка него болезней.

Применение осины в ритуалах и магических действиях многообразно. По белорусским поверьям, на огне из осинных веток ведьмы готовили вредоносное зелье. Чтобы «превратиться в волка или стать невидимым, колдун должен был перекувырнуться через пять осиновых кольшиков, вбитых в землю, или через осиновый пень»²⁵. Д.К.Зеленин собрал огромный материал об использовании осины как магического средства против колдунов, упырей и заложных покойников²⁶.

Заметим, что осина входит как спасительный предмет в магические действия против змей. «По русским и белорусским поверьям, убитую змею надо повесить на осине, иначе она оживет и укусит человека»²⁷. В заговорах осина является оберегом от укуса змеи:

Ты змея-перебей,
Не лезь на меня,

А лезь на осину,
На дикую лесину.
Оставь свое жало в осине,
В дикой лесине.
Аминь, аминь, аминь (Б-87. №216).

На взаимосвязь осины и змеи указывал А.Н.Афанасьев, отнеся поверья, которые соединяют змею и осину, к числу «любопытных»²⁷.

Итак, осина — антипод червей, змей. Но благотворное влияние ее шире. Для нас важно первое. Говоря об истоках противопоставления осины хтоническим существам, надо иметь в виду красноватый, солнечный цвет среза ее. Оттенок солнечного цвета ставит осину в положение противника Змея и всех подземных обитателей (змей, червей). К ней обращаются там, где нужна борьба с червями. По-настоящему, почему она вошла в заговор от зубной боли: боль истолковывается тем, что в зубе завелся червячок.

Как видно, заговорная формула: «Осина, осина, выведи червей» не случайна, не произвольна. В ней все логично: болезнь приносят хтонические существа (змея и черви). Кто им опасен? Осина с красноватым, солнечным цветом древесины. Таким образом, в формуле заговора от луковичных червей своеобразно реализуется основной миф о единстве и борьбе Солнца и Волоса — Великого Змея.

Поверья о взаимной связи и противопоставлении осины с хтоническим миром и миром «заложных» покойников нашли отражение в заговоре с откровенной маркировкой ее как представителя «чужого мира», который в силу исторических событий называется «басурманским»: «Ты татарин-басурманин, выведи червей из белого лука, зеленого пера. Не выведешь червей из белого лука, зеленого пера, изовью твои ветки, подсушу твои корни. Если выведешь, не изовью ветки, не засушу корни». Заговор говорят, ставя на грядку с луком осиновые веточки («Заговоры». №11).

Свойствами осины наделены крапива и полынь. Они тоже имеют такие качества, которые побеждают нечистую силу, нечисть и нежить. Не будем излагать материал,

в изобилии, представленный Д.К.Зелениным.²⁸ Русалки бо-
ятся даже самого слова «полынь»²⁹. В Зауралье не за-
фиксировано, но замечено в других местах, что в день Ивана
Купалы девушки носят у себя подмышками полынь «как
предохранительное средство от русалок и ведьм»³⁰.

Тексты с наговором на полынь известны в Зауралье.
Условия: «Нужно сломить веточку цветущей полыни и ма-
хать ею над луком, приговаривая: *«Горькая полынька, выведе-
ди из (имя) огорода червей из лука, из пера — серых, белых,
зеленых, красноголовых. Выведешь — на три года вперед
пушу, а не выведешь — навек закляну. Век — повеки, аминь
аминь — довеки»*. Повторить три раза («Заговоры»). №73).

В заговоре с использованием крапивы действие то же,
что и в заговоре с привлечением полыни: подойти к кра-
пиве, стоящей на корню. Взять прутик от тополя или от
осины. Крапиву пригнуть (но не ломать). Накладывать
прутик сверху и приговаривать: *«Бог помощь тебе, матушка
зелена крапива. Матушка зелена крапива, умори у меня, у
рабицы Божьей (имя того, кто заговаривает), в огороде чер-
вей, вошек, блошек, и тлю в три дня, в три часа и три
минуты. Уморишь, отпущу. Не уморишь, навеки засушу.
Век по веку отныне до веку. Аминь»*. Три раза сплюнуть.
Прутик оставить на крапиве («Заговоры»). №60).

В заговоре от червей характерна еще одна формула —
договор с крапивой. Чем она вызвана? Думается, харак-
тером болезни: черви из подземелья, из того круга существ. В
с которыми, по поверьям, можно заключать договор. В
сказках это может быть черт или какая-то тайная сила.
То обстоятельство, что берется маленькая веточка, позво-
ляет оформить еще одному мотиву — формуле — угрозе.
Веточка в руках человека оказывается беспомощной пе-
ред его волей, силой. С ней можно сделать все, что угодно:
извить, иссушить, заклясть или отпустить.

К многообразию мифем, реализованных в заговоре с об-
разами осины, крапивы, полыни, добавлена еще одна — об-
наженное тело. Семантика и карпогоническая магия об-

наженного женского тела широко известны. По условиям
заговора следует сесть, обнажившись снизу, у грядки и го-
ворить: *«Сажусь я в огород, рабица Божья (имя), заговари-
вать вошек, червей и жужалиц от десяти до девяти, от
девяти до восьми, от восьми до семи, от семи до шести,
от шести до пяти, от пяти до четырех, от четырех до
трех, от трех до двух, двух до одного. Пойдите, мои чер-
ви, на полынь, на крапиву»* («Заговоры»). №285). Вывод
Э.Тейлора о том, что в новое время «древние правила еще
сохраняются в значительной степени», подтверждаются за-
говорами от луковичных червей, отразивших широкий
спектр мифологических представлений.

Иди в поле — к березе. Рассмотрим заговоры с форму-
лой отсылания к березе. Он характерен для заговоров от
детской полуночницы, родимца, сглаза, урока, притки и т.д.
Еще В.П.Петров писал о том, что болезнь представлялась
«как личное существо, вполне телесное и материальное.
Она приходит, овладевает человеком, мучит, грызет его, «ест».
Человек заболел — это значит, что болезнь избрала его
своим местопребыванием. Представление о болезни но-
сило личный характер, представление о причине заболе-
ваний — пространственно — локальный: болезнь прихо-
дит. Одно с другим связано: представления как возникаю-
щем личном существе; понимание заболевания как возникаю-
щего в результате прихода болезни».³² Болезнь — отвле-
ченное понятие — персонифицируется в некое существо,
способное видеть, слышать, производить определенные
действия. Болезнь может быть безликой, безымянной, от-
влеченной. Заговаривающий закликает, чтобы ребенка не
трясло, не морозило, «не тянуло бы ему жилы». У конкре-
тизированных болезней свои способы беспокоить чело-
века. Так, бессонница именуется «полуночной полуноч-
ницей», «полуденной полуденницей». Что же они делают?
Напускают «писки» (писк) «вериски» (верещанье), «стра-
сти — боясти», «позевотище», «ломотище», «потяготище», «ху-
добища» и другие мучения. Ребенок, естественно, ото всего

этого беспокоится, плачет. Но полуночица и полуденница любят забавляться. Они принимают щекотать детей, доводя их до истерического плача. Они шепчут, ропщут, смеются, устраивают себе хлев. Заговор направлен на избавление от проделок ропотух — «шокотух»:

*Полуночная полуночица, полуденная полуденница
Шепотуха, ропотуха,
Нет тебе дела до младенческого тела,
Не смейся, не галься
Над рабом Александром,
Не шипли, не щекоти
Ни руки, ни ноги
Ни бело тело,
Ни ритивое сердце.
Спал бы раб (имя), не просыпался
Во дне при солнышке,
В ночи при месяце.
Тихо, смирно, спокойно,
Угомонно. Не стремился,
Не полахался, не ворочался
Ни во дне, ни в ночи, отныне и до века*

(«Заговоры». №112).

Антропоморфные существа любят веселиться за счет ребенка, отбирая у него сон, силы, здоровье.

В соответствии с представлением о болезни, сформирован способ удаления ее — отсылания от ребенка. Куда они отсылаются? — К березе. Рекомендуются также держать ребенка около печного чела. Заговор прочитать один раз. Причем, ребенка держать ножками к челу: «Денная денница, ночная полуночица, не диканься над младенцем малым, а диканься в трубе, на саже. Пойди в чисто березоньку. Секи, губи, бросай во все стороны. То тебе дело, где люди не ходят, трава не растет. Сядь на белую березоньку. Не хватайся ни за рученьки, ни за ноженьки, ни за буйну головушку, а давай сон-угомон, божескую милость младенцу (имя). Аминь, аминь, аминь» (С-89. Т.1. №844). Почему отправляют к березе?

Истоки формулы отсылания к березе надо искать в характере болезни. Ее вызвали молодые резвящиеся суще-

ства женского пола. Кого они напоминают, кто способен защекотать до смерти? Русалки. Где их место? На ветвях березы, о чем много написано Д.К.Зелениным³³. Кроме того, нельзя забывать о той семантике, которую ей приписала мифопоэтика. Береза может выступать как вредоносное, но чаще как оберегающее и целительное начало, способное помочь. По польским легендам, она укрыла от непогоды Богородицу и Христа, а в русских — Святую Пятницу от преследований дьявола³⁴. Береза в русских обрядах выступает покровительницей девушек и женщин. С ней кумились в Троицкой обрядности, просили у нее доли, гадали на ее ветвях. Березовым веником лечили детей. Береза посвящалась в женские дела, тайны и заботы. Поэтому отсылание к ней существ, издавающихся над ребенком, логично. Пойди, веселая лиходейка, к березе, куда девушки ходят, попытайся ее погрызть. Там тебе и укорот дадут, там тебе и смерть придет.

В поздних заговорах появляются новые образы и новая лексика, которые разрушают традиционную формульность. Полуночице велют отправиться в топучие грязи, топучие болота, темные леса. Это не место для веселья. Мотив игры заменен мотивом работы, что не соответствует облику веселящихся, забавляющихся существ. Правда, им — игра, детям — крик (Ф-84. №31). Стремясь объяснить злые забавы щекотухи, народная фантазия нарекла ее Иродовой дочерью («Заговоры». №265).

Формула отсылания к печи. В заговорах от полуденницы и полуночицы устойчива формула отсылания к печи. Устойчивы также обрядовые действия — поднесение ребенка пятками к челу, мазание пяток сажей, потирание ножек у чела:

*Лунная полуночица,
Денная полуденница,
Не пьясья, не диканься
Над рабицей (имя).
Пелься и диканься
Над серым камнем,
Черной сажей. Аминь* (С-89. Т.1. №63).

Анна Павловна Я. из Кургана, 1925 года рождения, в 1983 году сказала два заговора от детского беспокойства: один от испуга и уроков, другой от бессонницы. Она знает, что проявляются эти болезни почти одинаково: дети не спят, плачут, вздрагивают. Однако от бессонницы, по ее словам, действует один заговор, от урока — другой. Можно оба заговора сказать с перерывом. От бессонницы изгоняют полуночицу и «денную денницу», отправляя их пробовать свои силы над кирпичиком и черной сажей:

Денная денница,

Ночная полуночица,

Не галься, не пьалься

Над младенцем Андреем,

Галься, пьалься над кошками, собаками,

Над малыши мышатами,

Над кирпичом, над черной сажей.

Аминь.

Мажут пятки сажей, наговаривая у чела печи («Заговоры». №2).

Еще в двенадцати вариантах запрещается денной полуденнице и ночной полуночице ломаться, смеяться, веселиться, тешиться, диканиться, нежиться над ребенком, шевелить его. В одном варианте употреблены новые слова: «не внедряйтесь, не вселяйтесь» (в ребенка). Болезнь отсылается галиться и смеяться «над черной сажей, над красным камнем» (В-87. №471), над черной сажей, над задним целушком» («Заговоры». №265) «над золой, над беплом» («Заговоры». №108), «над черной сажей, над белым чалом» («Заговоры». №84). Велят названным персонам «в горенке прутики считать» (СФ-86. №1). Прутиками, очевидно, зажигают огонь в печке.

Формула отсылки к печи связана тоже с представлением о болезни и ее специфичностью как болезни детской. Ребенок — будущее дома, сакральной общины живых и предков. Без здоровых детей, продолжателей рода, община прекратит существование. Поэтому о ребенке обязаны, по мифологическим представлениям, заботиться и предки. А.Н.

Афанасьев на материалах XIX века показал прочность верований в особую связь потомства и благословляющих его домашних божеств — предков, патронирующих очаг³⁵. «Семья была самым священным союзом у древнейших племен; живя под одним отеческим кровом, она имела свое, исключительно ей принадлежавшее божество и свою отдельную семейную религию. Божество это было святое пламя, возжигаемое на домашнем очаге, а религия состояла в поклонении ему, жертвенных приношениях и постоянных заботах, чтобы не погас священный огонь»³⁶.

Печь и сейчас наиболее мифологизированный и символически значимый предмет быта, один из сакральных центров дома, семейной общины. Умершие предки только тогда не гибнут окончательно, пока живущие признают их присутствие. Существует тот же негласный договор: ты — мне, я — тебе. Если живые почитают предков, то предки откликаются на общение своих потомков. Потомки в свою очередь рассчитывают на помощь предков. Предки не уйдут в небытие, пока будут поддерживать в своем роду создание семьи, рождение, здоровье детей. Без этого у них нет никаких надежд на существование. Поэтому женщины, даже не зная про древнюю мифему, по традиции обращались к своей языческой заступнице — печи, дымоходу, челу, саже, огню в печи, дыму. Они надеялись на их силу, «которая может победить таких злыдней, как ночная полуночица и денная полуденница»³⁷.

На материале обрядов индоевропейских народов проясняется, что «огонь признавался проводником жертвоприношений, посредником между людьми и богами»³⁸, среди которых были и предки. До конца XX века сохранились заговоры с древнейшей мифемой печки как домашнего культового очага, с которым связаны младший и старший общины. У печки совершались и в Южном Зауралье обряды, вызванные древними верованиями о печи как сакральной части дома, объединяющей поколения. Желая выйти замуж, девушка во время сватовства подходила к

печи³⁹. Возвращаясь с похорон, зауральцы и сейчас заглядывают в печь, чтобы не бояться покойников. Известны заговоры от страха перед покойниками. Придя с кладбища, заглядывают в печь («грустно») и говорят:

*Ой, печенька-красавица,
Возьми мое ты горюшко,
Развей мою печалюшку
Да гушу успокой.
Пусть горюшко стгорит в огне
И с дымом улечитися* (А — 88. №254).

Второй заговор бытует так: у топящейся печки трижды произносят текст, плюют через левое плечо и крестятся. Вербальная часть: «Как у печки заднее цело не боится ни огня и ни пламя, ни дыму, так бы и раба (имя) не боялась ни живых и ни мертвых» («Шатрово — 84». №86). Известно во многих регионах России и частично в Зауралье поведение молодой к новому для нее очагу, новым культам: ей поручают испечь хотя бы несколько блинов.

Подтверждением сделанного вывода об истоках формулы — отсылки бессонницы к печи, подвластной силе предника — является включение в заговоры и похоронный обряд предника — сакрального предмета, связанного с культом предков. В Южном Зауралье до сих пор в «смертную» подушку кладут листья от березового веника. В заговоре венику отведена та же роль, что и слову — избавить дитя «от щекотухи». Знаток заговора (75 лет, запись 1986 года) не очень ясно понимает значение «щекотухи» как существа опасных времанных точек — полудня и полуночи. Под влиянием заговоров с образами вечерней и утренней зари в ее тексте оказались формула отсылки к венику — березе: «Щекотуха, работуха — полуночица, денна-полуденна, ночно-полуночица, утро-утренняя, вечерно-вечерошная, не дивуйся, вот тебе игра и утеха — в горенке прутики считать». Метут пол голиком, затем задевают им ручки и ножки ребенка. Так три раза. Плевать наотмашку (СФ-86. №1).

До сих пор сохранилось «участие» веника в заговорах и в магических действиях. Им «парят» ребенка на пороге дома (слегка похлопывая) без слов или с вербальным наполнением. Ребенка легонько бьют использованным в бане веником и приговаривают: «Денная полуденница, ночная полуночица, не галься, не диканься над малым младенцем Иваном: ни над ручками, ни над ножками, ни над буйной головой, ни над русыми бровями, ни над серыми глазами. Галься, диканься в поле над белой березой. Там тебя звали, там тебя почитали». Три раза плюнуть через левое плечо (А — 87. С.70).

С утверждением христианства одновременно с текстами, сохранившимися формулу — отсылку к печи, появились заговоры, в которых магические действия языческого плана (парение веником, мазание пяток золой) переплетаются с христианскими формулами: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа».

Иди в море. Одна из формул отсылания содержит образы моря и щуки — белуги. Предполагается, что щука — белуга из своих железных зубов не выпустит болезнь. Море как очищающая стихия призвано унять костяной лом — зубную боль. К тому же, море — маркировка «того» света, где «свои» покойники помогут победить болезнь. Воду нужно держать во рту, никто не должен видеть обряда. Наговаривает другой человек:

*Лому, лому, костяную лому.
Жиланному лому,
Полно вам гуливати
Полно красовати
По чистому полю,
По русым волосам.
Там есть синее море,
И в этом море лежит
Горящий камень.
Под этим камнем
Лежит щука с железными зубами.
Аминь.*

Повторить три раза («Заговоры». №195).

Многообразие формул. Материалы свидетельствуют о том, что на переломе второго и третьего тысячелетий в Южном Зауралье сохранилось то многообразие формул — способов изгнания болезни, которые были характерны для более ранних эпох. Формулы заданы представлением о болезни. Так как большинство из них рассмотрены В.П.Петровым, ограничимся местными текстами и краткими комментариями их. Поражает наблюдательность создателей заговоров над человеческим телом, человеческим духом и видением многообразия болезней — от родимца и свиного чуда до полноты (излишнего веса) и венозного расширения вен. Особенно уязвим ребенок. К нему при-стают двенадцать уроков, двенадцать переполохов, двенадцать родимцев: криксы, пiski — вириски, ветряная хворь, золотуха, знакомые нам полуденницы и полуночницы, «страсти — боясти», худобища, щипота, ломота, испуг, собачья старость, прикосы, скорбища, щипота, ломота, испуг, собачья старость, грыжа и т.д. У взрослых свои недуги. По миру ходят антихристовы дочери — комухи, боящиеся отца, Авраама. Они нападают, как правило, на взрослых.

Различаются не только болезни детей и взрослых, различаются и способы их лечения. Заговорные слова не передают ребенка. В них в основном устоялись формулы изгнания, отсылания, смывания и смахивания, выливания хвори, передача, договор. Пожалуй, самые страшные формулы и действия — это загрызание грыжи и перепекание ребенка. Правда, загрызание происходит, когда больной еще ничего не понимает ни в действиях, ни в словах.

Смывание болезни. Исследуя формульность заговоров, В.П.Петров называет смывание одной из самых устоявшихся единиц заговорной структуры⁴⁰. Им же выявлена специфика обрядности, подчиненной представлению о болезни. Смывают хворь женские персонажи: Дева, две девицы, двенадцать девиц. В поздних вариантах их место заняла мать Пресвятая Богородица. Мотив смывания вызван к жизни образы водной стихии (море — океан, чистая во-

дица, чистая река, матушка светлая или святая водица). Перечисление того, куда спряталась болезнь, открывает простор творческой фантазии, способствует появлению новых образов, а, следовательно, вариантов.

*Матушка-свежая вода,
Смой-сполощи с рабы Божьей (имя)
Уроки и переполохи,
Щипоту, ломоту, испуг
Из ясных очей из черных бровей,
Из ретивого сердца, из крови горячей,
Двенадцать родимцев, двенадцать родимчиков:
Костовой и мозговой, заболонный и жиленный,
Трясучий, ломучий, тянучий, доргучий,
Ревливый, дрисливый, сикливый, хохотливый,
Огненный.
Смой, сполощи, утоли, умали
Всю ломоту, всю щекоту из каждой косточки,
Из каждой косточки, из каждой жилочки,
Из каждого пальчика, из каждого суставчика*
(«Заговоры». №69).

В заговорах с мотивом смывания показательно двоевение. Наряду с язычеством заметно обращение к христианским образам и мотивам. Чем это объяснить? Вероятно, объяснение надо искать в особенностях бытования и адресованности слова. Оно укоренилось в быту, в крестьянских избах. Носителями заговоров становились не «специалисты», а рядовые христиане. Они, хотя и несли языческие традиции, но господствующее положение христианской религии делало свое дело. Матери стремились просить помощь у Богородицы и святых, а то и вовсе читать «Отче наш» — молитву на все случаи жизни. Под нее смывали испуг, сглаз, «ревливость» («Заговоры». №128).

Почитание воды, смывающей болезнь, проявилось в специфических эпитетах, создающих идеализированный образ целительницы — воды: чистая вода, светлая, пречистая, святая. Она течет через желтые (солнечные) пески, крутые берега. Вода окружена живыми идеальными существами: «С гоголя вода, с гуся вода, с лебедицы вода» («За-

говоры». №63). Подобно земле, вода выступает существом рождающим. Но если земля называется «матерью», то вода — более ласково — «матушкой». Она часто уподобляется красной девице, то есть чистому, непорочному существу. Только воде — девице подвластны детские болезни и душевные болезни взрослых (чаще всего — тоска тоскучая). «Умывая» ребенка от уроков — переполохов, говорят:

*Матушка ключевая вода,
Как ты смываешь и сплескиваешь
С крутых берегов песок,
Так смой-сплощи с раба Божьего (имя)
Все уроки, переполохи
Из белого сердца, из ретивого тельца,
Из ясных очей, из черных бровей,
Из всего стану человеческого.
Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь!
Будьте, мои слова, лепкие и крепкие, как камень
Слова, которые договорены и недоговорены*
(С — 86. №2331).

Вода изображается живой, в движении, в работе. Заговоры с формулой смывания отразили народный взгляд на движение и работу как подлинно прекрасные черты:

*Матушка быстрая река
Моем, полощет
Крутые берега,
Морскую пену,
Горячие камни.
Не мой, не полощи
Морскую пену,
А смой, смочи с раба (имя)
Уроки, озевища,
Чтобы не рдело, не болело
Белое ленное тело.
Аминь.*

Три раза переплюнуть через левое плечо. Заговаривают воду, которой после умывают ребенка (Ф — 86. №2360). Идеализации воды служат суффиксы эмоциональной окрашенности, повторы глаголов, обозначающих работу и движение:

*Матушка водичка,
Как ты моешь — полощешь
Крутые берега, желтые пески,
Так смой, сплощи с рабы Божьей (имя)
Все уроки, прироки,
Уломотища, потяготища, аминь* (СФ — 86. №72).

С представлением об источниках болезни структуры — руеться специфическая система текста. Приведем один из вариантов, в котором все компоненты связаны с представлениями о болезни:

*Матушка-водица ключевая, красная девица
Мыла-полоскала крутые горы, белые пески.
Смой с рабы Божьей (имя) все уроки, переполохи,
Щипотища, ломотища с жил и с печеней,
С ясных очей, с чистых бровей,
С горячей крови, с красного мяса,
С ретивого сердца, со всякого стана человеческого.
Имею отговорку от встречного-поперечного,
От колдуна, от колдуницы, от еретицы,
От девки-самокрутки, от троеженого,
от двоеженого,
От двоезубого, от троезубого.
Которые слова знаю,
Которые слова позабыла,
Которые учитель не научил,
Будьте все в соборе-договоре.
Как, Господь, зааминил небо и землю,
Так и зааминь все скорби, болезни.
Ныне и присны, вовеки веков. Аминь
(«Заговоры». №95).*

Внутреннюю логику цепочки «болезнь — ее источники — способы борьбы с ней — поэтика» как системы можно видеть, в заговоре из станицы Звериноголовской, записанном в 1992 году от восьмидесятитрехлетней казачки. Студентка, записавшая текст, выучила его сама в той форме, как услышала. Заговор характеризуется как «от испуга»: «Встану я благословясь, выйду я, перекрестясь, из дверей в двери, из ворот в ворота на восточну сторону. На восточной стороне стоит матушка соборна апостольска цер-

ковь. В этой церкви злат престол, на златом престоле - матушка Пречистая, Пресвятая Богородица. Я, раба, приду, поклонюсь, помолюсь, попрошу Матушку Пречистую, Пресвятую Богородицу: «Матушка Пречистая, Пресвятая Богородица, у меня есть рабица (имя). У нее есть скорби, болезни, ислуги, уроки, призоры, позевоты, щепоты, лотомы, одумицы, узевищи, хитки, притки в белом теле, в ретивом сердце, в ясных очах, в черных бровях. Матушка Пречистая, Пресвятая Богородица, притиши и приглуши все скорби и болезни».

Матушка быстрая святая вода, протекала, споласкивала круты берега, желты пески, смой, сплочи с рабицы (имя) все скорби, болезни. От отца, от матери, от роду, от племени, от мужика, от еретика, от конного, от пещего, от черного, от черемного, от девки-самокрутки, от бабы-пустоволоски, от проклятой дикой нехристи.

Матушка святая вода протекала, споласкивала круты берега, смой, сплочи все скорби, болезни. Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь. Будьте, мои слова, крепки, наговоры, лепки, язык — мой ключ. Запрусь, замкнусь, отнесу ключи на океан-море, брошу ключи в морску глубину, где свет не светит, птица не летает. На веки веков, аминь.

Притиши, матушка Пречистая, Пресвятая Богородица, все скорби, болезни у рабы Божьей (имя). Навеки веков аминь, навеки веков аминь, аминь, святая молитва аминь (СФ — 92. №36).

Близка к формуле смыывания формула заливания водой. Как правило, заливают ожог. На холодную воду наговаривают три раза:

- Царь-огонь, царь-огонь!

Царь-огонь, царь-огонь!

Чем тебя залить можно?

Царь-огонь, царь-огонь!

Залью я тебя росой и водой,

Ныне и оприсно и веки веков

Аминь («Заговоры». №322).

Изгнание. Этим же принципам подчинены заговоры с

мотивом изгнания. Болезнь предметна, различима, что вы — зывает формулу изгнания. Человек находится как под рентгеновским лучом — видно все и даже в цвете. Заговаривающий перечисляет все, что видит: кровь горячую, печень черную, сердце ретивое, буйную голову, серый мозг, русые волосы, черные брови, ясные очи, белое лицо, белые зубы, красные десна, семьдесят семь жил с жилочками, семьдесят семь суставов с суставчиками. А поскольку все видно, болезнь, поразившую что — то из видимого, можно изгнать. Обратимся к заговору от уроков: «Я, рабица Божья (имя), принимаюсь за младенца (имя ребенка). Господе Иисусе Христе и сыне Божий Батюшка Истинный Христос и Матушка Пресвятая Богородица, пособите мне и помогите мне утопить хворости-болести у младенца (имя ребенка).

Я, рабица Божья (имя), выгоняю из буйной головы, из ясных очей, из частых ресниц, из печени, горячей крови, ретивого сердца_изо всего стану человеческого, направляю на сон, на угомон, на великое здорovie. Ветренны уроки, внутренние уроки, ломучи уроки, тягучи уроки, костовые уроки. От зевотница, от потяготница. Чур, мои думы, чур, помышления, от худой думы, от мужа, от мужней жены, от черного, от червонного, от косозубова, от голзубова, от черноглазого, от белоглазого, от двоеженого, от проезжего, от бабы-самокрутки, от девки-пустоголовки. Кто дунул, я отдуну, кто поглядел, тот окривел.

Будьте, мои слова, все сполна крепки и лепки, ходучи и бродучи, крепче камня и булата и булатного ножика. Чтобы хворости, болести все сном проходили, есть бы заедала, спать бы засыпала. Будьте, мои слова, все сполна, отныне и до веку, от земли и до небу, от востока и до запада. Три раза читать над водой, потом этой водой ребенка умывать (Б — 90. Тетр.№4. №21).

Сметание. Заговоры, записанные в Южном Зауралье, сохранили и такие формулы, как сметание или смахивание болезни. В.П.Петров вслед за Е.Н.Елеонской отметил ши —

рокую распространенность этих формул. Он вместе с тем заметил соответствие всех компонентов заговора его функциональному назначению — устранить конкретную болезнь.⁴¹ Наши материалы позволяют сказать, что названные формулы характерны для текстов, направленных против тех болезней, которые проявляются коростами, нарывами. Так, от кори стучали веником о порог и трижды повторяли: «Нет в этом доме кори и нет в этом доме хвори. Веником отмечаю, дело на замок запираю» (Ф — 99. Тетр. Ю.Ануфриевой. №12).

Соринку, попавшую в глаз, смахивают в парной бане, веником, вода им по глазу сверху вниз. Одновременно моют глаз (смывают) символической «озерной, подземельной водой» («Заговоры». №64). Центральным персонажем, сметающим болезнь, являются женщины, среди которых, как правило, нет девы Марии, Богородицы. Ее статус высок, она известна в заговорах с образами горы, воды, престола, но не бани.

Передача. Формула передачи известна в заговорах разных тем. Она была замечена исследователями жанра — Е.Н.Елеонской, А.М.Астаховой, В.П.Петровым. Болезни передаются чаще всего животным, птицам, особенно одомашненным, живущим рядом с человеком: «У кошки заболит, у собаки заболи, у младенца (имя) заживи». Распространена передача дыму и воде:

*От безымянного пальца,
От булатного ногтя
У рабы Божьей (имя)
Зашла заноза —
Да не в кровь,
Да не в тело,
В дым да в воду
В дым да в воду,
В дым да в воду* («Заговоры». №201).

Действия: поплевать через левое плечо три раза после каждого произнесения заговорной ткани («Заговоры». №137). Формула передачи выявляет наблюдательность чело-

века, знание им предметного мира. Передача предпола — гает материальный предмет, способный удержать болезнь. Особенно показательной является передача чирия сучку. Традиция требует, чтобы во время заговора водили безымянным пальцем вокруг чирия и сучка на доске. Затем крестят чирий и трижды повторяют:

*Чирий-чирик, высокий, как сучок,
Сучок-сучок, возьми мой чирiek.
Будьте, мои слова, крепкими, лепкими,
Крепче камня, тверже булата.
Действуйте, слова мои,
На рабыню Божию Лудию. Аминь!*
(«Заговоры». №25).

Передача предполагает чаще всего конкретное обращение к адресату, которому должна перейти болезнь. Утин — позвоночную боль, например, передают тыну — изгороди своей усадьбы. «Надо подойти к плетню и шоркать спину о него. Отходить от тыну и не оглядываться. Делать вечером, чтоб никуда не ходить, ложиться спать. Когда шоркаешься, говорить три раза:

*Тын, тын, возьми мой утин,
А мне, рабице Таусье,
Дай доброго здорovia»* («Мокроусово — 81». №2).

Передавая тыну болезнь, от него одновременно как бы берут выпрямленность, способность стоять прямо, не сгибаться.

На формуле передачи строится заговор от собачьей старости, сухотки. Ребенка в Зауралье мыли в бане, занеся в нее щенка, чтобы болезнь перешла на собаку. Н.Ф.Познанский, исследуя эту формулу, писал о том, что желаемые свойства старались перенять у другого предмета, но более распространенной ему казалась «передача нежелательного свойства (болезни) от человека чему-нибудь другому»⁴².

Передача болезни человеку отмечена в заговорах нашей коллекции всего один раз. Текст записан в Мокроусовском районе, населенном в значительной мере переселенцами из центральных губерний, в том числе из Смоленской

и Курской. Вероятно, из регионов, где было крепостное право, в зауральский свободный край принесен заговор с формулой передачи кашля бариновой глотке. Для зауральской фольклорной традиции образ барина не характерен. Не было здесь барина по причине отсутствия крепостного права. Но формула осталась в новых обстоятельствах, так как изменять в «словах» люди считали себя не в праве, боясь прекращения их действенности. В формуле — обращении к кашлю велено: *«Кашель, кашель, иди в кошель, из кошеля — в лодку, с лодки — в баринову глотку»* («Заговоры». Тетр. С.Скоковой. №8). Многовековая мечта заткнуть баринову глотку проявилась в заговоре откровенно.

Обратим внимание на формулу передачи любовного чувства через дым. Надо сказать, что на дым творятся в основном заговоры, направленные на любовь, создание семьи и благополучие дома. Слово «дым» в селах псковских и смоленских переселенцев равнозначно понятию «дом», хозяйство. По моим наблюдениям, до сих пор в селах Ершовке и Гладковке Притобольного района сохранился свадебный обычай «смотреть дым» жениха родней невесты.

Присушки с формулой — обращением творятся перед печью — на горящие дрова, щепки или бересту. Эпитеты к образу «дым» несут функцию идеализации его и чувственных песнями и частушками, изображающие любовь как высокое, неземное чувство. Искры «царские», дым «господний», «кучерявый», «бравый» — вот основные эпитеты к дыму: *«Царские искры, господний дым, лети в чистое поле, в широкое раздолье и разыщи там раба Божьего (имя), вложи ему в ретивое сердце тоску тоскучую, сухоту сухотучую, чтобы раб Божий (имя) не мог ни жить, ни быть без меня, рабицы Божьей (имя), тосковал, горевал и в еге не заедал, и в гульбе не загуливал, и в крепком сне не засыпал. Все бы думал обо мне, рабице Божьей (имя)»*.

Будьте, мои слова, крепче и лепче камня и липы. Аминь (Н — 91. С.106).

Формула заговора на дым закономерно вырастает из особого душевного состояния героини, из желания покоить любимого, создать семью, пробудить его интерес к ее дому, ее очагу. Из этих обстоятельств возникает формула передачи любовного чувства через тот предмет, который связан с печью. Думается, интересные наблюдения ученых, начиная с А.А.Потебни, о том, что в основе любовных заговоров лежит представление любви как огне, не все объясняет в образной системе и поэтике любовных заговоров присушек. Внимание ученых было сосредоточено на выявлении сущности символики и эпитетов. Так, В.П.Петров, расширяя вывод А.А.Потебни, писал: «В соответствии с этим представлением о любви, как огне, центральным образом любовных заговоров являются пламя, горящие дрова, пылающие печи и т.д.»⁴³.

Однако нельзя забывать о мифологических представлениях о единстве и сакральности родовой, семейной общины, объединяющих все поколения живых и предков, начиная с Адама. Центром жилища значился очаг. Нужно согласиться со следующим утверждением А.Н.Афанасьева: «Умершие предки часто по-прежнему считались членами рода и составляли с живущими единую сакральную общину. Прекращение или нарушение правил отправления культа предков рассматривалось как исключение их из общины, приводило к каре с их стороны и их окончательной гибели»⁴⁴. Неписанный договор о единстве поколений обязывал предков способствовать плодородию земли и продолжению рода. Благополучие и продолжение рода, как уже сказано, связывалось с печью. Этот же знак, эта же маркировка распространялись на дым, как производное горения. Потому заговор на дым обязан и мифологическим представлениям и внутренним законам поэтики жанра. В ряде текста соотносительность дыма с культом

предков более отчетлива. Дым называется «батюшкой»:

- Батюшка ты, кудрявый черный дым! Не расстилайся ты по земле и по небу, а расстилайся ты в душу рабу Божьему (имя). Где ты его найдешь — на пути или на дороге, в божеской ли церкви, в моховой ли хоромине, в каменной ли хоромине, нанеси на него тоску тоскучую, сухоту сухотущую, плачь неутолимую, горечь несокрушимую. Как маленький ребенок тоскует о материнском грудном молоке, так бы раб Божий (имя) тосковал бы обо мне, рабице Божьей (имя). И ел, бы меня не заедал, и пил бы, меня, не запивал, с товарищами не заговаривал, в парной бане не запаривал, все бы думал и гадал, плакал и рыдал. Век повеки, отныне до веку веков. Аминь! («Заговоры». №75).

Текст записан от женщины 1921 года рождения в 1970 году (г.Курган). «Привязка» содержания к дому, семье проявилась в нем через следующие два образа: ребенок и материнское молоко. Это не второстепенные элементы структуры заговора. Они связаны с представлением о болезни, сакральности общины, где все за всех в ответе. В тексте главная формула «притянула» другие, семантически с ней связанные.

Этот же принцип реализуется в следующем заговоре, записанном в 1980 году от жительницы Каргапольского района, 1912 года рождения. «Батюшко синий дым» должен вложиться в ретивое сердце определенного раба Божьего такое чувство, чтобы не мог он жить без девушки, казалось бы она ему «милее всего роду и племени». В тексте заметны нелогичные, произвольные изменения. Так, слова, оказываются, должны быть крепче «булатного котла». Вероятно, к индивидуальным находкам надо отнести сравнение речи с голубиной походкой и перышком. Произвольно возник образ «живота и скота». Много творческой фантазии, выходящей за рамки традиции, можно увидеть в заговоре, но формула «рода — племени» осталась неприкосновенной, как и формула «батюшко»: «Батюшко синий дым, не вейся, не развевайся по чистому полю, по широкому раздолью, за-

вейся трубой. Разыщи раба Божия (имя), вложь ему тоску-тоскучую, сухоту-сухотучую, чтобы он думал и гадал о рабице (имя). Казалась бы она ему всех милее — всего роду и племени, живота и скота. Казалась бы моя речь, как голубиная походка, как перышко. Батюшко синий дым, вложь и вдунь рабу (имя) в ретивое сердце, в белое тело, красное мясо, желтое сало, чтобы он думал и гадал, темные ночью не спал меня, рабу Божью (имя), в памяти держал. Будьте, мои слова, крепче камня, век повеки, отныне до века. Аминь». Заговор говорится на дым от лучины перед печкой («Заговоры». №37).

Сакральность дыма, которому приказано передать любовь, раскрывается и через его связь с горой. От дыма и горы должна исходить сакральная сила, способная повернуть сердце человека в нужную сторону. Жительница г.Кургана (51 год, запись 1984 года) выучила заговор в юности от старшей подруги, помнит его и охотно сказала: «Дым мой бравый, дым мой кучерявый, вейся, извивайся, во все четыре стороны пускайся с тоской тоскучею, с сухотой сухотучею. Вдарься об гору, а ты, раб Божий (имя), иди к рабе Божьей (имя), ко двору. От века по веку, отныне до веку. Аминь, аминь, аминь» (Ф-84. №1623).

Подведем итоги: передача — одна из распространенных заговорных формул, в основе которой лежит представление о болезни или любви как предметной, телесной, вещественной. Но для заговаривающего важно было передать с таким предметом, семантика которого сакральна.

Договор. Не исследована в отечественной науке такая формула, как договор. Ее принцип: «Если не сделаешь то — то и то — то, погублю». Формула договора демонстрирует возможности человеческого разума. Четко формулируются условия договора. Формула договора входит в широкий круг фольклорных и этнографических явлений. Человек, не выделяя себя из мира природы, старался договориться с тем, что казалось опасным и не понятным. Э.Тейлор отмечал устойчивость в мифопоэтическом сознании

идеи возможности заключить договор с существами иного мира, например, с чертом⁴⁵.

В русских народных сказках мотив договора с различными существами достаточно распространен. Партнером по договору могут выступать медведь (АФ., №48 — «Медведь, лиса, слепень и мужик»), чудо-юдо (АФ., №136 — «Буря-богатырь Иван — коровий сын»), черт (АФ., №154 — «Беглый солдат и черт»), деревья и т.д. Условия ставятся как человеком, так и другой договаривающейся стороной. Мужик — леший договаривается с королевичем: «*Выпусти меня, я тебе пригожусь*» (АФ., №123—124). Морская царь подталкивает на договор земного царя (Известная сказка «Морской царь и Василиса Премудрая»).

В заговорах более известна формула договора со змеей. Можно предположить, что выбор ее определен верованиями в змею — тотема (вспомним былинку «Волх Всеславьевич», чудесное рождение Волха от женщины и змеи). Сами змеи, по поверьям, «рождаются также от сношений летающего змея с женщинами и вилами»⁴⁶ — женскими существами в низшей мифологии.

Случайность договора как будто исключена. К нему прибегают, когда болезнь нельзя отогнать, смести, смыть, то есть в тяжелом случае, и когда вторая договаривающаяся сторона как-то связана с человеком. Обратимся к заговору от укуса змеи. Знахарка велит приготовить деготь, сливочное деревенское масло. Место укуса смазывают маслом, а вокруг укуса чертит дегтем по часовой стрелке и приговаривает: «*Ах, ты, змея лютая, проклятая, завелась ты не от Суса Христа, не от Бога, завелась ты от нечистой, пойдя вынь а ты жало у раба Божьего Ивана (или крестовой красной бурой коровушки из правой половины из вымечка). Не вынешь а ты жало, сожгу я тебя огнем и пламенем, не отпущу по чистому полю, по широкому раздолью. Во имя Отца и Сына и Святого Духа, и*

ныне присна веки веков. Аминь». Вся процедура повторяется три раза. Заговаривают до тех пор, пока не спадет опухоль («Заговоры». №113).

Однако договаривается человек также с осинкой, крапивой, полынью, которые имеют связь с иным миром. Следует сказать, что формула договора в заговорах, в отличие от ряда сказок, выявляет могущество человеческого духа, уверенность в своей победе. Формула договора вместе с тем осложнена формулой угрозы: «Не сделаешь, тебе — беда». Сочетание этих формул обнаруживается в заговоре от луковичных червей. Угроза адресована осине, крапиве, полыни и репью.

В заговоре от занозы человек стремится установить дружеские связи с занозой, предлагая — договариваясь быть друг другу сестрицами. Водят вокруг занозы безымянным пальцем и троекратно повторяют:

*Я, раба Божья (имя),
Своим безымянным пальцем
Очерчиваю рабе Божьей Мариш.
- Заноза, ты занозица!
Будь ты моя сестрица.
Не я тебя заговариваю,
Не я тебя выговариваю.
Заговаривает-выговаривает
Мать Пресвятая Богородица.*

После слов необходимо три раза плюнуть через левое плечо («Заговоры». №252).

Обмен. Значительное место в заговорах занимает формула обмена. Человек стремится обменять что-то больное, плохое на здоровое, красивое. Так, месяцу обещаются в обмен на здоровые зубы золотые рога: «*Месяц молодой, тебе золотые рога, а мне, рабице (имя) доброго здоровья зубам*». Повторяется три раза на молодой месяц, не сходя с места («Заговоры». №177).

Устоялась формула «*Возьми себе..., а мне дай ...*». Вот типичный заговор от опухоли занозы: «*Сучок, сучок, возьми с рабы Божьей красноту, верни белизну*» (С-87. С.146).

Как формула обмена связана с представлением о болезни, что стало основанием формирования формулы? Думается, как в случае с формулой передачи, конкретность, осязаемость болезни. Больной зуб, опухоль можно потрогать, цвет увидеть. Формула обмена предполагает силу разума и духа человека, так как обмен предлагается чаще всего языческим божествам. В формуле обмена есть логика. Партнеру по обмену предлагается что-то, подходящее по каким-то статьям. Так, логично предложить зрелые глаза красные, учитывая ее цвет:

*Заря-зарница, красная девица,
У тебя, заря, очи ясные,
У меня, рабы Божьей (имя),
Глаза красные.
Дай мне очи ясные,
Возьми глаза красные.
Аминь («Заговоры»). Тетр. О.Мамонтовой. С.27).*

Широко известен мотив обмена зубами с мышкой: «Мышка-лобышка, на тебе зуб молочный, а мне — костяной» («Галишево — 90». №16).

В 1982 году в с.Варлакове Мишкинского района от 74-летней женщины записан редкий заговор от суда с мотивом обмена хлеб — соли на волю:

*Игу я, раба Божия (такая-то), на суд.
Со мной игут три ангела.
Первый ангел двери открывает,
Второй ангел скатерти настилает,
Третий ангел судьям-заседателям языки отнимает.*

*Как вы, судьи-заседатели,
Не сердитесь на хлеб-соль,
Так смиритесь на меня.
Наде вам, судьи-заседатели, хлеб-соль,
А мне, рабице Божией (такой-то),
Божьей воли. Аминь.
Зашить в одежду (в карман, в полу) и носить
всюду с собой (Архив автора).*

Обмен иногда сочетается с угрозой. Так, в заговоре от зубной боли больному рекомендуется погрызть рябину и

Лечит Замиралова Евдокия Евгеньевна, родом из Притобольного района.
Курган 1990.

сказать: «Рябина, рябина, вымечи мне зубы. Не вымечишь — всю тебя изгрызу» (СФ — 99. Тетр. Е.Симахиной. С.6). Обращаясь с просьбой — угрозой к чему — то, человек ясно представляет свои силы. Нет угрозы недостижимому. Угрожают тому, что уязвимо. В договоре от болезни десен у детей угроза направлена дубу — дубищу, который действительно можно «иссечь», «зарубить»:

*Первым разом, добрым часом
Господу Богу помолимся,
Пречистой Матери поклонимся.
За семью горами, За семью ветрами стоял дуб.
- Дуб-дубище,
Возьми у младенца (имя) зубищи
Боковые, горловые, заходоленные.
Если возьмешь, -
Будешь стоять да шуметь.
А не возьмешь, -
Иссеку, зарублю,
За ветром пепел пуцу («Заговоры». №106).*

Есть формулы — просьбы. Они определены характером болезни. Как правило, просьбы характерны в тех текстах, которые направлены на трудновыводимую болезнь, опасную, малодоступную. Такой болезнью считается заноза в глазу. С занозой, попавшей в палец, в одних текстах мало церемонятся («Заноза, выйди вон»), в других — к ней ластятся, видимо, вследствие родства занозы с могучими существами (деревом, растениями и т.п.). Занозу просят быть сестрицей и спокойно «выйти вон». Опасностью занозы, попавшей в уязвимое место — глаз, — вызваны формула — просьба и образ щуки — железные зубы, с помощью которых можно помочь беде:

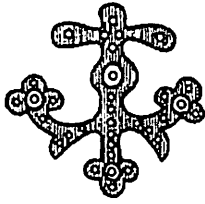
*Стану я, рабица Божья, из ворот в ворота
В восточную сторону.
В восточной стороне — синее море.
Медные губы, чугунные зубы,
Оловянные глаза.
Подойду я к ней поближе,
Поклонюсь пониже:
- Щука-белуга, медные губы,*

*Чугунные зубы, оловянные глаза.
Вытащи и выведи
У рабицы Божьей (имя)
Из глаза занозу и порошицу,
Чтоб не болело, не скорбело,
Не щемило, не ломило.
Будьте, мои слова и приговоры,
Крепче и лепче ножа всемирного,
Ножа булатного. Аминь («Заговоры». №221).*

Постановка невыполнимых условий. Зауральские материалы позволяют выделить еще одну формулу — постановку заведомо невыполнимых условий. Подобные заговоры много говорят о наблюдательности, логическом мышлении их создателей. В заговоре на зубы перечисляется целый ряд мифем, которые создают фон невыполнимого условия. Сами по себе мифемы призваны оказывать воздействие на болезнь, но они к тому же являются пока — зателями устойчивости миропорядка. Нарушение его — вот те обстоятельства, которые позволяют болеть зубам. Но оно не будет, не должно иметь места:

*Месяц-месяц — на небесе,
Камень — на земле,
Щука-рыба — в воде.
Когда два месяца сойдутся,
Тогда у рабы Божьей (имя) зубы заболят.
Аминь. Аминь. Аминь («Заговоры». №148).*

Материалы, записанные на переломе второго и третьего тысячелетий, убеждают в том, что формульность осталась неразрушенной. В ней неизменным остался главный принцип — зависимость всей художественной структуры от представления о болезни.

VI. ПОЭТИКА ЗАГОВОРОВ

Предметно-символический мир. О современном состоянии заговорной традиции свидетельствует и поэтика. Что стало с этой стороной старинного жанра? Материалы убедительно говорят о том что, изменения почти не коснулись поэтики. Остановимся на ряде моментов ее, в частности, на отражении мира через символику предметного, в основном взятого из быта. Предметность, осязаемость быта придают чувство реальности и прочности земного устроения. Но реальный мир устремлен во вселенную. В свою очередь, вселенная, космос, морская пучина ставятся человеком на одну доску с собой. Щуке — белуге — железные зубы доверено хранить ключи от замка, которым замкнуты слова. Не кажутся чем-то невероятным возведение железного тына до неба и опоясывание себя звездами, диалог с месяцем и поход к «окиян — морю». В заговорах реализуются сила духа, полет фантазии, устремленность в космос.

Предметный мир разнообразен — от высоких предметов (икона, свечи) до самых прозаических: умывальник, тын, плетень, котел, дымное окошко, проходное оконце, белый вывод, зола, пепел, сажа, печина (кирпичи), печь, чело, горячие угли, ворота, прясло, красная прялка, камень серый, нож булатный, порог, заслонка, дым, полено, нитка, иголка, чашка и т.д. Сами по себе почти все предметы не наделены сакральной семантикой. Умывальник — он и есть умываль-

ник. Но заговорное слово, участие в заговорном действии выводят предметы на совершенно иной уровень — сакральный. Предметы получают символическое значение. Таким образом, предметы, как и большинство событий, охватывают оба плана: профанный и сакральный. Изображается быт, но под особым углом зрения. В.Я.Пропп предупреждал, что не будут поняты «ни композиция, ни сюжеты, ни отдельные мотивы, если будем воспринимать явления фольклора как гротеск, экзотику, вольную игру фантазий»¹. Вместе с тем, по мнению В.Я.Проппа, и ранние ступени фольклора — не бытописание. Эти наблюдения в значительной мере относятся и к заговорам. Е.Н.Елеонская увидела, и что «действие при заговоре не отличалось сложностью и совершалось в узких пределах повседневного быта с помощью предметов, по существу, совершенно безопасных. Между тем действие при заговоре, подобно сопровождающим его речам, по внутреннему своему значению было опасным и страшным, и трудно решить, что пугало больше слова или действия, совокупность ли их»².

Чудесный мир, открывающийся за воротами, приподнят над бытом своей необыкновенностью, но не оторван от него. Согласимся с Н.Ф.Познанским, что в заговорах «под самыми фантастическими образами скрываются предметы самые обыкновенные»³. Чудесный мир вовлечен в орбиту, центром которой является человек с его бедами, волнениями, надеждами, реальной жизнью. Небо, море, птицы, рыбы, «камень — Латырь» помогают ему, отзываясь на слово и действия. Примечателен текст от «уроков — переполохов:

*Стала рабица Божия (имя),
Благословясь и перекрестясь.
Из дверей в двери, из ворот в ворота
Пойду на океан-святое море.
На океан-святом море
Стоит Треков дуб.
На нем сидит орел-птица,
Очи медны, нос железный.
Как ее не берет ни дождь, ни вода,*

*Ни утренняя матушка-заря,
Так бы рабу Божью, младенца (имя)
Не брали уроки-переполохи,
Хишки, пришки, щипотищи, ломотищи,
Потягощи, скорби, болезни.
Не скорбели бы, не болели,
Не отрывали, не отрыгали,
Исходили да истекали
Из седми семи костей, из суставов,
Из буйной головы, из русых волос.
Век повеки, вовеки веков. Аминь*
(«Заговоры». №96).

Подобно бытовым предметам символичен космический мир. Все предметы получают в заговоре чудесные свойства благодаря слову, наполненному магической силой, защищенной от общения с «иным» миром, «тем» светом. Так, зашивание золотой (серебряной) иглой и золотой нитью является символом приказа на остановку крови. Оборвавшаяся нитка — символ прекращения кровотечения из раны. Символикой остановки крови являются разорванные нити, струйки воды. Приведем несколько текстов:

*Пресвятая Богородица по морю плыла,
За собой нитку несла.
Нитка порвалась.
У раба Божьего (имя) кровь унялась.
Встану на камень, кровь не канет,
Встану на кирпич, кровь, остановись.
Во имя Отца и Сына и Святого Духа.
Аминь* («Заговоры». №188).

*Растянута нитка,
По нитке бегут две девки.
Нитка порвалась, кровь унялась*
(«Заговоры». №176).

*Идут брат с сестрой
Несут кувшин с водой,
Вода разлилась, кровь унялась*
(«Заговоры». №174).

Символ в заговорах специфичен. Он не замещает собой

целиком предмет, а в силу древнего синкретизма является знаком, существующим в органической слитности с семантикой предмета. Символы, как писал А.Н.Веселовский, — «форма, служащая выражению непознаваемого...»⁴. Обратимся еще к одному заговору на остановку крови:

*Сидела девка на пруду,
Шила алую фату.
У ней нитка порвалась,
И руда унялась* («Заговоры». №186).

Нитка — реальный, материальный предмет, но он в данном контексте символ струи крови. Оборвавшаяся нитка — символ прекращения кровотечения, обрыва струи. В данном тексте есть еще один предмет — символ. Имеется в виду пруд — вода. С одной стороны, пруд предметен, а с другой, — символичен. Пруд, чистая вода, полисемантичны. Вода имеет, в частности, значение живительной, врачующей силы, что отражено в эпитете «живая». Только живая вода, по мнению А.Н.Афанасьева, способна возратить жизнь, «действительно обладает свойством освежать тело и восстанавливать утомленные силы. И огонь, и вода — стихии светлые, не терпящие ничего нечистого: первый пожигает, а вторая смывает и топит всякие напасти злых духов, к сонму которых причислялись в старину и болезни»⁵. Он же напомнил еще один момент, связующий воду и кровь: «Кровь — одна из древнейших метафор воды и дождя...»⁶.

В заговорах нет многозначности символа. Он всегда заключает в себе однозначное содержание. Так, медведь выступает в одной ипостаси — силы, жестокости, лютой. В Притобольном районе бытует заговор «на ссору мужа с женой». Творить этот заговор — греховное дело: взять топленое медвежье сало, намазать им любую часть тела того, на кого наговариваешь, лучше руки и лоб:

*Встану, не перекрестясь,
Пойду, не благословясь,
В чистое поле, в овраг глубокий.
Там медведь с медведихой
Барахтаются, дерутся, царапаются.*

Бьет медведь медведиху до крови,
 Мясо бьет до кости,
 Кость бьет до мозга,
 Стервится, сердится,
 Глядит по-зверинному,
 Шипит по-змеиному.
 Так бы и раб Божий (имя)
 С рабицей Божьей (имя)
 Барахтались, дрались, царапались.
 Бил бы раб Божий (имя)
 Рабу Божью (имя) мясо до кости,
 Кость до мозга.
 Глядел бы по-звериному,
 Шипел бы по-змеиному.
 Казалась бы рабу Божьему (имя)
 Раба Божья (имя)
 Душная, вонькая.
 На глаза бы ее не принимал.
 Запру я свой заговор на тридцать три замка,
 На тридцать три ключа.
 Замки — в небо, а ключи — в море.
 В море есть рыба-белуга.
 Проглотит она те ключи.
 Свеки говеки,
 Отныне повеки («Заговоры». №30).

Структурные формы. В.Е.Гусев верно отмечал: «В фольклоре свои средства художественного отражения действительности, свои жанровые формы». ⁷ Материалы по Южному Зауралью свидетельствуют о сохранении разных типов структур заговоров. Архаические диалоги характерны для пастушеских заговоров, а также для заговоров «на зубы» и от некоторых болезней детей (загрызание грыжи, перепекание ребенка от сухотки). В этих заговорах отражены вера в реинкарнацию и живительные силы мертвого мира. Текст в заговорах с формулой зарубания тоже строится в форме диалога:

- Кого рубишь?
 - Утин.
 - Ну, руби, руби,
 Да чтобы не отпрыгнулось («Галишево — 90». №17).
 Диалог характерен и для заговоров от печ — ячменя. Все

эти заговоры со стороны вербального наполнения просты, в них сохранены магические действия, которые совершаются, по нашим материалам, двумя лицами. По функциям диалог равнозначен эпической части и императиву развернутых текстов: в них называется болезнь и в повелительной форме приказывается ей исчезнуть.

Диалоговая форма, идущая из древней обрядовой практики, распространилась на тексты христианского времени. На этом принципе построен воспринимаемый сейчас как универсальный заговор от ожогов, рвоты, боли, ломоты. Главным персонажем выведена матушка Богородица:

На море-океане,
 На острове Буяне
 Сыр-бор горит.
 - Кто его тушит?
 - Сама Пресвята
 Матушка — Богородица
 Со своей золотой метлой,
 Смахивает-смахивает
 С синего моря морскую пену.
 Не спяхни, не смяхни
 С синего моря морскую пену,
 Спахни, смяхни
 С раба (имя)
 Ожоги и рвоты,
 Боли, ломотища, огни (Ф — 86. №2358).

В современной зауральской традиции более известна другая форма — повествовательно — исповедальный монолог. Заговор — монолог в основном направлен как бы на себя. В Звериноголовском бытует заговор от страха, которым знахарка лечит других:

Крестом крещусь,
 Крестом огражусь,
 Крестом ангела призываю,
 Крестом врага отгоняю,
 Враг, сатана,
 За три стены белокаменны
 Навек повеки.
 Во имя Отца и Сына и
 Святого Духа. Аминь

(«Звериноголовское — 90». С.53).

Анализ материалов показывает, что сохранились две, известные в XVII веке, жанровые формы: прямая (апеллятивная) и косвенная. В заговорах — апелляциях ядром является непосредственное обращение заговаривающего к объекту воздействия или его заместителю. Так, любовный заговор, творимый на утренней заре, есть апелляция к Пресвятой Богородице и ряду святых. Надо выйти на крыльцо, повернуться лицом в сторону зари и говорить три раза:

*Встану я на утренней Заре,
На вставаемой горе.
Умоюсь водой, утрусь белиной.
Выйду я в чистое поле
На крутую гору.
На этой горе стоит собор.
В соборе — мати Пресвятая Богородица.
Гавриил, Самуил, Никола Чудотворец,
Возьмите калены стрелы,
Стрельните в раба Божьего (имя),
Чтоб не мог он ни жить, ни быть
Без меня, рабицы Божьей (имя),
Казалась бы я ему
Милее свету белого,
Алее маку алого,
Дороже всей своей родни,
Друзей и подруг.
В еде бы меня не заедал,
В вине бы не запивал,
В гульбе бы не загуливал.
Будьте, мои слова, крепки-лепки.
Чтоб никому не отговорить
И никому не отворотить* («Заговоры». №29).

Обращения могут адресоваться как древним языческим божествам, так и христианским святыням. В заговоре на дорогу содержится апелляция к Ивану Крестителю:

*Иван Креститель, ты наш спаситель:
Спаси и сохрани нас
В пути, и в дороге,
В поле и дома
От злого злодея,
Лихого лиходея,*

*От любого зверя.
Во имя Отца и Сына и Святого Духа.
Мне присни
Вовеки веков.
Аминь, аминь, аминь* (С — 89. №1171).

Ряд заговоров строится на апелляции к Заре, месяцу, березе, воде, печке и т.д.

Косвенная (повествовательная, нарративная) форма проявляется в том, что действует третье лицо (она, он), наделенное сверхъестественной силой — девка, ведущая бычка на жичке, двенадцать вышивающих дев, мертвец и т.д. В качестве третьих лиц могут выступать христианские персонажи. Пример — заговор в дорогу:

*Иду я в пути,
Иисус Христос впереди,
Мать Пресвятая Богородица с ним,
И я с ними.
Святой Апостол
Кладет печать —
Врагам молчать.
Враги боятся, а я не боюсь.
От имени Отца и Сына
И Святого Духа, аминь* (СФ — 89. №1172).

Однако большее количество текстов совмещают обе формы.

Структура текста типовой «модели». Как уже отмечено, устные заговоры по структуре текста практически не отличаются от заговоров письменных, которых в крае обнаружено немного. Бытуют тексты краткие и развернутые. Как повлияло время на них и повлияло ли?

Анализ заговоров свидетельствует о том, что классическая структура развитого текста в основном соблюдается в тех случаях, когда целью его является исцеление души. Это любовные заговоры и лечебные (от тоски, уроков, переполохов). Они сохранили все (или в большей мере) части, о которых неоднократно говорилось в исследованиях: от введения (вступления) до заминивания.

Приведем заговор от всех скорбей, уроков, переполо-

хов. Надо класть угли в воду и повторять:
Первый уголь — от уроков,
Второй уголь — от переполохов,
Третий уголь — от всех скорбей, болей.
Как, ты батюшко царь-огонек,
На матушке, на водице, на царице
Тухнешь ты, потухаешь,
Так бы тухли, потухали
Все уроки, призоры, страсти, переполохи.
Стану я, рабица — молодница (имя),
Благословесь, пойду, перекрестись,
Из дверей в двери, из ворот в ворота
В восток, в восточную сторону,
Под светел месяц, под частые звезды,
К океану-морию.
В океан-море стоит апостольская церковь.
На матушке апостольской церкви
Стоит престол.
На этом престоле сидит Мать Пресвятая
Богородица,
Пеленает истинного Христа.
Ризу петленную, хоряту честную.
Я рабица (имя) пойду близко,
Поклонюсь низко.
- Как ты спородила истинного Христа,
Не знал он ни скорбей, ни болей, ни уроков,
Ни призоров, ни страхов, ни переполохов,
Пойду я рабица Божья к синему морию,
Брошу я ключи и замки в воду.
Когда эти замки найдутся,
Тогда раб Божий (имя) поучится и поугаётся.
Будьте, мои слова, лепки и крепки,
Сладки и падки, крепче камня,
Вострее булата,
Быстрее матушки быстрой реки.
- Как ты, матушка быстрая река,
Бежала ты с гор, с пещер,
Крутые берега обмывала,
Серые камешки обмывала,
С кусточков листочки мыла и обмывала,
Рвы и обрываи
Скорби, болезни из буйной головушки,
Из ясных очей, из черных бровей,

С могучих плечей, с ретивого сердца,
С печени горячей, с каждой косточки,
С каждой жилочки, из семидесяти семи суставов,
Из самой жилы становой,
Во имя Отца и Сына, и Святого Духа.
Аминь!
Которые слова недоговоренные,
Которые переговоренные,
Будьте все исцелены! (Мамонтова. №7).

Начинаются развернутые тексты введением (молитвенным обращением): «Первым разом, господним часом Господу Богу помолимся» («Заговоры». №145). За введением следует зачин. Уже указывалась структурно — содержательная роль зачина. В нем определяется, повторимся, направленность «слов» на добро или зло. Зачин иногда, отождвавшись от остального текста, становится самостоятельным заговором. Этому способствует сохранившееся обрядовое действие. Так, в заговоре от испуга используются шесть угольков и вода. Перечисление предназначенности угольков увеличивает текст, что позволяет ему становиться самостоятельным:

Стану я, рабица Божья Ирина,
Благословясь, пойду, перекрестясь
Из дверей в двери,
Из ворот в ворота
В восточную сторону,
Под утреннюю зарю Марию,
Под вечернюю Маремьяну,
Под красное солнце,
Под светел месяц,
Под частые звезды.
Возьму угольки, кину их в воду.
Первый уголек — от уроков,
Другой — от переполохов,
Третий — от ломотища,
Четвертый — от щепотища,
Пятый — от озевища,
Шестой — от худобища.
Аминь (А — 90. №159).

Хотя заговаривающий осенял себя крестом, благослов —

лялся и называл себя рабицей (рабом) Божьей (Божьим), именно в зачине слово получает магическое наполнение. Здесь происходит символический выход заговаривающего в иной мир, переход через другие двери, другие ворота в другой дом. Формула благословения переплавилась с языческой формулой попадания в другой, иной мир, явив удивительный узор из языческих и христианских мотивов. В Кургане от 48-летней женщины записан заговор «от уроков и всего», в котором христианские мотивы потеснили языческие. Большая надежда как будто уже возлагается на святую рать, однако, главная языческая формула с выходом в чистое поле — из избы в избу, под золотой месяц (светило мертвых) — сохранилась как дань традиции:

*Встану я, благословясь, пойду, перекрестясь,
Из избы в избу, из ворот в ворота
Во чистое поле, в восточную сторону,
Под золотой месяц, под частые звезды.
Умоюсь я росой, утрюсь пеленою,
Помолюся Господу Богу, Иисусу Христу,
Светлому апостолу Кузьме Демьяну,
Георгию Христову, всем святым апостолам,
Всем святым ангелам,
Самому Господу Богу Иисусу Христу
И Пресвятой Богородице,
Всем святым (В-87. №187).*

Введение огромной христианской рати является пока-зателем понимания носителями заговоров значимости зачина, в котором в позднее время во многих текстах потеснены первоначальные образы и мотивы. Зачин — не просто сообщение о намеченном пути, а высказанная мысль о том, что слово будет магически напитано. С зачином связаны эпическая часть и закрепка. Без зачина они не имели бы смысла. Без подпитки иным миром слово было бы простым колыбанием воздуха. Не случайно зачин, в отличие от введения, почти не опускается в более разработанных текстах. За зачином следует эпическая часть, абстрактная по своему характеру. Пространство и время изображены в от-носительной конкретности: море — океан, чистое поле, под

чистыми звездами (ясным месяцем), время вечерней зари или утренней. Под влиянием христианства возникли образы Храма и злат престола, как ограниченного пространства.

Эпическая часть заполнена чудесными символически — ми образами. Владение словом сверхъестественной силы позволяет заклинателю обращаться к ним, просить или приказывать им. Слово возвышает человека над обычной земной жизнью. Оно предполагает ответную реакцию высших сил. Другого просто быть не может, исходя из положения заклинателя, получившего магические «слова».

Вернемся к тексту. Заклинающий обращается к персонажам с просьбой «пособить и помочь». Чудесное слово помогает передать все оттенки болезни. Оно не только волшебна семантически. Оно волшебна по форме и возможности передать предметное и «невыразимое»:

*Пособите и помогите от ветряного, от скверного,
От ночного, полуденного,
От уроков, от буева,
От испугу, от переполоха,
Щекотухи и ломоты
И всякой нечистой силы
Рабе Божьей (имя).
Не ходила бы, не стреляла бы в ней
Ветреная сила, испуг и стрельба.
Всякую нечистую силу
Расшибу и усмирю,
Уроки и азевы громовой стрелой ушибу,
Тыном железным огорожусь (Б — 87. №187).*

В эпической части излагается та тревожащая беда, пре-одолеть которую должно слово, а также называются силы, призываемые словом. Перечисление болезней, например, так широко и объемно, что она оказывается охваченной словами со всех сторон, как сетью. Болезни могут приходить с ветром со всех сторон — от злого лихого человека. Но они все подвластны словам заклинателя и могучим сверхъестественным силам, воплощением которых явля-

ются поздние ипостаси древних тотемов — высший христианский Олимп во главе с Богом. Главное в эпической части — внятнее изложение того, что волнует

В ряде заговоров огораживается человек от вредоносных персон и в отношении времени, а не только пространства:

*Снимите с него все скорби,
Болезни, уроки, призоры,
Щипотище, ломотище, позевотище.
Не урочился бы этот (имя)
Ни днем при солнышке,
Ни ночью при месяце,
Ни при посеженной Марфе,
Ни при утренней Маремьяне,
Ни от девки-пустоволоски,
Ни от долгозубого, ни от редкозубого,
Ни от черных, ни от белых,
Ни от русых.*

*Будьте, мои слова, крепки,
Репки к рабу Божьему (имя) («Заговоры». №110).*

Эти перечисления призваны восстановить должное, миропорядок. «Человек решителен, предусмотрительно огораживает все подробности желаемого результата своего действия», — пишет В.П.Аникин в новой книге по заговорам⁸.

Перечисление болезней переходит в императивную часть — приказание:

*Сохните-посыхайте,
Тухните-потухайте,
Чахните-исчезайте,
Все хворы-болести,
Страсти и боясти,
От всякого человека,
От нечистого глаза,
От поганого зуба.
Сохните-посыхайте,
Тухните-истухайте,
Двенадцать родимцев,
Двенадцать худобищев,
Двенадцать чахотищев,*

*Нутряной родимец,
Костовой родимец,
Западной родимец,
Ветряной родимец,
Заболонный родимец,
Ревучий родимец,
Колючий родимец,
Шатучий родимец,
Дергучий родимец,
Нервный родимец.
Все сохните-посыхайте,
Все чахните-исчезайте,
С матушкой ключевой водой катитесь.
В матушку сыру землю войдите.
Иссохните, исчезайте, изотлейте (Ф — 86.
№102).*

Действенность «словам» придает закрепка, которая связана и с зачином. Действенность их замыкается, сосредотачивается на том, во имя чего творится заговор. Она обращена к словам: «Будьте, мои слова, крепки и лепки». В зауральской традиции сохранились и развернутые закрепки:

*Закреплю крепко-накрепко медным
замком,
Золотыми ключами.
Брошу золотые ключи в океан-море.
Ходит рыба-кита,
Глаза оловянные, зубы столетние,
Чешуя серебряная.
Отдам я их ките-рыбе (А — 87. №187).*

*Запру я свой заговор
На тридцать три замка,
На тридцать три ключа.
Замки — в небо, а ключи — в море.
В море есть рыба-белуга.
Проглотит она те ключи.
Свеки повеки,
Отныне повеки («Заговоры». №30).*

В закрепке иногда содержится ссылка на авторитет «учителя», учившего, чтобы «все слова были в сборе — договоре». Знания учителя тайно поддерживают силу заго-

вора, когда нужные слова учеником забыты или не выучены. В одной из закрепок сказано: «*Которые слова знаю, которые слова позабыла, которые учитель не научил, будьте все в сборе-договоре. Как Господь зааминил небо и землю, так и зааминь все скорби, болезни. Ныне и присны, веки веков. Аминь*» («Заговоры». №95).

Завершается заговор зааминиванием: «Аминь», «Веки веков аминь». Зааминивание высвечивает книжное влияние на заговор. Рассматриваемая композиция названа В.П.Аникиным типовой «моделью»⁹. За ее пределами есть несколько других типов, более простых.

Структурообразующие средства. В науке утвердилась высказанная Е.Н.Елеонской мысль о том, что композиция заговоров до X века была проще той, которая нам «известна по более поздним записям». Тексты XVII века «отличались несложностью содержания и краткостью изложения; это простое, но определенное выражение какого-нибудь желания, иногда усложненное сравнение...»¹⁰. А.П.Потебня основным принципом построения древнего текста считал сравнение — словесное изображение «сравнения данного или нарочно произведенного явления с желанным, имеющим целью произвести это последнее»¹¹. Н.Ф.Познанский видел в сравнении главный прием, который, собственно, и положен в основу жанра. По его наблюдениям, многие эпические заговоры «сводятся к простому сравнению, как своему источнику»¹². В.П.Аникин по этому поводу пишет: «*Действительно, множество заговоров точно соответствует этому принципу: они облекли в форму сравнения разные явления, иногда и обрядовые, специально произведенные, с теми, которые должны последовать в результате заговаривания*»¹³. Подобная структура широко представлена в Зауралье. Сравнением открывается часть текстов. Жительница с.Шмакова Кетовского района (1970 года рождения) рано выучила от бабушки заговор — «предостережение от болезней», построенный по принципу сравнения: «*Как у белой березы сук сохни-иссыхай,*

чахни-исчезай, так у рабицы Божьей (имя) все болезни и вередя сохните-иссыхайте, чезниту-исчезайте. Не было бы их век повеки, отныне до веки. Батюшка истинный Христос, Пресвятая Богородица-Матушка, пособи, помоги, затуши, заговори всю рвоту, ломоту у рабицы Божьей (имя). Будьте, мои слова, крепки, лепки, крепче камня, крепче булата. Аминь (А — 90. №551).

Сравнения заметны в текстах, изначально построенных на диалоге:

*Молодик молодой,
У тебя рог золотой.
Как у тебя ничего не болит,
Так и у меня, рабицы (имя),
Пусть зубы не болят, не болят.
Тебе на стояние, а мне на здоровье.*

Заговор повторяется три раза на молодой месяц («Заговоры». №4).

Сравнения и в конце XX века соединяют быт и космос, занозу и зори в единый органически связанный мир, способный откликнуться на слова заклинателя:

*Как ты, утренняя заря Марья,
Вечерняя — Маремьяна,
Как вы исходите,
Как вы истекаете,
Как вы исчезаете,
Так бы исходили,
Так бы истекали,
Так бы исчезали
У раба (рабы) Божьей (имя)
Все скорби и боли.
Выйдите и выступите
Из правого глазу, заноза.*

«Заговор приговаривается в бане, в пару веником болезнь смахивается. Озерной, подземельной водой споласкивается» («Заговоры». №64).

Заговоры в Южном Зауралье используют такой композиционный прием, как аналогия, сопоставление. В сопоставительный ряд тоже входят высокие и низкие предметы, связанные заговорным словом. Сопоставление дает по-

Старообрядка
Евдокия Максимьяновна Спирина.
С. Ильино Шатровского района.
1999 год.

Старообрядка В.Ф. Мурзина
в одежде, предназначенной для
молений. С. Широково Шатровского
района. 1988 год.

нать, что болезнь и другие земные заботы человек видит как очень важные. Они для него действительно не менее значимы, чем «заря – зарница». В ряд аналогии всегда поставлен осязаемый предмет.

Заговоры, построенные на аналогии, в обрядовой части используют предмет – аналог: уголек, золу, щепку, ветку, воск, воду и т.д. В заговаривании грыжи поступают следующим образом: надо взять сухое дерево с сучком. Водить указательным пальцем вокруг него и говорить:
*Как этот росточек не отрастает,
От растений не отрастает,
Так бы у раба Божьего (имя)*

*Внутренняя грыжа,
Красная грыжа,
Желтая грыжа,
Воротовая грыжа,
Пуповая грыжа,
Мозговая грыжа
Не отрастала,
Ветви не отпускала
Днем – при солнце,
Ночью – при месяце,
При утренней заре,
При вечерней Маремьяне,
На молоду, на ущербе,
На перекрое месяца.
Чтобы не было ни корней,
Ни отростилей у раба Божьего (имя),
Чтобы не было ни корней
Ни отростелей. Век повеки,
Отныне довеки (Б–87. №505).*

В заговорах от уроков сопоставляются смывание песка и смывание недуга. На воду сказывают «слова», ею умывают ребенка, смачивая грудь, макушку, ручки, ножки. При этом говорится:

*Матушка ключевая вода,
Как ты смываешь и сплескиваешь
С крутых берегов песок,
Так смой, сплосщи с раба Божья (имя)
Все уроки, переполохи:
Из белого тельца, из ретивого сердца,
Из ясных очей, из черных бровей,
Изо всего стану человеческого.
Во имя Отца и Сына
И Святого Духа.
Аминь!
Будьте, мои слова, крепки и слепки,
Как камень,
Слова, которые договорены
И недоговорены (Ф–86. №2331).*

Сопоставление высвечивают широкое видение мира создателями заговоров, умение идти от обыденных предметов к вершинам напряженности духа. Характерен любовный заговор, точнее, заговор от любовной тоски:

Как ты, матушка печь и печина,
Как ты не знаешь ни тоски, ни причины,
Так бы и мне, рабе Божьей (имя),
О рабе Божьем (имя)

Не знать ни тоски, ни кручины.

Как из печки дым тянется,
Так бы и тоска тоскучая
Вышла из рабицы Божьей (имя)

Иди, тоска, по черной трубе,

По матушке сырой земле,

Выше леса стоячего,

Выше облака ходячего,

Иди в большое болото —

На высокую кочку.

Там тебе дело, там тебе работа,

Там тебе вечная забота (Ф—84 (а). №66).

Сопоставление, рожденное древним анимизмом и синкретизмом, утвердилось в заговорах с широким использованием христианских образов и мотивов:

Стану я, рабица (имя), благословясь,

Пойду, перекрестясь.

Выйду я на крыльцо и стану на сыру землю.

Как эта матушка сыра земля

Радуется красному солнышку,

Светлому месяцу, частым звездочкам,

Так бы раб Божий (имя)

Обо мне, рабице Божьей (имя), радовался,

Веселился всем ретивым сердцем,

Не мог бы насмотреться и наговориться.

Как Христос в раю над ангелом,

На ногах стоят архангелы,

В рай принимают,

Так чтоб раб Божий (имя) радовался, веселился,

Не мог бы быть без меня.

Иже Херувим и Серафимы,

Весь апостольский лик и весь мир крещеный

И светлому Христову воскресению,

Так же бы раб Божий (имя)

Рабице Божьей (имя) радовался и веселился.

Ни мог бы не жить, ни быть без меня,

Ни часу часовать, темные ночи коротать.

И как перед Господом Богом
Свечи тают и теплятся,
Так бы раб Божий (имя) таял и теплился.

И где он бы меня увидел,
Не мог бы усидеть,

Ставал на резвы ноги

И навстречу бежал и в уста целовал,

И казалась бы я ему милее, белее всего света

белого.

Аминь! («Заговоры». №6).

Распространенность и укорененность этого приема открыли ему дорогу в заговоры, созданные в позднее время. Известно, что в традиционных заговорах нет обращения непосредственно к человеку. Отход от традиции сказывается в том, что допускается непосредственное обращение к страдающему, но при этом сохранен принцип аналогии как показатель жанра. В с.Терсюксом Шатровского района записан явно поздний заговор, но основанный на аналогии:

Как ложки спят,

Так и ты спи.

Водой сбрызгнуть, помолиться (ШР—84. №2а).

Борясь с луковичными червями, надо сорвать три листика репья и сказать: «Господи, меня благослови, рабицу Божью (имя). Принимаюсь я, рабица Божья (имя), за христовый зеленый лучок. Как я тебя, батюшка репей, загавляю, заламываю, так бы в моем христовом зеленом луке не было ни плевка, ни червя, никакого страма. Отныне и до века». При этом репей дают в руке, а затем им «потыкают» луковицы. Повторить три раза («Б—90». С.46).

Многие заговоры строятся на счете — убывающем или возрастающем, что зависит от представления о болезни и целей заговора. Счет построен на древнем представлении о сакральности чисел, особенно ряде из них. Выбор их тоже подчинен представлениям о болезни. Так, число «семь» завершает счет, подводя черту в борьбе с напастью. На нем останавливается заговаривающий, как на том рубеже, после которого ничего не может быть. Выше семи ни болезни, ни другой какой беде не прыгнуть, его не одо-

Экспедиция 2001 года. Село Коврига. Шадринского района.

леть. Приведем заговор от грыжи:

Грыжа, грыжа, я тебя съем:
у тебя один, у меня два,
у тебя два, у меня три,
у тебя три, у меня четыре,
у тебя четыре, у меня пять,
у тебя пять, у меня шесть,
у тебя шесть, у меня семь,
Грыжа, я тебя съем! («Б-87». №385).

Сакрально отмеченное число двенадцать характерно в основном для заговоров, построенных на счете множественности, например, капустных или луковичных червей, мошек и блошек, суставов, жил, болезней:

У Павла Авена
Было двенадцать братьев.
От двенадцати до одиннадцати,
От одиннадцати до десяти,
От десяти до девяти, от девяти до восьми,

От восьми до семи, от семи до шести,
От шести до пяти, от пяти до четырех,
От четырех до трех, от трех до двух,
От двух до одного, от одного до единого
Так чтобы у раба Божьего (имя) выпали червячки из зубов.

Да будут мои слова крепки-лепки.
Аминь! («Заговоры». №132).

Поэтический стиль. Поэтический стиль заговоров обусловлен тем, что воздействие их «рассчитано на силу слова. Они не всегда сопровождаются действием. Текст поэтому должен обладать максимальными возможностями эмоционального воздействия. Отсюда необычная насыщенность заговоров изобразительными средствами», — утверждает З.И.Власова¹⁴. Ею названы черты поэтического стиля «слов»: эпитеты, сравнения, метафоры, параллелизмы. Назовем гиперболу в качестве очень заметного поэтического средства. Гипербола призвана раскрыть впечатляющую силу слова и былинный образ заклинателя. Это в первую очередь относится к любовным текстам. В селе Нагорском Притобольного района женщина в свои 85 лет сказала присушку. Выбор гиперболы продиктован любовной страстью и нешуточной задачей — вызвать любовь: «Выйду я, рабица Анна, на крылечко, кликну я по-молодецки, гаркну я по-богатырски, взвею двенадцать ветров, двенадцать буйных вихров, двенадцать грузей, двенадцать подрузей. Будьте напор готовы в чистом поле. Там в чистом поле стоит полоно прясло. Перитесь к этому полому пряслу. Я, рабица Божья Анна, пойду я поближе, помолюсь пониже, попрошу я их слезами: «Сослужите мне службу, содружите мне дружбу. Разыщите (имя) там, где бы он ни был: в чистом ли поле, в широком ли раздолье, в избе ли сидящего, или спящего, или за мясным столом, или за работушкой. Найдите его, разыщите его, вложите ему в буйную голову, в трепущий мозг, чтобы обо мне, рабице Божьей Анне, тосковал и горевал любовью, тоскою — в ретику во сердце, печень и кровь горячую, в семьдесят семь жил,

семьдесят семь суставов, семьдесят семь перекрестков, в
хоть, и в плоть, и в ересь, и в губы, и в зубы, и в язык, и в
ясные очи, и во все тело молодецкое.

Как раб Божий Иван рабицу Божью Анну в питье бы не
запивал, в еде бы не заедал, во сне бы не засыпал, в гульбе
бы не загуливал, в бане бы не запаривал, в ключевой воде
не замывал и в работочке не зарабатывал бы.

И будьте, мои слова, крепки и лепки от века до века. Аминь,
аминь, аминь. Летите, мои слова, как быстрые стрелы.

Три раза дунуть, три раза плюнуть, три раза тяжело
вздохнуть («Нагорское» — 88», №64).

Н.М. Савушкина отмечала наличие в заговорах «сквоз-
ного» эпитета, развернутого сравнения и перечисления¹⁵.
Ее наблюдения, сделанные на записях XIX века и начала
XX века, и анализ зауральских текстов позволяют сделать

вывод о сохранности названных художественных приемов
в конце XX века. Действительно, эпитет «красный» про-
ходит через заговор на кровь, «огненный» — на ожог, «пу-
стой» — на опухоль.

Сохранили заговоры в конце XX века такой художе-
ственный прием, как противопоставление. Противопос-
тавление иногда строится на бинарных оппозициях: «Но-
вый месяц в небесах, старый дупель на деснах» («Загово-

Шатровский
район.
Саламатово.
Сакральная
тополевая роща
"тополевец".
Здесь проходили
моления, а в
советское время -
коллективные
празднования.
1999 г.

ры». №137). Выбор противопоставляемых предметов не
случаен. Он подчинен характеру болезни, обстоятельствам.
Характерен заговор от ушиба и испуга ребенка. Упав-
шего ребенка поднимают, плюют на место падения, обво-
дят больное место и сказывают текст. Заговор призван не
только унять боль, но и успокоить, снять испуг. Поэтому
упоминаются знакомые ребенку добрые существа, а не
«щука — белуга железные зубы, медные губы». Умным пси-
хологом оказался крестьянин — создатель мудрых, хотя и
коротеньких текстов: когда упадет ребенок, ушибленное
место поглаживают (крестят, обводят), приговаривая:

У кошки боли, у собаки боли,

А у нашего Алешеньки все зажили (Р-91. С.127).

Противопоставление всегда в пользу человека. Оно со-
держательно и часто играет роль оберега. Оно входит в
таком качестве в тексты «на дорогу»:

Иду я в пути,

Иисус Христос впереди,

Мать Пресвятая Богородица с ним,

И я с ними,

Святой апостол

Кладет печать —

Врагам молчать.

Враги боятся,

А я ни боюсь.

От имени Отца и Сына, и Святого Духа,

Аминь.

Господи, благослови (С-89. Т.2. №1172).

Другой текст «на дорогу»:

Пресвятая моя Мать Богородица,

Я не одна иду,

С тремя апостолами.

Первый ангел

Путь счищает.

Второй ангел

Рабице Божьей (имя)

Жизнь и здоровье сохраняет.

Аминь, аминь, аминь.

Говорится, перекрестившись, перед иконой (С-89. Т.2.
№1170).

Участники экспедиции КГПИ и старообрядки села Мостовского. 1989 год.

У старожилок Катайска. 1975 год.

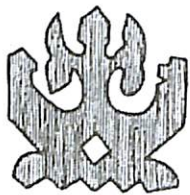
Воздействие силы заговоров рассчитано и на перечисление. Уроки – переполюхи должны смываться:

*С белого тела,
С ретивого сердца,
С черной печени,
С крови горячей.
Будьте, мои слова, кратки,
Падки, крепки, лепки –
Крепче ножа-булата,
Крепче каленой стрелы* («Заговоры». №100).

Заговоры конца XX века не экономят слово на повторах и тавтологии, придающих емкость образам: «смой – сплощи», «час часовать», «тоска тоскучая», «сухота сухоту – щая», «колю – прикалываю» («Заговоры». №114), «руда – рудница» («Галищево – 90». №13), «заговаривает – выговаривает» («Заговоры». №252).

Сохранена ритмика, которая способствует внутренней сценитированности заговоров. Материалы края подтверждают правоту выводов В.П.Аникина о том, что «при переходе из одной местности в другую заговор, как правило, сохранял формулы, ставшие характерной приметой его жанрового стиля, но все же они не во всем оставались неизменными: локализуясь, формула варьировалась. Нарушение ритма и созвучий при этом восстанавливалось в соответствии с диалектной формой»¹⁶. В текстах от уроков устоялась в Зауралье формула с диалектным словом «печина – кручина».

Анализ материалов свидетельствует о том, что поэтические средства не разрушены. Они выполняют те же функции, что и в XVII веке. Вобрали заговоры диалектную речь: «хоть» (желание), «напор готовы» (мгновенно готовы), «на молоду» (на молодой месяц), «ересь» (раздражитель – ность, беспокойство). Придают особый, неповторимый рисунок старинные слова и выражения.

VII. МАГИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ

Магические действия в конце XX века не многочисленны, но их бытование заметно повсеместно. Преобладают лечебные, хозяйственные, любовные и ситуативные. Они кратки. Наполненные мифологическими «переживаниями», они не исчезают, так как неразрывно связаны с бытом, повседневностью, способностью нести обобщенность, всеохватность функций. Они могут использоваться в силу своей простоты и обобщенности функций каждым человеком, верящим в их воздействие.

Еще Н.Н.Харузин отмечал переход в быт обломков «некогда развитых религиозных представлений», в которых узлам «остатки прежнего развитого культа. Эти робкие переживания сохранились в народе так долго, устояли лучше других в общей ломке, не поддались напору могучей волны новых идей — главным образом потому, что они приношены к быту», к тем обстоятельствам, среди которых приходилось жить крестьянину, «бороться для охранения собственной жизни».¹

Лечебные действия. Лечебные действия носят по преимуществу индивидуальный характер. Они используются лично. Так, на Пасху принято до сих пор умываться «с куриное яйцо». Предполагается, что лицо будет бело-розовым и без морщин. В старообрядческих селениях этим действием стремились предотвратить «оспинки» на лице, то есть следы оспы, прививать которую долгое время считалось греховным («Сунгурово — 95». С. 7 об).

Чтобы младенца не изурочили, нужно намазать ему лоб сажей у печки (СФ — 86. №190). Если ребенка изурочили, надо обмыть ручки дверей и умыть его (СФ — 86. №189). Изуроченному ребенку, рекомендуется облизать лоб слева направо и сплюнуть через левое плечо. Себя умывают от глаза тем, что, поплевав в ладонь, проводят внешней стороной руки слева направо.

Широко известно магическое действие против бородавок: обернув бородавки ниткой, связывают узелок на каждую из них, бросают нитку в теплое, влажное место (подполье). Когда нитка сопреет, исчезнут и бородавки.

От боли в запястье перевязывают его шерстяной ниткой и носят ее, пока не утихнет боль.

От тоски по умершему и боязни перед ним смотрят в печь, вернувшись с кладбища. С этой же целью натирают шею родственников землей со свежей могилы.

Чтобы быть здоровыми, купались на Ивана Купальника (Ивана Купалу) 7 июля или обливались водой. В ряде селений это был разработанный обряд. Так, в с.Байдарах временного Половинского района к озеру первыми бежали ребяташки, затем совместно купались девушки — парни. Третьей группой были семейные люди. Замыкалось купание стариками и старухами, которых нередко привозили на тележках (Архив автора. Запись 1989 года). Сейчас почти повсеместно отмечается обливание водой, которое иногда имеет игровую форму.

Ушибленное место поглаживают, крестят «фигушкой» или обводят ею вокруг ушибленного места, огораживая боль от распространения («Заговоры» С.127).

Действия от порчи:

Положить человека на кровать животом вниз. Взять его левую руку и правую ногу и соединить крест на крест. То же самое проделать с правой рукой и левой ногой. Повторить три раза. Затем как бы мести над человеком веником от ног на голову и далее в дверь (ФС — 95. Тетр. 2. С. 44).

Когда гремит первый гром, надо «куликаться» (кувыр-
каться), спина не будет болеть (СФ — 89. Тетр. 3. С. 160).

Когда гром гремит; «надо перекувырнуться, чтобы спина не
болела. Земле поклон положи» («Сунгурово — 95». С. 70б).

От мужского бессилия:

1. Мочиться на втулку деревянного колеса («Неолинс-
кое — 99». С. 18).

2. Смыть железный пестик и пить («Неолинское — 99».
С. 18).

Если испугаешься, дергай себя за мочку ушей («Мос-
товка — 89». С. 17).

Хозяйственные действия. Хозяйственные магические
действия более разнообразны. Они имеют чаще всего про-
девические функции.

Чтобы обезопасить огород от вредителей, между гряд-
ками кладут «росные» травы, собранные рано утром в Иванов
день (7 июля).

Чтобы огурцы росли прямыми и длинными, рекоменду-
ется поливать их через мужские брюки (Архив автора.
Целинный район. Запись 1990 года).

Принято давать мелочь за подаренные семена, иначе у
щедрых хозяев не будет урожая. За взятого щенка или ко-
тенка тоже положено «платить», хотя бы одну копейку
(«Ильино — 87.» С. 51).

В Каргапольском и Белозерском районах только не-
давно вышел из живого бытования следующий обычай
борьбы с мором животных. Предполагалось, что падеж скота
прекратится, если зарыть под воротами своего двора вверх
ногами молодое животное («Першино — 2000». С. 31).

Чтобы цыплята вывелись все, положено подкладывать
под клушку нечетное количество яиц.

В Белозерском районе до конца пятидесятых годов жен-
щины сеяли лен, раздевшись донага. Вместе с семенами
раскидывали по полю вареные куриные яйца. По заклю-
чению сеяльщиц, эти действия способствовали урожаю,
вызывали рост и шелковистость одной из главных хозяй-

ственных культур.

Старообрядцы Шатровского района еще в конце 30-х
годов XX века добывали «живой» огонь трением дерева о
дерево, борясь с массовыми заболеваниями людей или скота.
От общественного костра огонь приносили к каждому дому.
Женщины — старообрядки ткали обыденные полотенца.
Такое полотенце расстилали через дорогу за околицей де-
ревни после выгона скота. Возвращаясь, скот проходил через
полотенце. Эти действия производились с глубокой верой
в их магическую силу («Широково — 88». С. 12.).

Идя первый раз доить корову после отела, берут в рот
соломинку, чтобы не вылетело «лишнее слово».

От огородных вредителей:

Если черви едят арбузы или лук, то хозяйка огорода дол-
жна днем обежать грядки девять раз по солнцу, держа ру-
баху в левой руке и наотмашь отмахивая ею. (ФС — 89.
Тетр. 3. С. 171 об.).

«На Иванов день собери 40 трав, разложи между грядок
— это от червей» («Сунгурово — 95». 7 об.).

Чтобы корова была «ко двору», первую ее «лепешку»
надо забросить на крышу (ФС — 89. Тетр. 3. С. 172.).

Чтобы урожай льна был хорошим, бросали в семена
скорлупу пасхальных яиц (СФ — 89. Тетр. 3. С. 169.).

«Чтобы был урожай огурцов, надо сжечь ржаную солому
и перемешать золу с землей. Через неделю золу, оставлен-
ную от сгоревшей соломы, смешать с коровьим молоком и
побрызгать огурцы, когда они уже начинают цвести. Взять
зола 2—3 ложки литра на два. Христос по сололке ходил.
Вот она пользу и дает» («Сунгурово — 95». С. 53).

Чтобы скот водился, его «пятнали» (ставили метки) в ве-
ликотенный четверг (СФ — 89. Тетр. 3. С. 161.).

Действия любовной магии. Продолжают бытовать лю-
бовные магические средства. По уверениям женщин, дей-
ственной силой является собирание на хлопчатобумаж-
ную ткань со своего тела в бане пота, отжимание его на
соль и угощение любимого с пищей.

В Притобольном районе в качестве привораживающего действия использовали ношение в руках мяты во время летних вечеров (Архив автора. Запись 1992 года).

Взять фотографии мужа и жены, сложить лицом к лицу, перевязать белой ниткой. На узелок капнуть воск от церковной свечки и на неделю положить в укромное место (ФС — 95. Тетр. 2. С. 52).

Чтобы жена любила, мужу надо комочек своих волос положить жене в обувь или карман халата (ФС — 95. Тетр. 2. С. 52 об.).

Любимого, чтобы любил, кормить пересоленным блюдом (ФС — 95. тетр. 2. С.47 об.).

Чтобы приворожить любимого, надо сделать следующее: как высохнут подаренные им цветы, собрать лепестки, положить их ему под матрац или под сидение (в доме, машине). Можно положить в ящик письменного стола (ФС — 95. Тетр. 2. С. 47 об.).

«Очень сильно действует талисман (локон волос или молочный зуб ребенка). Зашить в одежду мужа» (ФС — 95. Тетр. 2. С. 47 об.).

Для отворожки используются еловые или сосновые иголки. Когда муж пойдет к другой, надо идти за ним и в следы бросать зеленые иголки. Если соперница живет в своем доме, то под крыльцо рекомендуется бросить иголки от сосны или елки. Действуют, по уверениям знатоков этого дела, кора осины, простые иголки или ножницы (ФС — 95. Тетр. 2. с. 46).

Чтобы невеста не отказалась идти замуж, сваха должна погладить ее по голове со словами: «Умница ты моя». И все. Невеста сразу сникает и соглашается, даже если не хотела давать согласие («Неолинское — 99». С. 37).

Ситуативные действия. Ситуативные действия совершаются и совершаются в какой-либо конкретной ситуации. Они заключаются в себе функцию оберега или вызывают, по поверьям, желаемое. Ситуативная магия сопровождается человеком от зачатия до последнего вздоха. Так,

чтобы ребенок родился красивым, надо любоваться чем-либо красивым (Шатровский, Притобольный районы). При трудных родах открывали все церковные двери, даже если рожала старообрядка. По истечении первого года жизни ребенка рвут что-либо из его одежды, чтобы быстро рос.

Известны магические действия, связанные со свадьбой. Чтобы состоялась она, невеста вставала у печки. Особенно тщательно оберегалась свадьба и ее чины, главным образом — жених и невеста. Чтобы не «испортилась» свадьба, невесте в Шатровском районе клали в карман гороховый струючок с девятью горошинами. При порче свадьбы переносили сани на руках через порченное место или объезжали его обочиной. Молча били кнутом женщину, подозреваемую в порче свадьбы. Битье в данном случае — не столько наказание, сколько стремление выбить из нее чары, снять порчу.

Разработаны магические действия, направленные на улучшение семейных отношений. В Ильине Шатровского района выметали чисто углы, чтобы муж не был рябым, и мыли чище всего порог, чтобы свекор любил и ничем не корил («Ильино — 91». С.31 об.).

Пережили века и сейчас исполняются действия, направленные на благополучный исход службы в армии. В Белозерском, Каргапольском, Шатровском, Мокроусовском, Макушинском, Частоозерском районах, отправляясь в армию, ребята сами прибывают на угол дома платочки, приготовленные девушками. Придя со службы, солдаты снимают их («Широково — 88». С. 17). Эти магические действия вошли в обычай со времени участия СССР в событиях в Афганистане. Вероятно, генетически они восходят к другим магическим действиям с платками. Сейчас платочки прикрепляют не только на угол своего дома, но и на памятник погибшим во время войн («Широково — 88». С. 18). В Обрядовке Притобольного района летом 1999 года мне довелось услышать о том, что еще во время Великой Отечественной войны здесь получивший повестку обма-

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Неординарное практическое назначение заговоров под-няло их над обыденностью и повседневностью. Стрем-ление воздействовать на окружающий мир, человека и его душу вознесли заговор к вершинам тонкого, проникно-венного искусства. Посконным, топорным словом невоз-можно убедить высшие силы оказать помощь в важном деле.

Истоки магической силы заговорного слова — другие двери, другие ворота, другой дом. Они придавали «словам» ту художественную, ту поэтическую высоту, которая пре-восходит поэтический мир даже лирических песен. Слово, напитанное магической маной потустороннего мира, по-требовало ярких красок, особых синтаксических конст-рукций. Быт переплетается с поэзией, становясь одно-временно основой заговорной символики. Слово заговоров способно передать многообразие жизни вселенной, чув-ства человека в его отношениях с ней, осмысление физи-ческого и духовного бытия человека.

Зауральские крестьяне сохранили красоту дивного на-следия прошлого, бережно донесли до конца XX века ис-тинные сокровища творческой мысли русского народа.

В крае бытуют все главные традиционные типы заго-воров. Их сохранности в настоящее время способствуют новые экономические и социальные условия, а также из-менение идеологических ориентиров. Искренний интерес вызывает каждая публикация заговоров.

хивал, по традиции, платочком по потолку и матице у печ-ки. Сейчас платочком потолок не обмахивают, но под матицу втыкают вилку. В Шатровском районе раньше к матице прибывали монетки («Широково — 88». С. 17).

Значительный цикл магических действий связан со смертью человека и похоронами. Повсеместно, чтобы обе-зопасить действия заложного покойника, его сначала дер-жали в «светлице» — отдельно от деревни стоявшей избе без окон. Потом предавали земле рядом с кладбищем. Умершему сразу же подкладывали под голову камень. Магическими действиями можно воздействовать на про-цессы, происходящие в природе и мороздании.

Чтобы прекратился град, надо во двор выбросить клюку (кочергу) или нож (СФ — 89. Тетр. 3. С. 160 об.).

Магические действия — не заговор. В заговоре силой обладает слово, а действие само наделялось мифологи-ческим сознанием сокровенной силой, способной вызвать желаемое. Совершая магические действия, человек об-ращался к повседневным предметам, но одновременно приподнятым над бытом заключенной в них сакральнос-тью: нить, камень, вода, земля, печь и т.д. В позднее время отправителям магических действий в большей мере были понятны функции их, между тем как генетические истоки чаще всего оказывались не ясными. Это не становилось препятствием, так как традиция закрепила магические дей-

ствия за очень важными сторонами человеческого бытия. Простота магических действий открывает им дорогу в массовое бытование. Их приспособливают к ситуациям и используют люди самого разного возраста и различных социальных групп. Так, школьники, идя на экзамены, под-кладывают в обувь пятаки, надевают старые рубашки, под-торых им когда-то повезло, а их родителям рекомендуют в это время держать сжатые кулаки и ругать любимое чадо. Охранительными номерами считаются транспортные билеты со счастливыми номерами; по поверьям, также приносят удачу счастливые номера встречных машин и т.д.

ПРИЛОЖЕНИЕ

I

Заговоры от детских болезней Названия даются так, как называются знаками заговоров

Региональные черты наиболее значительно проявились в заговорах от детских болезней. Заботой матери о здоровье детей, любовью к ним можно объяснить значительный пласт диалектной лексики. На своем языке матери, в том числе, знахарки — матери, стремились донести до Матери Пресвятой Богородицы конкретные просьбы. С помощью диалектной речи приказывалось конкретным мифологическим существам покинуть ребенка и идти в определенное место. В местном говоре находились самые нужные, самые важные слова. Наиболее частотны глаголы: «пелиться», «диканиться», «сгалиться». Они соответственно означают: «пялить глаза», «вести себя подобно диким зверям или сумасшедшим», «смеяться», издеваться. На каком наречии говорили, на таком и просили.

Для зауральской традиции характерно пристальное внимание к названию всех оттенков возможной болезни. Русские заговоры тяготеют к конкретике, названию хвори. Однако для Зауралья показательно стремление охарактеризовать не только болезнь, но все ее типы. Если называется родимец, то перечисляются все двенадцать его разновидностей.

Сопоставление зауральской коллекции со сборниками других регионов позволяет говорить еще об одной особенностях зауральской традиции детских заговоров. В текстах края не широк круг «рати господней». Обращаются к Иоанна Златоуста, Марии Магдалины. Обращаются за помощью к Богородице, «Исусу Христу», Егорию, «анделям и арханделям», «Смоленской Божьей Матери», святому Пайтелеону.

Стойкими оказались все структурные типы текстов, в том числе и развитая «типовая модель» и поэтический мир.

Зауралье творчески подошло к сокровищнице заговоров: отобрано то, что важно, что соответствует местным условиям и потребностям. Записи последних десятилетий показывают, как заговоры откликаются на современность, «поселенность» (ежедневность). В частности, вводятся со-

временные названия болезней, что не разрушает основ жанра. Некоторые тексты испытали книжное воздействие.

Заговоры открыли талантливых носителей фольклора, готовых откликнуться на чужую боль.

Предложенная книга не могла осветить все вопросы своеобразия регионального бытования жанра. Но есть ма-

териалы, значит, будут новые исследования.

Наличие в крае заговоров не означает безоговорочную веру в них всех зауральцев.

Детские заговоры особенно показательны в плане двоверия. От язычества зауральцы не ушли. Сила традиции велика, так как заговариваются от болезни дети — крошки и продолжение рода. Отбросить слова прошлого казалось опасным. Однако и на Мать Богородицу возлагались надежды. Логика проста: мать не оставит в беде другую мать. Более пронизаны языческой мифологией заговоры от бессонницы. Христианские образы и мотивы входят в заговоры от родимца, уроков и испуга.

Заговоры от детских болезней дают возможность увидеть их бытование в крае, устойчивость и распространенность одних текстов, наличие изменений в других. Эта «тема» зауральцами рассматривается как достойная уважения. Заговоры охотно сказываются. Почти все знатоки их не считали нужным скрывать свои знания. Поэтому называются фамилии всех, от кого записывались «стайки». Тексты приводятся с теми комментариями, которые слышали собиратели. Неясные слова сохранены и даются со знаком вопроса.

На сон: Если у ребенка нет сна:

*Полусонница — полуденница,
Не галься, не диканься
Над работой Божьей (имя),
А галься и диканься
Над кошкой и собакой.
Аминь, аминь, аминь.*

Ребенка перекрестить. (Ф—88. С.112. Зап. ст. С.Ф.Лавриенко от Анастасии Николаевны Низовцевой, 1910г.р., с.Песчанка Щучанского района, 1988г.).

От полуночицы

До полуночи ребенок спит, а потом, как кто не дает ему покоя. Вот он корчится, вот кочевряжится. Пошли молоком и заговаривали.

К курам не ходили. Лечили на пороге. Посадят ребенка на порог и тихонько топором по спинке острием крест на крест рубят

(«Ильино—91». С.102. Зап. В.П.Федоровой от Зои Евтодьевны Гордиевских, 1907г.р., д. Ильино Шатровского района).

От полуночицы

В бане похлопывать веником по следышкам:

*Денная полуденница,
Ночная полуночица,
Не галься, не диканься
Над младенцем (имя).
Галься и диканься
Над банным парком
Шелковым веником*

(С—89 №67. Зап. от А.А.Овечкиной, д.Козлово Белозерского района, 1989г.).

На ревущего ребенка

Нужно вымыть все ложки и чашки (чистые), то есть все, какие есть в доме. Умыть водой ребенка и сказать:

*Как ложки спят,
Так и ты спи*

(ШР—84. С.19. Зап. ст. И.В.Агафоновой и Е.В.Бородулиной от И.В. Мехнина, 1916г.р., с.Терсюкское Шатровского района, 1984г.).

Ребятишек лечить, когда не спят

Заговаривают вечером на огонь в печке, держат огонь над ребенком, которого ставят на шесток или держат на руках, или у чела печки:

*Огонь да головня,
Серая кошка — от змеи.
Ночная полуночица,
Денная полуденница,
Не галься, не пьясья
Над младенцем (имя),
Пьясья и галься
Над мосточком,
Над хомуточком.*

*Тут тебе место,
Тут тебе дело. Аминь*
(ШР—84.С.72. Зап. ст. И.Ю. Поздняковой от А.Ф. Шитиковой, 1909 г.р., с.Терсюкское Шатровского района, 1984г.).

На ночь для ребенка, который беспокойно спит

Брали ребенка, ставили на шесток у печки пятками к печке, рисовали сажей крестики на пятках больного и приговаривали:

*Утренняя утренница,
Полуденная полудница,
Вечерняя вечерница,
Полночная полночница,
Не галься над младенцем (имя),
Галься над дымным окошком,
Над сажей. Аминь*

(Ф—86 №82, Зап.ст. М.И.Грачевой от матери — Анны Николаевны Осетровой, 1948г.р., д.Красный Бор Каргапольского района). В 70—е годы XX века лечила свою дочь — нашу будущую студентку. Дочь выучила материн заговор (20 лет).

От полночницы

Возьмешь ребенка, ножки направишь в цел, приговорить:

*Ночная полночница,
Денная полночница,
Не смейся, не галься
Над работой Анной,
А смейся и галься
Над черной сажей,
Над красным камнем. Аминь.*

(В—87. №471. Зап.ст.Л.Шемякиной от Аполинарии Порфирьевны Малетиной, 1903г.р., д. Малетино Куртамьшского района, 1987г.), Л.Шемякина заговор знает.

От полночницы

Возьмешь ребенка, подойдешь к печке, направишь ножки

в цел (припечек) и приговариваешь:

*Денная денница, ночная полночница,
Не галься над малым младенцем (имя),
А галься над белым выводом,
Над проходным окошком.Веки повеки,
До кончины долгого века.*

Потом дунь, плюнь.

(А—86. №306. Зап. ст. Л.В.Задориной от А.С.Барбашовой, 1901г.р., с. Репа Шумихинского района, 1986г.).

Чтобы ребенок не плакал и крепко спал

*Ночная полночница,
Денная полуденница,
Не галься, не диканься
Над рабом Божьим....,
А галься, диканься
Над огнем, над пламенем,
Над сажицей.*

Помазать сажей безымянный палец и крестить каждую ладошку, ступню и приговаривать в ладошки и ступни (Белозерское—82, №66. Записано ст. Б.Тлеуголеевой от Клавдии Афонасьевны Овечкиной, 1923, с. Ягодное, Белозерского района).

От полночницы

Заговаривать перед печкой на воду, умывать ребенка и поить перед сном:

*Ночная полночница,
Денная полночница.
Не смейся, не галься
Над работой Анной,
А смейся и галься
Над черной сажей,
Над красным камнем. Аминь.*

(В—87. №47. Зап. ст. Л.Шемякиной от Аполинарии Порфирьевны Малетиной, 1903г.р., д.Малетино Куртамьшского района, 1987).

Если ребенок не спит почками

Наговаривать перед печью на воду, умывать и поить:

Полуночна — полуночица,

Полуденна — полуденница,

Не галься, не нежься

Над работой Божьей (имя).

Пелься, нежься над жаром, над паром,

Над калеными углями,

Над мышинными детками,

Над гнилой колодой

(«Заговоры». №111. Зап.ст.Н.Логиновой от Анастасии Федоровны Гошевой, 1892г.р., Далматово, 1977г.).

От почницы

Когда дети ночью не спят:

Безымянный палец мажут сажей у печи. Ребенок де-
лает три шага. Под слова трижды помечают крестом след
ребенка:

Ночная ночница-полуночица,

Денная ночница-полуночица,

Не смейся над работом (ой) Божьим (ей)...

Смейся, галься

Над золой, над пеплом.

Сплюнуть три раза через плечо

(«Заговоры». №108. Зап. ст. Айджан Балтабаевой от
Жолниной Татьяны Алексеевны, 1924г.р., г. Курган, 1978).

От полуночицы

У печки стоять, взяв ребенка на руки, поставить сажей
крестики на пяточки. Самой перекреститься:

Лунная полуночица,

Денная полуденница,

Не пелься, не диканься

Над рабицей (имя).

Пелься, диканься

Над серым камнем,

Черной сажей. Аминь.

Повторить три раза, после каждого раза сплюнуть на —

лево (С—89.Т.1 №63. Зап.ст. Людмилой Овечкиной от
Феклы Федоровны Зотиной, 1924г.р. д.Зимица Белозерс—
кого района, 1989г.).

От полуночицы

Лечение маленького ребенка, когда он не спит ночью,
плачет. Наговаривают на воду, умывают ею ребенка и поят
перед сном:

Полуденница, полуночица,

Не внедряйся, не вселяйся

К рабице Божьей (имя)

В ноги, в подошвы,

Не зуди малого младенца,

Иди вселяйся, внедряйся

За темные леса,

Топучие болота, топучие грязи.

Там тебе есть место

Занятий.

Там и занимайся, там и внедряйся.

Аминь

(Ф—84. №34. Зап. от Анны Ксенофоновны Пераш—
ковой, с.Романово Белозерского р—на, 1984г.).

От бессонницы

Нужно растопить воск. Посадить больного на порог.
Через другие пороги в доме никому нельзя переступить.
Все присутствующие должны оставаться на местах. Чи—
тающий заговор идет к больному, ставит правую ногу на
порог и переливает жидкий воск в холодную воду над го—
ловой больного. После прочтения заговора лечащий чи—
тает молитву «Сон Богородицы» над той водой, в которую
лил воск. После этого дает попить эту воду больному. Он
должен умыться водой. Лекарка затем набирает воды в
рот и брызжет сначала на голову, грудь и спину больного.
После всего этого оставшаяся вода выливается под порог
(СФ—86. Тетр.1.Зап.ст.Евгенией Шаталовой от Е.Коло—
вой, 1911г.р., с.Рынки Петуховского района, 1986г.).

От бессоницы

Встану я, благославясь,
Пойду, перкрестясь,
Из дверей в двери,
Из ворот в ворота,
В чисто поле, в широко раздолье.
В чистом поле, в широком раздолье
Стоит море-океан.
На этом море стоит престол.
На этом престоле сидит
Матушка — Пресвятая Богородица.
Встану я к ней поближе,
Поклонюсь пониже:
- Матушка, Пресвятая Богородица,
Дай (имя) и здоровья,
Телесного здравия

(«Заговоры. №120. Зап. ст. Л. Мельниковой от Мавры
Аристарховны Колотиловой 1911г.р., п. Плановый Щучан-
ского района, 1990г.»).

На сон

Под подушку положить кусочек хлеба и говорить:
Дег Самсон, расскажи мне сон,
Куда поведешь рабицу Божию (имя) и с кем пове-
дешь?
Аминь, аминь, аминь
(Ф-89, №63. Зап.ст.Л.Тениной от Юли Афанасьевой, 6
лет, Курган, 1989г.)

Некоторые матери выучивали разные тексты от уроков.

А.Д.Глухих (1905г.р.) научила В.В. Гонцову (1953г.р.) в
1975 году двум разным «словам».

Первый:

Перекреститься. В чашке с водой сполоснуть три ложки
через дверную ручку. На воду наговаривать, умыть ре-
бенка, намочить ножки, ручки, головку, грудь и давать выпить:
С гоголя вода, с гоголицы вода,
С маленького младенца вся хубоба.

Вееные, нечистые духи,
Смойтесь, смологуйтесь,
Скатитесь, свалитесь
С маленького младенца
На матушку — сыру землю
Аминь

(«Заговоры». С.7, №13. Зап. В.П.Федоровой от В.В.Гон-
цовой 1955 г.р., с.Введенское Кетовского района, 1975г.)

Второй заговор:

Шептать над водой в чашке. Давать воду перед сном:

Матушка холодна ключева водица,
Не смывай, не ополаскивай
С крутых берегов желтый песок,
А смой, сплочи с маленького младенца
Уроки и переполохи,
Двенадцать родимцев,
Двенадцать худобишшов,
Все хворости и болести.
Аминь

(«Заговоры». С.7. №12).

Заговор от сглазу, от уроков

Матушка, быстрая река зачиналась с Востока и с Запа-
га, мыла и полоскала крутые берега, золотые пески. Так
же омывай и споласкивай со (имя) уроки и призоры, испуги
и переполохи, бессонницу и полуночницу. И смой, сплочи
с черных бровей и с седых очей, и с губ, и с зуб, с белого
тела и ретивого сердца.

Матушка Пресвятая Богородица, погойду поближе, по-
клонюсь пониже: «Пособи, помоги, сними с рабы Божьей
(имя) ехидки, притки, урочище, ухогобище, родимище, - с
ясных очей, с черных бровей, с белого лица, с костяной, с
темянной, внутренней, сердечной, позвоночной, мозговой,
с легких, печенки, селезенки. Раю господню, угомону, доб-
рого здоровья. Отныне и присно и во веки веков.
Аминь. Аминь, аминь.

Взять воды из церкви или из чистого колодца шесть ложек ополоснуть в ней, встряхнуть три раза на человека (женщину), незаметно плеснуть (Б-87. № 164 Зап.ст. М. Приходько от Надежды Михайловны Приходько, 1948г.р. Курган, 1987г.).

От испуга и уроков

Говорить на воду и умыть ею ребенка:

*Утренние зори-зарницы,
Красные девицы,
Не я вас вызываю,
Не я вас выкрикиваю,
Вызывает-выкликает вас
Мать Пресвятая Богородица,
Двенадцать испугов, двенадцать уроков
С младенца Андрея,
С ясных очей, с черных бровей,
С ретивого сердца, со всего корпуса.
Во мне быть-не бывать,
Сладкого мозга не сосать,
Кровь горячую не пивать.
Вас, двенадцать испугов,
Двенадцать уроков,
Идите туда, в поле,
В широкое раздолье.
Там, в поле, пейте, ешьте
И утешайтесь. Свят дух. Аминь*

(«Заговоры». №15. Зап. ст. В.В.Шатских от Анны Павловны Яковлевой, 1925г.р., Курган, 1983г.).

От испуга

Осторожно зачерпнуть ковшом речной воды, принесенной в любой посуде. Кладут из печи три горящих угля в ковш с водой, перекрещивают три раза воду и начинают шептать заговор:

*Матушка, ты вода, проточная река,
Моешь ты, полощешь крутые берега,
Смой, сплочи с раба Божьего (имя)
Все страхи и переполохи,*

*Урочища, озевеща, хитища, притища,
Щипотища и все родимцы:*

*Головной, роговой, сердечный,
Брюшной, ножной, буйный, натужный,
Не держитесь, не задерживайтесь
В рабе Божьем (имя).*

*Век повеки, отныне до веку веков. Аминь.
Будьте, мои слова, крепки и метки,
Крепче камня.*

Ключ — в море, язык — в гору. Аминь.

Снова три раза перекрещивают воду и затем умывают человека. А при сильном испуге отливают водой, то есть в воду выливают расплавленный воск или металл. («Заговоры». №74. Зап. ст. Александром Гладковым от Прасковьи Федоровны Гладковой, 1921г.р., Курган, 1970г.).

От испуга и урока

*Полуденно — полудница,
Полуношно — полунощница,
Не смейся, не галься
Наг рабицей Божьей (имя),
А смейся и галься наг черной сажей,
Наг белым чалом.
Утренняя заря Мария,
Вечерняя Маремьяна,
Век повеки, отныне и до веки,
Аминь, аминь, аминь.*

Наговаривается над водичкой, а потом ребенка умывают этой водой и разбрызгивают воду перед печкой («Заговоры», №84. Зап. ст. И.М. Ковалевой от Марии Гавриловны Исаевой в г. Куртамыше, 1972г.).

От испуга

Заговаривают на молодой месяц. Вынести ребенка во двор, глядя на молодой месяц, говорить:

*Как батюшко-месяц,
Ты нарожался,
Ты не пугался, не боялся,
Так бы рабе Божьей (имя)*

*Никого не бояться,
Не пугаться.
Во имя Отца и Сына
И святого Духа. Аминь*

(«Заговоры», №136. Зап. ст. Л.А. Морозовской от Надежды Павловны Распутиной, 1904г.р., 1974г.).

От урока и испуга

Первый заговор:

Три раза повторить, выполняя следующие действия: мать берет в рот теплую воду. Ребенок в это время находится у нее на руках. Голова его открыта. Мать изо рта воду выливает себе в ладонь, из ладони на свою голову, наклонив ее, чтобы вода скатывалась на голову ребенка. При этом повторить три раза:

*Сама мать родила,
Сама и пособила,
Уроки, призоры
Худобишша, родимки
Утолила. Аминь*

(«Белозерское — 82». С.23. Зап. Елены Лушниковой от Ульяны Дементьевны Мякишевой, 1907 г.р., с.Ягодное Белозерского района, 1982г.).

Второй заговор:

Его творят перед челом печки. Крестят сажей ладони и ступни больного, повторяя текст три раза:

*Ночная полуночица,
Денная полуденница,
Не галься, не диканься
Над рабом Божьем (имя),
А галься, диканься
Над пламенем, над сажницей. Аминь.*

От порчи, от дурного глаза, от уроков

В селе Балакуль Лебяжьевского района лечат этим заговором только «бабки» — целительницы. Их в селе знают и почитают. «Бабка» садится в истопленной бане на полоч,

кладет ребенка на колени и, взяв в правую руку березовый веник, парит ребенка и обмахивает «наотмашку» его. Текст повторяется трижды:

*Спаривайтесь, смахивайтесь.
Все уроки, переполохи,
Болезни, худые худобища,
С белого тела,
С ретивого сердца,
С ясных очей,
С черных бровей*

И с раба (рабицы) Божьего (имя ребенка). Аминь

(«Заговоры». С.58. Зап. ст. Т.А.Доможировой от Екатерины Михайловны Замираловой, 1911 г.р., с. Балакуль Лебяжьевского района, 1978г.).

От уроков и перепугов

Налить воды в банку и бросить в нее три уголька. Наговаривать у печки, перекрестившись:

*Первый уголек — от Истинного Христа,
Второй — от Пресвятой Богородицы,
Третий — от уроков, от переполохов.
Как этот уголек не боится ни уроков, ни переполохов,
Так бы раб Божий (имя) не боялся ни уроков, ни переполохов. Отныне до веки, вовек навеки.
Аминь.*

Повторить три раза. Перед сном умыть этой водой ребенка и дать ему попить (Ф — 85. С.73. Зап. ст. Л. Крашенниковой от Оксиньи Анфимовны Васильевой, 1903г.р., д. Малодубровное Половинского района, 1986г.).

От уроков, то есть от дурного глаза

Сначала наговаривают воду:

*Как эта чистая вода не знала ни уроков,
Ни дурного глаза,
Так и ты, раб божий (имя),
Не знай уроков и будь здоров.*

Затем нужно набрать воды в рот, перекусить ее три раза,

через дверную ручку лить себе в руку и умывать ребенка («Заговоры». №105. Зап. ст. Надеждой Петуховой от Александры Андреевны Козловой, 1910 г.р., д. Дубровное Куртамышского района, 1975г.).

От уроков

(для человека, птицы, скотины, для маленьких детей).
В глиняную чашку налить воду. Можно наговаривать и на дым: развести костер у чела печки и открыть дверь:

Вот стою я, раба Божья (имя),
Благословясь и перекрестясь.
Из ворот в ворота, из дверей в двери
Пойду я в восточную сторону.
В восточной стороне стоит
Матушка — Божья церква.
В этой матушке-церкве
Стоит престол,
За этим престолом сидит
Мать Пресвятая Богородица.
Подожду я к ней поближе,
Поклонюсь я ей пониже:
— Мать Пресвятая Богородица,
Помоги ты мне вычитать, выговаривать
Уроки и призоры
У раба Божьего (имя)
Из ясных очей, из черных бровей,
Из красных ягодиц,
Из крови горячей, из печени.
Чтобы раб божий (имя)
Не скорбел, не болел.
Век и повеки, отныне и довеки,
До кончины долготы века. Аминь

(А — 86. №249. Зап. В.П. Федоровой от ст. Л. Задориной, 20 лет, 1986г.).

От уроков

Стану я, рабица Анна,
Перекрестясь, благословясь.
Покупаюсь, поконаюсь
Рабице Божьей (имя больной).

Отлейтесь, все страсти и болести,
Худобищи, родимищи,
Все ветренные болезни.

Отлейтесь, все 12 родимцев:
Кровавые, мозговые, заболонные,
Суставочные, жиленые, соннучие,
Ревучие, дергучие, колючие,
Огнючие, костяные, липучие.

Отлейтесь!
И век повеки не отрыгайтесь.
Аминь.

Повторить три раза над чашкой с водой, в которую переливается растопленный воск. Все это делается над головой больного, который сидит на пороге или которого держат над порогом («Заговоры». №125. Зап. ст. Т.Г. Подсохиной от Агрипины Павловны Перегримовой, 1907г.р., с. Пионерское Макушинского района, 1975г. Сама А.П. в заговор не верит, к ней лечиться не ходят).

При уроках

Надо вымыть в воде три ложки и умыть им ребенку ручки, ножки, животик. Это должна сделать мать ребенка. После этого надо три раза дотронуться языком до лба ребенка и сплюнуть, сказать: «Кто породил, тот и полечил». (СФ — 86. №188. Зап. ст. Ел. Ноздриной от А.И. Шориной, 90 лет, с. Мартыновка Сафакулевского района., 1986г.).

От уроков

Больного садят на пороге, над его головой надо растопить воск в чашке и переливать в ковш с водой, и приговаривать:

Стану я, рабица (ф.и.), перекрестясь, благославясь. Покупаясь, поканаясь рабице Божьей (ф.и. больного). Отлейтесь, все страсти и болести, худобищи, родимищи, все ветренные болезни, кровавые, мозговые, заболонные, суставочные, жиленые, соннучие, ревучие, дергучие, колючие,

огнющие, костяные, шипучие. Отлегайтесь! И век повеки не отливайтесь! Аминь.

Весь текст повторить трижды. («Заговоры». №126. Зап. ст. Т.Подсохоной от Агрипины Павловны Перегримовой 1907г.р., с. Пионерское Макушинского р — на, 1975г.).

От уроков

Я, рабица Божья (имя), принимаюсь за младенца (имя). Господи Иисусе Христе и Сыне Батюшка Истинный Христос, и Матушка Пресвятая Богородица, пособите мне и помогите мне утолить хворости, болести у младенца (имя).

Я, рабица Божья (имя), выгоняю из буйной головы, из ясных очей, из частых ресниц, из печени, горячей крови, ретивого сердца, изо всего стану человеческого, направляю на сон, на угомон, на великое здоровье.

Ветренны уроки, внутренны уроки, ломучи уроки, тягучи уроки, костовые уроки. От зевотища, от тяготища, чур мои думы, чур помышления, от ходой думы, от мужа, от мужной жены, от черного, от червоного, от косозубого, от глиннозубого, от черноглазого, от белоглазого, от двоуженого, от проезжего, от бабы- самокрутки, от девки -пустоголовки. Кто подумал, я отдуну, то поглядел, тот окривел. Будьте, мои слова, все сполна крепки и лепки. Чтобы хворучи, крепче камня и булата, и булатного ножа. Чтобы хворести, болести все сном проходили, есть бы заедала, спать бы засыпала. Будьте, мои слова, все сполна отньине и довеку, от земли и до небу, от востока и до запада.

Три раза читать над водой, потом умыть этой водой ребенка (Б — 90(4). С.76 — 77. Зап. В.П.Федоровой от Таисьи Андреевны Нагибиной, 1910г.р., Нижняя Алабуга Прито — большого района, 1988г.).

От урока

«Раскипятить» на углях воск, вылить его из ложки в холодную воду над головой ребенка. Текст повторить три раза:

Разливается, выливается
Раба Божья (имя)
С семьдесят семь суставов,
С белого тельца,
С буйной головушки,
С ручек, с ножек,
С ретивого сердца,
С карих очей.
Выйди, двенадцать родимцев,
Из раба Божьего (имя).
Аминь

(«Заговоры». № 3. Зап. ст. Т.П. Лопухиной от З.Аф. Соколовой, 1902г.р., Курган, 1977г.).

От глаза

Заговаривают на воду «с ложек». Умыть и напоить ребенка:

Стану я, рабица Божья (имя),
Перекрестясь, благословясь,
Из дверей в двери,
Из ворот в ворота во степную сторону.
Там сидит на престоле
Мать Пресвятая Богородица.
Смой, сплочи с младенца (имя)
Уроки, переполохи,
Скорбишиши, худобишиши
С белого тела, с ретивого сердца,
С ясных очей, с черных бровей,
С алых ягодиц.
Будьте же вы, мои слова,
Крепки и лепки.
Крепче булатного ножа.
И ныне, и присно, и во веки веков.
Аминь

(«Заговоры». №99 Зап. ст. Татьяной Ал. Асимоловой от Пелагеи Макаровны Макаровой, 78 лет, с. Житниково Каргапольского района, 1982г.).

От глазов

Набрать в рот воды, «перекусить» ее зубами, сбрызнуть ребенка. Вместе с текстом действия повторить три раза:
Вечерняя зарница, красная девица,

Вода-голубица.

*Смой, сплочи все уроки-переполохи
С раба Божьего (имя, отчество),
С белого тела, ретивого сердца,
С ясных очей, со всех печеней. Аминь*

(«Заговоры». №102. Зап. ст. Р.Киселевой от Марии Вар-
фоломеевны Тарковой, 75 лет, Курган, 1978г.).

От уроков

Первый заговор.

Сначала крестятся. Наговорить на воду у печки или,
сполоснув в воде ложки, проносят их через дверную ручку.
Заговор творится матерью в любое время суток:

*Пойду я в чисто поле,
В чистом поле стоит
Матушка Скорбящая Богородица.
Держит она своего сына*

*Возлюбленного.
Купат, умывают
Скорбищи, болезни,
Щекотье, молотье,
Худобы, уроки,
Ветренны болезни,
Родимцы, испуги,
Переломы. Аминь, аминь, аминь.*

(«Заговоры». С. 59. № 87. Зап. ст. Н.Ботовой от Н.Н.
Осинцевой, ст. Кособродск, 1983г.).

Второй заговор:

Наговаривают воду у печки или «с ложек». Ребенка
умывают так: сначала — умывают лицо, потом наносят воду
на темечко, животик и ножки. Оставшуюся воду вылива-
ют за порог, чтобы нечистая сила ушла из дома:

*Приворот, скорби, уроки,
Не мучьте, не терзайте
Младенца (имя).
Аминь, аминь. Аминь*

От уроков

Нужно в бане, ополаскивая водой, приговаривать:
*Во имя Отца и Сына и Святого Духа.
Смой, сплочи все скорби и болезни,
Все уроки и призоры с рабицы Божьей Дарьи:
Из белого тела, из ретивого сердца,
Из ясных очей, из черных бровей,
Из ярого мозгу, из семьдесяти семи жил,
Из семьдесят семь суставов.
Будьте, мои слова, крепки, лепки,
Крепче, лепче, острей острого ножа. Аминь*
(А-88. №253. Зап. ст. Э. Корепиной от Анны Кирил-
ловны Корепиной, 1912 г.р., Мишкино, 1988г.).

От уроков и от испуга

*Умывать водичкой и приговаривать:
Встаю я, раба Божия, благословесь,
Пойду я, перекрестесь,
Из дверей в двери, из ворот в ворота,
Под утреннюю зарю Марью,
Под вечернюю Маремьяну,
Под красно солнце, под свежий месяц,
Подо всею луну господню,
К синю океану- морю.
Пойду я к нему поближе,
Поклонюсь пониже:*

*-Как с тебя, синее море,
Пену бьет, избивает, не оставляет,
Так бы и я с млада Ивана
Била-сбивала, не оставляла
Все хворости, боясти, болести,
Уроки, призоры, переполохи.*

*Шепотище, ломотище,
Позевотище, озевище, худобище
С его белого тела, с ретивого сердца,
С легкого, печени, с крови горячей,
С семидясети семи жилочек,
С семидясети семи суставчиков,
С его буйной головы,
С черных бровей, с ясных очей*

(А-87. С. 18. Зап. от Федоры Агеевны Сединкиной
1915 г.р., с. Шелепово, Мокроусовского р-на, 1987г.).

От уроков

Не я тебя выкликаваю,
Не я тебя вызываю.
Выкликает тебя Пресвятая Мать.
Со всех костей, со всех мастей,
Со всех жил,
От черного глаза, белого глаза,
От радостного, от ненавистного,
От поперечного,
От чужого часу,
Скорби-болезни, совалитесь
От дитя моего (имя ребенка),
Уйдите за синие моря,
За желтые пески.
Там вам быть, там вам быть

(А-92. С.168. Зап. ст. С. Судаковой от Нади Полян-
ской, 1968г.р., г. Курган, 1992г.).

От уроков

Заговаривают воду и умывают ребенка. Сначала крепятся. Пред печкой или, ополоснув ложку через дверную ручку, приготавливают воду. В любое время суток, как ребенок плачет:

В чистом поле стоит матушка Скорбящая Богородица.
Держит она своего сына возлюбленного.
Купаю, умываю, скорбищи, болезни, щекотенья,
Ломотенья, худобы, уроки, ветренные болезни,
Родимцы, испуги, переломы.
Аминь. Аминь. Аминь.

Текст повторить три раза («Заговоры». №83. Зап. ст. Натальей Ботовой от Н.Н. Осинцевой, Кособродск, 1983г.).

От уроков

Заговаривают у чела печки воду и потом этой водой умывают ребенка: сначала смочат темечко, затем животик и ножки. Воду выливают за порог, чтобы «нечистая сила» ушла из дома:

Приворот, скорби, уроки,

Не мучьте, не терзайте
Младенца (имя).

Аминь, аминь, аминь
 («Заговоры». №87. Зап. Натальей Ботовой от Н.Н. Осинцевой, Кособродск, 1983г.).

От уроков

Наговаривать на воду, умыть и дать попить:

Отче наше зажееси на небеси,
Да светится имя твое,
Да будет царство твое,
И будет воля твоя.
Освети, Господи, человеку, рабу Божьему,
Чтобы он не болел никакой болезни

(«Заговоры». №97 Зап. ст. Л. Чагочкиной от Ирины Степановны Афанасьевой 1892 г.р., г. Курган, 1975г.).

От уроков

Полуденная полуденница,
Ночная полуночница,
С ветра пришла,
На ветер пойдя,
С воды пришла,
На мир пойдя.
Будьте, мои слова,
Крепки и липки,
Крепче камня,
Булатного ножа.

Как этот булат не тупился,
Так и слова не портились бы
 («Заговоры». №117. Зап. ст. Л. Мельниковой от Мав-
ры Аристарховны Колотиловой, 1911г.р., пос. Плановый
Щучанского р-на, 1990г.).

От уроков

Наговаривать на воду и поить ребенка:

Встану я, рабица (имя)
Встану, благославясь, пойдя, перекрестясь,
Из дверей к двери, в чистое поле

К океану-море.
 На океане-море — белый камень.
 На белом камне стоит матушка
 Апостольская церковь.
 В этой церкви стоит престол.
 За этим престолом стоит
 Матушка Пресвятая Богородица,
 Держит истинного Христа.
 Тело святое пеленат,
 Шелковы пелены расстилают.
 Подойду я к вам поближе,
 Поклонюсь я вам пониже:
 - Матушка Пречиста, Пресвята Богородица,
 Утолите, усыпите младенца (имя)
 Уроки, призоры, страсти, переполохи,
 Всякие скорби, болезни,
 Шепотище, ломотище, позевотище, потяготины,
 Семнадцать родимцев, семнадцать худобинцев;
 Плакучей, герущей, мозговой, рожегущей,
 Поясничной, грыжовой, утин, усьян.
 При утренней заре Марии,
 При вечерней Маремьяне,
 При дне и ночи в 24 часа.
 Будьте, мои слова, крепки и лепки,
 Крепче камня, крепче булата,
 Крепче вострого ножа

(Д-87, №486. Зап. ст. Е. Серовой от Марины Василь-
 евны Корюиной 1927 г.р., д. Говорухино Белозерского р-
 на, 1987г.)

От уроков

Наговаривать на воду:
 Стою я, рабица Божья, благославясь, перкрестясь
 Умоюсь я ключевой водой,
 Утрюсь рубцовым полотном,
 Пойду я из дверей в двери, из ворот в ворота
 В восточную сторону.
 В восточной стороне стоит океан-море,
 Стоит соборна Божья церква.
 В этой соборной Божьей церкви
 Стоит злат-престол.

На этом злате-престоле
 Спала и ночевала Мать Пресвятая Богородица.
 Подойду я, рабица, поближе,
 Поклонюсь я пониже:
 - Матушка Пречиста, Пресвята Богородица,
 Пособи мне и помоги мне
 Наговорить на раба Божья младенца.
 Чтобы не притчилось, не урочилось,
 Не пугалось, не полохалось,
 С ясных очей, с лесистых ресниц,
 Со всего стану человеческого,
 С раба Божьего младенца
 Вода — на землю,
 Уроки переполохи - скрозь земли.
 Будьте, мои слова, крепки и лепки.
 Крепче и лепче камня булатного,
 Крепче и лепче воды ключевой.
 Исполнитесь, мои слова, исполна-исполна.
 Которые я говорила, которые не заговаривала.
 Век по веку, отныне и до век. Аминь

(«Заговоры». №104. Зап. ст. Л.М. Тишковой от А.Т.
 Алексеевой, 1914 г.р., г. Курган, 1975г.)

От дурного глаза

Во матушке во сырой земле лежит Агамова голова. Она
 не знает ни уроков, ни призоров. Так бы моя Анна ни уро-
 ков, ни призоров не знала. Во имя Отца и Сына и Святого
 Духа. Аминь (В-87. №471. Зап. ст. Л. Шемякиной от пра-
 бабушки Аполинарии Порфирьевны Малетиной, 1903г.р., д.
 Малетино Куртамьшского р-на, 1987г. Л. Шемякина знает
 заговор сама (18 лет).

От дурного глаза, от уроков

Наговаривать на воду, умывать ребенка и поить:
 Матушка — водичка,
 Как ты моешь, полощешь
 Крутые берега, желтые пески,
 Так смой, сплочи с рабы Божьей (имя)
 Все уроки, прироки,

Уломотища, потяготища. Аминь
(Ф-86. №72. Выучила ст. Г.Л. Лоскутникова (18 лет) от
Г.Л. Лазаревой, с. Чаши Каргапольского р-на, 1986г.).

От испуга, от урока

Наговаривается на углях, которые опускают в чашку с
водой:

*Стану я, рабица Божья Ирина, благославясь,
Пойду, перекрестясь, из дверей в двери,
Из ворот в ворота в восточную сторону, — Ма-
ремьяну,
Под утреннюю зарю Марию, под вечернюю — Ма-
ремьяну,
Под красное солнце, под светел месяц,
Под частые звезды.
Первый уголек - от уроков,
Другой — от переполохов,
Третий — от ломотища,
Пятый — от озевуца,
Шестой от худобища.
Аминь.*

(А-90. С. №549. Зап. В.П. Федоровой от Ирины Мен-
шиковой (20 лет), с. Шмаково Кетовского р-на, 1990г. Она
выучила от бабушки — М.И. Меншиковой).

От уроков

Перкреститься, налить воды в чашку. Через дверную
ручку ложки (три) сполоснуть, умыть ребенка:
*С гоголя вода, с гоголицы вода,
С маленького младенца вся худоба.
Сенные, нечистые духи, смойтесь, сполощитесь,
Скатитесь, свалились с маленького младенца
На матушку сыру землю. Аминь*
(«Заговоры». №13 Зап. ст. В.В. Гонцовой от А.Д. Глу-
хих, 1905 г.р., ст. Введенское, 1975г.).

От уроков

Шепчут у печки над водой, которой перед сном умы-
вают младенца:

*Матушка холодна ключева водица,
Не смывай, не ополаскивай, берега,
А смой, сполощи с маленького младенца ...
Уроки и переполохи,
12 родимцев, 12 худобищев,
Все хворости и болести.
Аминь*

(«Заговоры». №12. Зап. ст. В.В. Гонцовой от А.Д. Глухих
1905 г.р., ст. Введенское, 1975г.).

От уроков

Стала рабица Божья (имя), благославясь и перекрестясь.
Из дверей в двери, из ворот в ворота пойду на океан-
святое море. На океан — святом море - стоит Треков дуб,
на нем сидит орел-птица: очи медные, нос железный. Как
ее не берет ни дождь, ни вода, ни утренняя матушка-
заря, так бы рабу Божью- младенца ... - не брали уроки-
переполохи, хитки-притки, щипотищи, ломотищи, потя-
готищи, скорби, болезни. Не скорбели бы, не болели бы,
исходили да истекали из семи семидесяти костей, из буй-
ной головы, из суставов, из русых волос. Век по веки веков.
Аминь.

Наливают воды в стакан, произносят над ней заговор.
Подают пить, умывают, опрыскивают живот и спину.
(Зап. от Анны Афанасьевны Муратовой, 1907г.р., с.
Дубровное Лебяжье-вского р-на, 1972г.).

От уроков

*Встану я, рабица Божья (имя), благославясь,
Пойду перекрестясь,
Из дверей в двери, из ворот в ворота
В чистое поле, в широкое раздолье.
- Пресвятая Богородица, Матушка царица небес-
ная,
Батюшко Исус Христос,
Подойду я к вам поближе,
Покорюсь, поклонюсь пониже.
Есть двенадцать родимцев, двенадцать испугов,*

Двенадцать уроков, потяготов,
Остроков (грыжу, бессоницу, урость, рев).
С белой груди, с ретивого сердца,
С печень господних, стрекущих сглазов,
С разборчатых волос,
Со всею младенческого корпуса младенца Божьего
(имя).

Во веки веков. Аминь. Аминь. Аминь.
Заговор: Будьте, мои слова, крепки, целки,
Крепче камня дикого,
Вострей ножа булатного,
Липучей репья липучего.
Аминь, аминь, аминь.

Заговаривают воду, нож кладут под ноги ребенка, умы-
вают этой водой. (С-91. №116. Зап. ст. Т. Алексеевой
от своей бабушки Анастасии Федоровны Алексеевой, 1915
г.р., р.п. Варгаши, 1990г.).

От испуга и уроков

Нужно взять сосуд с водой (или бутылку, или стакан).
Встать около печи, прям цала и, омолясь, начинать нагова-
ривать:

Господи меня благослови.
Стану я, рабица Божья Мария, благославясь,
Пойду я, перекрестясь, из дверей в двери,
Из ворот в ворота на океан-море.
На океан-море стоит стол,
Стоит престол с архангелами
И с Пресвятой самой Девой Марией.
Я, рабица Божья Мария,
Подойду к ним поближе,
Поклонюсь понижее,
Поклонюсь и покорюсь, и покучусь:
- Утушите, утулите у рабицы Божьей Анны
Страхи, переполохи, уроки,
Щипоты, ломоты, позевоты.
Из белого тела, из ретивого из сердца,
Из ясных очей, из темных бровей,
Из семидесяти жил, из семидесяти суставов.
Из косточек, из жилочек, из ноженек,
Из буйной головы и со всего стану человеческого.

Сокатитесь, совалитесь, двенадцать родимцев,
Двенадцать недоимцев,
Двенадцать худых худобей:
Родимец палючий, ревучий, тягучий,
Мозговой, костовой, зубной, головной,
Ревучий, тягучий, морозучий,
Пагучий, хохотучий
Со всего стану человеческого.

Кое я, рабица Божья Мария, слово не договорила, друго
переговорила. Все будьте, мои слова, крепки, лепки, креп-
че, лепче. Язык мой — замок. Аминь.

Иногда Татьяна Егоровна кладет в сосуд уголек. Если
он всплывает, то значит, человек выздоровеет, если нет, то
умрет. Если лекарка наговаривает на воду двум людям, то,
наговаривая другому человеку, она должна уйти в другую
комнату. Деньги не принимает, говоря: «Если будете по-
давать, то я вообще лечить не буду». Но от подарков не
отказывается, так как считает, что, если больной ничего не
подарит, то ему легче не будет. Бутылку или банку с водой
надо обязательно плотно закрывать. Человеку, несущему
этот сосуд, нужно обязательно ступать правой ногой на
порог. Больному дается выпить три глотка, затем он дол-
жен помочить голову, умыться, помочить руки, ноги, около
сердца. Если эту процедуру делает сама лекарка или боль-
ной умывается в ее присутствии, то она говорит: «Из руче-
нек, из ноженек, из буйной головушки, из ясных очей, из
черных бровей». Если вода остается, то ею лучше полить
комнатные растения, говоря:

С камня пришла, на камень пойди,
С моря пришла, на море пойди,
С востока пришла, на восток пойди

(«Заговоры». №83. Зап.ст. А.В. Обаниной от свекрови
Татьяны Егоровны Обаниной 1916 г.р., А. Малетино Кур-
тамышского р-на, 1984г.).

От родимца

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Принимаюсь я, рабица (имя), за младенца (имя ребенка). Первый уголек урочный, второй переполошный, третий родимичный, отзыватьный потягательный. Начинаю я, рабица Божья (имя), за младенца. Истинный Христос и Пресвятая Матушка Богородица и все святые, и архангелы, пособите мне, рабице, помогите удушить хворости и болезни. Я, рабица Божья (имя), выгоняю из буйной головы, из частых ресниц, из ретивого сердца, печени и горячей крови 77 родимцев, 77 худобицев. Жгучий родимец, деручий родимец, костовой родимец, мозговой родимец, опухной родимец, черный родимец, месячный родимец, расслабительный родимец. Батюшка гостинный Христос и Матушка Пресвятая Богородица, приступитесь к младенцу (имя ребенка). Я, рабица Божья (имя), выгоняю своим наговором из костей, из мозгов, из поев, из суставов, изо всех членов, изо всего стана человеческого, направляю на сон, на угон, на великое здорovie. Хворости-болезни сном проходились бы. Будьте, мои слова, все сломна крепки и лепки, пагучи, бродучи, крепче камня, вечерняя заря Маремьяна чудыхает, изгорает. Все святые отцы-матери перекрестятся, все ангелы и архангелы, херувимы и серафимы, вся сила небесная, приступитесь к младенцу (имя ребенка).

Наговаривают на воду (Б — 90. С. 78. Зап. ст. Т. Мироновой от Таисьи Андреевны Нагибиной, 1910 г.р.) с Нижняя Алабуга Притобольного р — на, 1988г.).

От родимца

Стану я, рабиса ..., благославесь, пойду перекрестись из дверей во двери, из ворот в ворота под красно солнышко, под светел месяц, под часты звезды к золотому престолу. На золотом престоле сидит Мать Пресвятая Богородица, гует-сдувает с синего моря морскую пену. Подойду я, рабиса ..., поближе, поклонюсь пониже Матушке Святой Смоленской Богородице: «Не дууй, не сдувай с синего

моря морскую пену, а сдууй, смой, сполощи с рабисы ... страхи переполохи, родимцы, худые худобы, скорби, болезни, щипотище, ломотище, одумище, озевище, оглядище, от всякого слова, лихого человека, от нечистого глаза, от поганного зуба. Сохните-посыхайте, тухните-потухайте, двенадцать родимцев, двенадцать худобищев, двенадцать чахотинцев, нутряной родимец, костяной родимец, западной родимец, ветренной родимец, заболонный родимец, ревучий родимец, колючий родимец, шатучий родимец, дергучий родимец, нервный родимец. Все сохните-посыхайте, все тухните-потухайте, все чахните-исчезайте. С матушкой ключевой водой катитесь-скатывайтесь в матушку-сыру землю войдите, иссохните, исчезайте, изомлейте. Будьте, слова мои, ходки и бродки, крепче камня и булатного ножа. Аминь.

Наговаривать на воду и поить больного (А — 86, № 8. Зап. ст. Е. Демидовой от Н.В. Демидовой, 1941 г.р., Курган, 1986г.).

От родимца, уроков и т.д.

Стану я, рабица Божья (имя читающего,) благославясь, пойду, перекрестясь, из дверей в двери, из ворот в ворота в восточную сторону под часты звезды, под черное небо. Сей день твой, сей день мой, есть во дню любимый час; возрадуются, возвеселятся звери и птицы, звери и птицы и рабы-рабицы.

На море, на океане от Божьей церкви на святой горе стоит золотой престол, а на золотом престолу сидит Мать Пресвятая Богородица. Приходил к Матери Пресвятой Богородице всеистинный Христос, сам Исус Христос, я видела про тебя сон Христос. «Всеистинный Христос, я видела про тебя сон чудный и страшный. Якобы тебя распяли в Русе, в нозе гвозди вколочати, бока твои протыкавши, горячую кровь проливали. Который раб молитву знает, по три раза в

день читает, тот будет раб спасен и помилован от 12 уроков, от 12 переполохов, 12 родимцев. Так же бы была рабица Божья (имя больного) спасена, помилована от лесного заблуждения, от лихого потопления и от зла — лихого человека, от материной гумы, от отцова помысления, от девки-самокрутки, от бабы-пустоволоски. Исполни, мои други, мои слова в переговорах и недоговорах. Будьте, крепче слова, все исполнены, крепки и лепки, крепче камню, крепче стребулату, крепче стального укладу, крепче заморского меча. Запру эти слова 12 ключами, 12 замками, спущу я эти слова в сине море, щуке-белуге. «Щука-белуга, сглони мои ключи от 12 уроков, от 12 переполохов, от 12 родимцев, от 12 хворей и 12 болей. Дай, восподи, рабице Божьей (имя больного) доброго здоровья, великого дыхания. Из буйной главы, из ретивого сердца, из 70 жил, из 70 суставов, из - под пятной жилы, из-под хребтевой. Щука-белуга, выщипли, выбери 12 болезней, 12 родимцев, 12 переполохов, 12 уроков, 12 хворей, 12 болей из рабицы Божьей (имя) и иги в сине море, а рабице Божьей (имя) давай доброго здоровья, великого дыхания. Спала бы она-почивала при утренней заре, и при красном солнце, и при светлом месяце».

Читай молитву на воду перед иконой, крестясь. Перпивнуть 3 раза и умыть ею ребенка, приговаривая: Перпивная чаша — от Воспода Бога, вторая — от Пресвятой Богородицы, третья — от уроков, от призоров, от родимого родимцу, чтобы тело бело не болело, кости не мозжали, с гуся вода, с лебедя вода, с рабицы Божьей (имя) вся худоба, все худые дела, все уроки, призоры, переполохи, болезни ветряенные, денные и пороговые. Вода скатилась, худоба свалилась. Век по веки, отнынъ довеки. Аминь.

Спасибо не говорят, денег не берут. («Заговоры». №101. Списала для себя ст. Т. Стрекаловских от Анастасии Ивановны Киселевой, 1902г.р., Шумихинский район, 1975г.).

От испуга

Заговор нужно прочитать, обращаясь к воде. Затем за —

жечь 3 спички, отдельно друг от друга, спустить в воду. Умыть ребенка, а остальную вылить наотмашь:

Отче небесный, отче насущный. Да освятится имя твое, да будет воля твоя, как на небе, так и на земле. Хлеб наш насущный дай нам, Бог, на сей день и прости нам наши гани, как мы прощаем должникам нашим. Введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого. Да будет воля твоя и сила во веки веков. Аминь, аминь, аминь

(С-89 (т.1). №3846. Зап.ст. Ев. Мегведевой от Марии Григорьевны Алпеевой, 1920 г.р., с. Сухмень Половинского района, 1988г.).

От испуга

Стою рабица Божья (имя).
Из дверей в двери, из ворот в ворота
В чистое поле, в широкое раздолье
Под светлым солнцем, под светлым месяцем
Я иду к морю-океану.
На море, на океане, на острове Лукояне
Стоял дуб.
У этого дуба стоит 12 стульев и столов.
Столы губовые, скатерти накладные.
Там сидело 12 девиц — родных сестриц.
Сидели они голос в голос,
Волос в волос, жила в жилу.
-И что же вы, девицы,
Ночеваете и за собой вы дела не знаете?
-Мы спали, ночевали
И за собой мы дела знали.
Выйдите, выступите, хворости и боясти,
Из малого млагенца (имя) сами.
Не выйдете, не выступите, пошлю я
Ангела с крестом и Микулушку с копьем,
Разрублю я вас, рассеку я вас
По чистому полю.
Выйдете, выступите, поколь я вижу,
Поколь я слышу.
Будьте, слова мои, крепки.
Во имя Отца и Сына и Святого Духа.
Аминь!

(А-86. №10 Зап. М. Пестовой от Клавдии Васильевны Карповой 1910г.р., с. Хохлы Щумихинского р-на, 1986г.).

От испуга

Встану я, благославлясь,
Выйду я, перекрестясь,
Из дверей в двери, из ворот в ворота,
На восточную сторону.
На восточной стороне стоит
Матушка- соборна апостольска церковь.
Я, раба, прийду, поклонюсь, помолюсь,
Попрошу МатушкуПречистую
Пресвятую Богородицу:
- Матушка Пресвятая Пречистая Богородица,
у меня есть рабца (имя),
у нее есть скорби, болезни, испуги, уроки,
Призоры, позевоты, щипоты, ломоты,
Огумица, озевница, хитки, притки
В белом теле, в ретивом сердце,
В ясных очах, в черных бровях.
Матушка Пречистая Пресвятая Богородица,
Притиши, притуши все скорби и болезни.
Матушка быстрая святая вода протекала,
Споласкивала круты берега, желты пески.
Смой, сплочи с рабицы (имя)
Все скорби, болезни от отца, от матери,
От роду, от племени,
От мужика, от еретика, от конного, от пешего,
От черного, от черемного.
От девки-самокрутки, от бабы-пустоволоски,
От поганой дикой некрести.
Матушка святая вода протекала,
Споласкивала круты берега.
Смой сплочи все скорби, болезни.
Во имя Отца и Сына и Святого Духа, Аминь.
Будьте, мои словеса, крепки,
Наговоры, липки, язык — мой ключ.
Запрусь, замкнусь, отнесу ключи, на океан море,
Брошу ключи в морскую глубину,
Где свет не святой, птица не летает.
На веки веков. Аминь.
Притиши, притуши,

Матушка Пречистая Пресвятая Богородица,
Все скорби болезни у рабы Божьей ...
Навеки веков аминь, навеки веков аминь,
Аминь, аминь. Святая молитва, аминь
(С-92. с.207. Зап. В.П. Федоровой и ст. О. Кондало-
вой от Елены Карповны Зайцевой, 1909г.р., с. Звериного-
ловское, 1992г.).

От испуга

Стану, благославлясь,
Пойду, перекрестясь,
Из дверей в двери,
Из ворот в ворота
Пог восток, пог запаг,
Пог красное солнце,
Пог частые звезды к океану — морю.
На океане море есть остров.
Там стоит свята апосточка церква,
Стоит стол. На престоле
Сам Иисус Христос,
Матушка Богородица
Со ангелами, со архангелами.
Пойду поближе, поклонюсь пониже:
-Как ты секешь, рубишь,
Златой камень
Не секется,
Не рубится, не крошится,
Так рабой Божьей (имя)
Не шипело, не ломило,
Ни уроки, ни прозор,
Ни переполоха.
Тишинны рогимцы сорвать
И в море бросать.
В синем море ждет щука-белуга,
Зубы железны, глаза проворожны.
Я тебе, щука-белуга,
Покорюсь и помолюсь:
-Не схватывай, не сглатывай
В морскую глубину.
Схвати, сглоти с рабы Божьей (имя)
Уроки, призоры, страхи, переполохи,
Все худобы с буйной головы,

Из печени, крови горячей,
Из 77 жил, из 77 суставов,
Из всего человеческого стану.
Сохли — иссыхали, исчезали, не отрастали.
При младом месяцу,
При младых ярких цветах
Отговаривай с рабы Божьей (имя)
От белого, от русого, от троеженого,
От встречного, от поперечного,
От бабы — самокрутки,
От слов, которые говорены, не говорены,
С зага на заге, с серега на середе,
Замок в гору, а ключ в море.

(«Кодское» — 87». С. 10 Зап. В.П. Федоровой, ст. О.
Мамонтовой от Анны Васильевны Коваленко 1902 г.р., с.
Кодское Шатровского р — на, 1987г.).

От испуга

Наговаривают на воду, умывают, и поят:
Как матушка ключевая вода моет, плещет круты бере-
га, желтые пески выполаскивает, так вымой, выполощи у
раба Божьего худобу, уроки, страхи, переполохи. Будьте,
мои слова, крепки, емки, тверже камня, емче лютого зе-
лья. Свои слова на замок запру, ключ в море опущу. Отныне
не доведу. Аминь

(Ф — 84. №35. Зап. от Анны Ксенофантовны Пераш-
ковой, с. Романово Белозерского р — на, 1984г.).

От испуга

Стану я, рабица Божья (имя), благославясь,
Пойду, перекрестясь, из дверей во двери,
Из ворот в ворота в восточную сторону
Под утреннюю зарю Маршо,
Под вечернюю зарю Маремьяну,
Под красное солнце, под светел месяц,
Под частые звезды.
Пойду я к острову.
На этом острове 12 церквей.
Во 12 церквях — 12 престолов.

На 12 престолах — Матушка Пресвятая Богоро-
дица.

Пойду я к Пресвятой Богородице,
Покорюсь и преклонюсь об рабе Божьей Екате-
рине.

Попрошу ей доброго здоровья.

Пресвятая Богородица спала и не спала,
Много во сне видела

Про своего сына милого,

Про Христа — царя небесного.

В святе и граде, на горе, на росстане

Жидовья Христа пиловали,

Руки-ноги гвоздем прибивали,

Ретивое сердце жезлом протыкали,

Святую кровь опускали.

Охаркали, оплевали, в гроб положили.

Истинный Христос воскресся, на небеса вознесся,

Мать свою величает:

- Мать ты моя возлюбленная,

Мне твой сон приглянулся,

Мне твой сон полюбился,

Слаще он меду,

Слаще всяких виноградных лоз.

Спишу этот сон

На тонку вербную бумагу.

Кто этот сон будет знать,

У себя в дому держать,

По три раза на день читать,

Друга-недруга научать,

Тот раб будет спасен,

Сохранен и помилован.

Будьте, мои слова, крепки и липки,

Ходки и емки.

Отныне и доведу, вовеки и повеку. Аминь

(А — 90. №550. Зап. от Федоры Агеевны Сединкиной
1915 г.р., с. Шелепово Мокроусовского р — на, 1987г.).

От черного глаза

(Действие гипноза на человека).

Наговаривать на воду, поить больного:

На синем море стоял дуб,

На том дубу 12 коготков (сучьев),

На тех коготках по 12 веточек,
На тех веточках лежали три дощечки,
На тех дощечках сидели три пана,
Они не умели ни писать, ни читать,
Только уроки и пристреки выговаривать:
Потешные, посмешные, урочные, пристречные,
Папины, мамыны, дедовы, бабины,
Женские, девичьи, мужицкие,
Пог чепец — женские, пог венец — девичьи.
Выходите с костей, выходите с мощей,
С суставчиков, с пальчиков,
С черных печенец.

Если не выйдете, мы вас сошлем
На широкие моря, на крутые горы.
Там вам гуляти — буяти,
Младенцу (имя) крови не разжигати,
Костей не ломати,
Сердца и живота не томити

(«Заговоры». №62. Зап. ст. Л.Е. Васильевой от Евдокии
Петровны Высоцкой, 1908г.р., г. Курган, 1975г.)

II Заговоры в селе Петровском

Заговоры в селе Петровском Юргамышского района записывала студентка Анохина Светлана Валерьевна, местная жительница, по программе экспедиции филологического факультета, работавшей в Юргамышском районе. Заговоры в селе активно бытуют в устной и письменной форме. У Мутовкиной Валентины Александровны есть рукописный сборник, в который еще в давние годы записывались «статейки» от разных людей и списывались с разных рукописей. Валентина Александровна (1930 г.р.) заговоры знает, но тетрадь бережет. Скородумова Пелагея Ивановна (1917 г.р.) сказать заговоры отказалась, однако сообщила былички, в которых дается оценка «черным» и «белым» заговорам, колдовству. Она радуется, что удалось избежать колдовства, которого в былые годы в этих местах

было немало. По ее словам, самые необходимые «наговоры» в Петровском знают многие: на зубы, на кровь, на «покой», на мужа. Пелагее Ивановне казалось более интересным рассказать о «страшных историях», случавшихся в селе. Заслуживает внимания ссылка на источник информации, что позволяет расширить временные границы бытования сюжетов быличек в этом крае. Былички — примета условий, в которых бытуют заговоры.

Анна Николаевна Анохина, (1922 г.р.) заговоры «поняла самоуком». Суркова Анастасия Матвеевна, 1912 г.р., выучила заговоры «по своей семье». Все знатоки заговоров в их действенность верят. Когда обращаются к ним за помощью, не отказывают. Ряд образов и мотивов не повторяется в заговорах, записанных в других селах Зауралья: упоминается местная река Таловка. В один из текстов введен образ Иисусу Христа, стоящего перед книгами.

Галина Павловна Анохина, (1938 г.р.) рассказала о приметах, обрядах и поверьях Петровского, восходящих к глубокой древности. Соблюден характер лексики, орфографии и синтаксиса. Паспорт записи дается по тетради С.А. Анохиной // «Скоблино — 2002»

Заговоры

№1

Присуха

Наговаривать по ветру:
Двенадцать ветров, двенадцать вихрев, возьмите мою тоску тоскучую, плач плакучую, сухоту сухотучую. Разыщите раба (имя), положите ему на белое тело, чтобы у него сердце болело, кровь горячая кипела. Думал и болел, тосковал и горевал об рабице (имя). Будьте, мои слова, крепче, лепче камня булатового. Аминь

(С. 1). Зап. от Валентины Александровны Мутовкиной.

№2

Наговор на мужа, чтобы жену не обижал

Пойду я, встану под красное солнце, под черное облако и черную кузницу. В этой кузнице куют кузнецы. Подойду поближе, поклонюсь пониже и попрошу их: «Кузнецы, вы кузнецы, скуйте рабу (имя), скуйте руки и ноги, чтобы у раба (имя) не поднимались ни руки, ни ноги, и чтоб язык не болтал на рабицу (имя) - свою жену. Будьте, мои слова, крепкие и лепкие, крепче каленова камня. Аминь. Наговаривать на воду, на пищу. (С. 1). Зап. от Валентины Александровны Мутовкиной.

№3

Наговор на сор, чтоб муж не обижал

Мать Пресвятая Богородица идет водой, батюшка Истинный Христос идет горой. Они одну думу думают, одни мысли мыслят, одни разговоры ведут, живут душа в душу, сердце в сердце. Так бы и раб (имя) с рабой (имя) жили душа в душу, сердце в сердце. Они одну думу думают, одни разговоры ведут, одни мысли мыслят.

Сор мести наотмашку левой рукой три раза, пережигать в бане, говорить три раза и сыпать в носки и портянки мужу. (С. 2). Зап. от Валентины Александровны Мутовкиной.

№4

Заговор от зубной боли

Наговаривать на молодой месяц: Как у покойника зубы не болят, не ноют, так у рабицы Божией (имя) зубы не болели бы, не ныли век по веку отныне. Аминь (С. 2). Зап. от Валентины Александровны Мутовкиной.

№5

Заговор от червей на корове

Раньше просто наговаривали, теперь мази есть. На них

можно наговаривать:

Коровушка (кличка) красной масти. Девять червей, от девяти — восемь, от восьми — семь, от семи — шесть, от шести — пять, от пяти — четыре, от четырех — три, от трех до двух, от двух — один, от одного — ни одного. Аминь (С. 3). Зап. от Валентины Александровны Мутовкиной.

№6

Заговор от крови

Говорить над раной:

Кровь-кровица, красная девица. По полю гуляла, узелок завязала, никому не показала, а маменьке доброго здоровья. Аминь, аминь, аминь (С. 3). Зап. от Валентины Александровны Мутовкиной.

№7

Заговор для разлада в семье

Наговаривать на следы:

Идет волк горой, черт водой. Они друг дружку видят, друг дружку ненавидят, злятся. Так бы раб (имя) видел рабу (имя) и ненавидел. Злились бы они друг на друга с мстились, и друг дружку царапали, и жили бы, как кошка с собакой. Аминь (С. 3). Зап. от Валентины Александровны Мутовкиной.

№8

Заговор от тоски, отсуха

Наговаривать на питье:

Как ты, матушка Таловка-река, впадаешь и протекаешь от востока на запад, омываешь края и камни, и крутые берега, желтый песок, так и намой рабу (имя) тоску тоскучую, сухоту сухотучую. Чтоб у раба (имя) белое лицо не болело, ретивое сердце не болело, горячая кровь и лубовь не кипела у раба (имя) к рабе (имя). Как ты, Таловка-

река, разливалась, разделялись берега, так разлей, раздели раба (имя) с рабой (имя). Век бы он с ней не сходил и не встречался, казалась она ему хуже змеи подкологной. Как царь-зверь ненавидит, так бы раб (имя) ненавидел навеки. Аминь, аминь, аминь (С. 4). Зап. от Валентины Александровны Мутовкиной.

№9

Присуха

Взять рубашку того, на кого наговаривают, отстричь рукав и бросить в умывальник, наговаривая: «Как подол вьется, извивается и оплетается, так раб (имя) бы вился, извивался так же о рабе (имя). Вился, извивался и оплетался. Аминь. Аминь (С. 5). Зап. от Валентины Александровны Мутовкиной.

№10

Наговор на мужа, чтобы жене не обижал

На питье, еду:
Агам, ты, Агам. Ты первый мертвец на земле. Как у этого Агама очи не злятся, сердце не ретивится, так бы у раба Божьего (имя) очи не злились, сердце не ретивилось на рабу Божью (имя). Руки бы не подымались, ноги не пинались, уста не разивались. Днем при солнце, ночью при вечерней заре Моряне, при денной — Ульяне, при полночной — Дарье. Будьте, мои слова, крепки-лепки, крепче клею, крепче замка замкучего. Все слова закрою, чтобы никто не открыл, ни колдун, ни колдуница. Аминь. Аминь (С. 5). Зап. от Валентины Александровны Мутовкиной.

№11

Наговор на мужа, чтобы жене не обижал

На месяц:

Как, батюшка светлый месяц, ходишь ты по белу све-

ту, всех ты видишь, всех слышишь. Видишь ты живых и мертвых и не злишься ты ни на живых и мертвых, так бы раб Божий (имя) не злился, не лихотился, не было у него злости и лихости на рабу Божью (имя) ни днем, ни ночью. Аминь. Аминь. Аминь (С. 6). Зап. от Валентины Александровны Мутовкиной.

№12

Присуха (по ветру)

Ермак-Ермедей и раб Божий (имя) о рабе (имя) тоскует. Кости его не в земле, а на земле. Гори, свеча неугасимая, бери раба (имя), тоска неутолимая. Не мог бы он без меня, рабицы (имя), ни жить, ни быть, ни дня днеть, ни часа часовать и минуты миновать. Ему бы тосковать, горевать обо мне, рабице (имя), навеки-веков. Аминь. Аминь (С. 6). Зап. от Валентины Александровны Мутовкиной.

№13

Присуха (по дыму)

Встаю рано утром, иду в восточную сторону. В этой восточной стороне стоит поскотина, там стоят 12 вихрев, 12 родных братьев. Пойду я к ним поближе, поклонюсь я им пониже: «Уж вы, 12 вихрев, 12 родных братьев, гайте мне ключ от заколдованного сундука. В нем лежит тоска тоскучая, горе горячее, любовь могучая, вложил, не раба (имя) Божьего. Чтобы он тосковал, горевал, любил, не забывал. В огне не зажигал, в воде не заливал, в еде не заедал. Думал, тосковал о рабице Божьей (имя). Будьте, слова мои, крепки и лепки, крепче камня, острей острого ножа булатового. Аминь. Аминь (С. 7). Зап. от Валентины Александровны Мутовкиной.

Заговор — присуха

Встану я, раба Божья (имя), перкрестясь. Пойду, благославясь, из дверей в двери, из ворот в ворота в восточную сторону, в чистое поле, под темные облака, под красное солнце, на океан-море. Там стоит дуб, под этим дубом сидит стар-матер человек Иосиф с сухой чарой, сухим питьем. Я, раба Божья (имя), пойдю поближе, поклонюсь пониже: «Стар-матер человек Иосиф, дай мне сухую чару с сухим питьем.» - «Нет, не дам я тебе сухую чару с сухим питьем. Я на лес вылью, лес загорит, на землю вылью, земля загорит, на воду вылью, вода загорит. На лес не вылью, на землю не вылью, на воду не вылью. Я волюю в раба Божия (имя), чтобы его жгло, болела разумная буйная голова, сердце, печенки, горячая кровь, чтоб раб Божий (имя) не мог ни жить, ни быть без рабы (имя). В еде не заедал, в питье не запивал, в парной банюшке не запаривал, в работе не зарабатывал, с друзьями не засиживал. Казалось бы раба Божия (имя) милее солнца красного, милее ветра буйного, милее отца, матери. И где бы раб Божий (имя) ни ходил, ни гулял, все бы к рабе Божей (имя) бежал, в беремя ее хватал, в уста ее целовал». Будьте, слова мои, крепки-лепки, крепче золотого камня и ножа булатного, замок в небо, ключ в море, киту в рот. Аминь

Мыться в бане и говорить три раза (С. 9). Зап. от Валентины Александровны Мутовкиной.

№ 15

Заговор от суда

Захожу я в судебный дом, в судебном доме гроб стоит, в гробу покойник лежит. Как этого покойника не разбудят, не осудят, так рабу (имя) свидетелей не вышли, судьи не судили. Аминь. Аминь. Аминь (С. 9). Зап. от Валентины Александровны Мутовкиной.

№ 16

Про нечистую силу

«Маманя мне рассказывала, что были у нас в деревне люди, которые умели в животных превращаться. Так их у нас нечистой силой называли, не любили таких, били, потому что они людям вредили. Сама-то я их не видела, а от матери про них слыхала. Огни из этой вот нечистой силы в животных по ночам превращались, по деревне бегали и на людей кидались. Другие на метле по ночам летали.

В животных они так превращаются: приходит она го-мой, раздевается догола, одевает шкуру то овцы, то ко-ровы, то свиньи. А у ей круг такой есть, в круге-то два ножа, остриями внутрь торчат. Значит, она через круг — от этот проскакиват и уже то свиньей, то овцой, то еще кем становится. Когда свадьба где идет, так их никогда не зовут, они все только испортить могут. Если пойдет такая нечистая сила к дому, где свадьба, так ей сразу стакан выносят, она выпьет и уйдет, а не вынесешь, так всю свадьбу испортит, то заболеют все, то разведутся, потом (С. 10). Зап. от Пелагеи Ивановны Скородумовой, 1917 г.р.

№ 17

Подобрили овцу

Тятя рассказывал, что как-то ехали они с дядей Пашей на лошади. И на дороге овцу увидели. Ну, и посадили они ее на телегу-то, а то она по дороге чо-то ревет-бежит. Только посадили, лошадь поехала, не двигаться почти, а только потет. Тятя и говорит: «Пашка, смотри! Лошадь-то не идет, а потет. Это нечистая сила, а не овца. Давай ее сбросим». Сбросили они, ее не били, ничо, а только сбросили, а она, овца-то, как побежит да захохочет, как женщина (С. 11). Зап. от Пелагеи Ивановны Скородумовой, 1917 г.р.

Отрезали ухо

А одна женщина у нас в деревне в свинью превращалась, у нее сын был, парень молодой, только он и не знал, что мать у него нечистая сила. Она ночью на людей кидалась. Один раз на молодежь стала кидаться да пугать. Парни взяли да и поймали эту свинью, а сын-то ей ухо отрезал. Приходит домой утром, а мать на печи сидит, не слазит. Он ей говорит: «Ты чо, мам, не слозишь? Слазь! Айда есть!». А она: «Да я, - говорит, - не хочу». Потом все-таки слезла. Сын смотрит, а у нее ухо отрезано. Он и говорит: «Так ты — нечистая сила! Это я тебе ухо-то отрезал» (С. 11). Зап. от Пелагеи Ивановны Скородумовой, 1917 г.р.

Умирала ведьма

Когда помират такая нечистая сила, так если никому передать не может, то шибко тяжело умирает-то. А посыле смерти такие, в агу в смоле кипят. Нечистой силе обязательно надо перед смертью все свое кому-то передать, чтобы умереть легко. Старушка одна такая, когда умирала, то шибко кричала, дочь звала, ей все передать хотела, а дочь к ней не пошла и венник через порог бросила. Она веннику все передала и кричать перестала, а когда померла, то и муж дочерин тоже помер, это она его с собой забрала, чтоб одной туда (на тот свет) итти не так страшно было (С. 12). Зап. от Пелагеи Ивановны Скородумовой, 1917 г.р.

Искали косточку

Старушка одна рассказывала, что ее как-то знатная баушка с собой взяла косточку нужную у дохлой черной кошки искать. Искать надо двоим в бане. Чтобы найти

эту косточку, надо всю кошку перебрать. Пошли они в баню, начала она, знатная, кошку перебирать, а вторая ей помогает. Вдруг видит вторая старушка, чертенята появились, давай им помогать косточку искать. Чертенята эти плюют на тебя и все делают. А отвлекаться, обращать на них внимание нельзя, а то они задушить могут. Вторая старушка не вытерпела и убежала (С. 13). Зап. от Пелагеи Ивановны Скородумовой, 1917 г.р.

Знатная помогла

Одна женщина пришла к бабке у нас в деревне. Бабка — знатная была, но хорошая, людям не вредила. Женщина эта и говорит бабке: «Помоги, - мол, - муж к другой уходит». Значит, пришла она к ним домой вечером, и муж пришел. Она ходит по дому и говорит: «Дурак, ушел, дурак». Он и остался дома (С. 13). Зап. от Пелагеи Ивановны Скородумовой, 1917 г.р.

Один мужик пришел к этой бабке и попросил ее узнать, где его корова спрятана или чо, корову у него украли. Она ему и сказала, где его корова спрятана. «Только, - говорит, - иди за ней сегодня, а то в Челябинск увезут, и иди не один, а то убьют». Я эту бабка знала, она мне все говорила: «Возьми все у меня, богато жить будешь. Людей только не порти, а помогай им». Я не взяла, так она дочери передала и спокойно умерла. А дочь тосковала долго и в колодец бросилась, утонула, а потом колодец чистили (С. 13). Зап. от Пелагеи Ивановны Скородумовой, 1917 г.р.

Про Букапушку

Лет сорок назад построили мы новый дом. Когда мы переезжали, то из старой квартиры мы звали с собой Бу-

канушку — соседушку. Бабушка моего мужа, Макаровна, рассказала, как его правильно звать: «Буканушка-соседушка, поехали с нами на новое место». Когда приехали в дом, первым делом запустили кошку, и бабушку зашла с иконой, а я полезла в голбец и подарила Буканушку: «Буканушка соседушка, дарю я тебе хлеб и солью, и деньгами, а ты нас- живьем добрым». Прошло сорок лет, я Буканушку не дарила, забыла про него. Как-то полезла в голбец за картошкой и стала вылезать обратно, вдруг кто-то схватил за ногу и дергал обратно. Я сперва так напугалась, потому что в голбеце-то больше никого! Потом я догадалась, что это Буканушка-соседушка меня схватил, потребовал подарка. Я снова подарила. С тех пор он меня не тревожит. Буканушку-соседушку, старые люди говорят, что дарить надо каждый год (С. 14). Зап. от Галины Павловны Анохиной, 1938 г.р.

Банник

№24

В бане живет банник, так ему надо каждый раз, когда уже все помылись, оставлять веник и воду (С. 15). Зап. от Галины Павловны Анохиной, 1938 г.р.

О похоронных обычаях

№25

Существуют у нас в деревне такие поверья: когда умирает человек, то в доме закрывают все зеркала, все стеклянные поверхности, потому что считается, что душа человека может увидеть себя в отражении и заколоться, тогда человек на том свете лишится бессмертия. На углу дома покойного вывешивают полотенце для того, чтобы душа покойного, так как она сорок дней летает вокруг дома, умывалась и вытиралась этим полотенцем. Когда умершего хоронят на кладбище, душа до тех пор стоит на воротах, пока не умрет следующий человек. Он

меняет гушу предыдущего покойного и т.д. (С. 15). Зап. от Галины Павловны Анохиной, 1938 г.р.

№26

От тоски

Этот наговор надо читать три раза над водой, потом этой водой умываться. Снимает тоску:

«Встану я, рабица Божья (имя), помолясь. Выйду я, перекрестясь, из избы во двор, из ворот в ворота в восточную сторону под красное солнце, под светлый месяц, под утреннюю зарю Марию, под вечернюю Маремьяну к океану-морию. У океана-моря стоит остров, посреди этого острова стоит матушка — Божья церковь, посреди матушки Божьей церкви стоит престол, на престоле лежит Скорбящая Богородица, всем скорбям помощница, всем скорбям пособница. Я покорюсь, я поклонюсь об рабе Божьей (имя): «Как вы вылечаете, как вы помогаете все скорби-болезни, сухотище, ломотище, позевотище, уроки, призоры, худья гумы, худья мысли, денные испуги, ночные переполохи, ветренные переломы. Язык в море, ключ-спутник. Скатит-ся, сплощится с белого тела, с ретивого сердца, из мозга, из головы, из ясных очей, из черных бровей, из 77 жил, из 77 суставов. Перед вами трое ножницы булатные, трое ножницы укладные, трое ножницы железные. Выстригите, вычистите тремя ножницами булатными все скорбями железными, тремя ножницами укладными, ротиби, болезни. Все 12 болей, все 12 скорбей, все 12 родимцев, все 12 недугов: внутренний, заболонный, рассыпной, дергучий, все 12 головной, костовой, мозговой, - скатитесь, сплощивой, тресучий, раскалючий, разжигучий, из мозга, из суставов с белого тела, с ретивого сердца, из 77 жил, из 77 суставов из ясных очей, из черных бровей, из 77 жил, из 77 суставов. Мои слова крепки, лепки, крепче, лепче магнита-камня, острее острого ножа, уклада амаянского. Ключом запру, замком замкну. Аминь» (С. 18). Зап. от Анны Николаевны Анохиной, 1922 г.р.

№27

На сон, успокаительный

Спать ложусь, крестом крещусь. Ангелы по бокам, Матерь Божья в головах. Исусь Христос при мне и при моем сне. Матерь Божья, спаси меня и очисти от всяких грехов. Аминь (С. 18). Зап. от Анны Николаевны Анохиной, 1922 г.р.

№28

Солнышко всходит, Мать Пресвятую Богородицу по земле водит. Ведет ее на Восток. На Востоке стоит монастырь, в этом монастыре стоит святой стол, на святом столе лежат святые книги, перед книгами горят восковые свечи, перед восковыми свечами стоит Исусь Христос, кровь проливает. Прилетели Петры и Павлы, спрашивают Иисуса Христа:

- Что ты, Исусь Христос, кровь проливаешь?

- Не спрашивайте, Петры и Павлы, беритя по кресту, идитя по народу, по православному.

Кто эту молитву знает, три раза в день читает, будет спасен, сохранен и помилован от грома гремучего, от треску стрекучего, в воде ему не утонуть, в лесу не заблудиться, в суду не засудиться. Аминь (С. 19). Зап. от Анастасии Матвеевны Сурковой, 1912 г.р.

№29

На ночь, в дорогу – охранительный

Ангель мой, архангель мой, спаситель мой, спаси мою душу, сохрани мое сердце. Избави меня от лукавого. Отче наш, ты же еси на небеси, хлеб наш насучный дашь ты мне. Аминь (С. 20). Зап. от Анастасии Матвеевны Сурковой, 1912 г.р.

№30

Во всякое время говорить: в путь, когда боишься

Богородица – дева, радуйся! Благодявленна ты в женах и плод чрева твоего. Ты же еси на небеси, хлеб наш насучный дашь ты мне. Аминь (С. 20). Зап. от Анастасии Матвеевны Сурковой, 1912 г.р.

№31

В путь говорить, на дорогу

Я иду по пути. Батюшка, истинный Христос повстречался на пути. Матушка, Мать Пресвятая Богородица и батюшка – Христос, спаситя, сохранитя и помилюйтя от грому гремучего, от треску трекучего, в воде не утонуть, в лесу не заблудиться. Аминь (С. 20). Зап. от Анастасии Матвеевны Сурковой, 1912 г.р.

№32

Отче наш. Повседневная

Отче наш, еже еси на небеси, да светится имя твое, да приидет царствие твое, будет воля твоя на небе и на земле, хлеб наш насучный дашь ты мне. Мы же прощаем голги ваши, также и ты прощевай долги наши, не приведи нас во искушение да избави нас от лукавого. Аминь (С. 21). Зап. от Анастасии Матвеевны Сурковой, 1912 г.р.

№33

Детям сказывали, чтобы уснули. Это – не наговор, а так – для забавы и покоя:

- Утонька моховая,
- Где же ты ночешь ночевала?
- Под мостом, под мосточком,

*Под кустом, под кусточком.
Шли, прошли Петры- Павлы,
Высекли по пруточку,
Сделали по гудочку.
- Вы, гудки не гудитя,
Меня, старуху, не будитя.*

№34

*- Заинька, белый, куда ты бегал?
- Лыки грал.
- Куда ты их клал?
- Под березку, под пенек,
Очутился пузырек
(См. № 33)*

III

Репертуар Л.Г. Худяковой

Заговоры записаны в поселке Стеклозаводе Белозерского района во время экспедиции филологического факультета летом 2001 года от Худяковой Ларисы Гавриловны, 1931 г.р. Они дают представление о «репертуаре» талантливой женщины, стремящейся помочь себе и людям. Заучены заговоры «самоуком» — «по семье и от кого пришлось услышать». Все заговоры даются по коллекции «Стеклозавод — 2001» с указанием страниц. Комментарии — рует заговорные действия Л.Г. Худякова.

1

На урожай — «В огороде когда садишь, помолясь, ска-
зать:

*Подхожу к воротам Божьего рая,
Диву удивляюсь, Господу поклоняюсь:
- Дай мне, Боже, то же,*

*Что и у тебя в райском саду,
Чтобы у меня все росло-цвело,
Распускалось
Людям на удивление,
Ангелам на умиление.
Аминь (С. 51).*

2

От боли в ноге: «Смотришь на луну в полнолуние, пере-
крестись и говори:

*Ангелы чистые, ангелы светлые,
Укротити своими крылами
Ноги мои резвые,
Чтобы они не ныли, не болели,
Чтобы суставы не скрипели.
Аминь (С. 51).*

3

От боли в руке: «Также в полнолуние гляди на луну и
говори три раза, сначала перекрестясь:

*У меня, у рабицы Божией (имя),
Руки болят, кости стонут.
Чтобы мне не стонать,
Слез не ронять,
Помоги мне, Господи,
В моих руках боль унять.
Аминь (С. 51).*

4

Если в ухо стреляет. Встать у печки, наговорить на воду,
а в нее положить три горячие уголька. Наговорить и вы-
пить, а угольки бросить в печку:

*Острая стрела летела,
У меня, у рабы Божией (имя)
Ухо прострела.
- Стрел- пострел,
Коли, да не боли,
Всякая хвороба,
Уйди от моего порога
На куст, на лес,*

*На буйный ветер,
На матушку — сыру землю.*

Аминь (С. 51—52).

Если заговариваешь не себе, надо подуть в больное ухо.

5

От всех напастей — в дорогу ли, на ночь ли — всегда
сказывать. Всегда можно говорить. Перекрестись и с Богом
говори:

*Мать пресвятая Богородица
Животворящего Иисуса Христа-сына.*

*Живые вы помощи его правы,
Отведите меня, рабу Божию (имя),*

*От льва, от зверя, от аспида,
От змея ядучего,*

От человека злючего.

Матушка Пресвятая Богородица,

Надень на меня свою

ризу нетленную,

Закрой меня своими

Сокровищами,

Закрой меня своими

Недвижимостями.

Матушка Пресвятая Богородица

Со своим сыном Иисусом Христом,

Наденьте на меня

Свою ризу нетленную,

Опеленайте господней,

Отведите меня

От темной ночи,

Отведите меня

От полночи,

Отведите от меня

Человеческие злые

Очи - зрения,

Отведите меня

От горячего огня,

От быстрой пули,

От текучей воды.

Аминь (С. 52—52 об.).

6

От врагов — на ночь или в дорогу. Перекрестись и ска-
зывай:

*Сошел Иисус Христос с Божьих небес,
С собою золотой крест принес.*

*Зорями умывался, солнцем утирался,
Золотым крестом перекрещивался*

И замками замыкался.

Пусть эти замки падут в море.

Кто это море польет

И пески отгонит,

К тому враг не придет.

*— Иисус Христос ты сын Божий,
Спаси и сохрани меня*

*От всякого зла
Во всякое время.*

Аминь (С. 53).

7

От сильной болезни. Во всякое время перекрестись и
сказывай:

*Шел Иисус Христос по земле,
Людям помогал,*

Из гроба подымал.

*Подними меня, Господи,
Рабу Божию (имя)*

С огра болезни,

Со смертной постели,

С мук телесных.

Отверни меня от смерти,

Поверни к жизни

Именем твоим, делом моим

Продли мне веку земного.

Аминь (С. 54).

8

От злых людей. Хоть вечером на ночь, хоть утром можно
говорить. Перекрестись да с Богом. Один раз. Хватит од-
ного раза:

*Подними меня, Боже,
Рабу Божию (имя)*

На высокую гору,
Залей, Господи, моим врагам
Глаза холодной водой,
Замкни им, Господи,
И губы и зубы их
Золотым камнем.

Аминь (С. 54).

9

От всех напастей. Вечером, на ночь, перекрестись и скажи:

Шел Иисус Христос с Ирусалима,
Нес золотой крест.
— Господи, огради меня
Золотым крестом
В доме, в поле, в дороге
От зверя, от змея, от суга,
От страшного ареста,
От лихого злого человека.

Аминь (С. 57).

10

Кровь останавливать. Когда кровь пойдет, перекрестись и говори над кровью. Вокруг раны рукой водить надо:

Встану я, раба Божия (имя), благославясь,
Пойду, перекрестясь,
Из дверей в двери,
Из ворот в ворота
С восточной стороны
На восток,
Под частые звезды,
Под ясное солнце,
Под всю луну господню.
Дойду я, раба Божия (имя),
В море-окияна.
Остров Буян.
На острове Буяне
Стоит новый терем.
В этом новом тереме
Сидит девушка Софья.

• 268 •

Она ничего не знает,
Только кровавые рваные раны
Зашивает.
Зашей мне рваные раны
На руке (али где еще).
Аминь (С. 55).

11

От занозы.

Водить вокруг занозы и говорить:

Из моря — шука,
Из пенька — труха,
Из лука — стрела,
Из рабы Божией —
Заноза, из пальца
Выйди вон!

Аминь.

Три раза подуть (С. 57).

12

Заговор против ожога, разного: сухого, мокрого:
Встану я, раба Божия (имя), благославясь,

Пойду, перекрестясь,
Из дверей в двери,
Из ворот в ворота,
С восточной стороны
На восток.
В восточной стороне
Стоит апостольская церковь.
В этой апостольской церкви
На злат перстоле
Сидит Мать Пресвятая
Богородица.
Подожду я к ней
Поближе,
Поклонюсь пониже:
— Матушка Пресвятая
Богородица!
На острове Буяне
Горит бор,
Горит сырой.

• 269 •

*Кому этот пожар
Затушить?
Кому этот огонь
Залить?
Огонь уничтожать
Из белого тела,
Из красного мяса,
Из рабы Божией (имя)
Боль вынимать.*

Аминь.

Говорить это надо три раза и при этом дуть (С.56).

IV

Репертуар Ситниковой Марии Михайловны

Заговоры записаны от Марии Михайловны Ситниковой, 1910 г.р. в селе Больше — Курейное Макушинского района в 1974 году ее внучкой Л. Ситниковой, студенткой филологического факультета. Заговоры интересны в плане сохранения и бытования вербальной стороны. Ряд слов Мария Михайловна не могла объяснить, но повторяла, как слышала: «Перво грево — ивча, второ — пивча», «иммирики» (имя рек?). От учителя к ученику переходила вышедшая из употребления архаическая лексика.

От волков

Когда первый раз выгоняют скот:
Выезжает святой Егорий на своем белом коне. Затруби он в трубу золотую, вскричи, батюшка Егоре, своих хорчей и хорчиц, замкни им губы и зубы от меня, рабицы (имя), от наших коней, иммирики, от скотинушки рога той, от лохматой. Век по веку, отныне и до веку. Аминь» («Заговоры». №206).

От нарывов

Как тебе, безымянному пальчику, нет никакого имя, так же на мне, рабице на (имя), на белом теле, на руке(ноге) не было никакого ни чарьица, ни вередица, ни сукровица. Век по веку, отныне и до веку. Аминь («Заговоры». №207).

От зубной боли.

На молодой месяц:

Батюшка млад месяц, на том свете был, живых и мертвых видел, и их зубы не болят. Так же и у меня, рабицы (имя), чтобы зубы не болели, десны не шумели, подзубные черви не подъездали. Век по веку, отныне и до запада. Аминь. («Заговоры». №208).

От лишая.

Взять иголку и чертить больное место:

Лишая, лишая, соберись вся в кучу, в игольные ушки с белого тела (ноги, руки), с меня, рабицы (имя). Чтобы не было век по веку, отныне и до веку. Повторить три раза («Заговоры». №209).

Для очистки глаза.

Когда засорится глаз:

Господи, благослови. Не я заговариваю, не я выговариваю. Заговаривает Мать Пресвятая Богородица. У рабицы, у (имя), из белого тела, из глазу — осяница, ковылина, костянина, репеина, волосянина, не ной, не боли, не щипли, не ломи, назад выходи, из белого тела, из глазу. Чтобы не было тебя век по веку, отныне и до веку. Ааминь! Повторить три раза («Заговоры». №210).

*Против болезней на коровьем вымени:
Как, матушка соломка, сохнешь-исссыхаешь от батюш-*

ки - солнца, от луны господней, так же у матушки - у коровы на желтом выме, на синих жилах скорби и болезни сохли бы - иссыхали, тухли бы-истухали при ясном солнце, при луне господней. Сохли бы - иссыхали, тухли бы - истухали. Век по веку, отныне и до веку. Аминь.

Водить по вымени металлическим предметом или громовой стрелой («Заговоры». №211).

От испугов

Наговаривать у печи на воду и три уголька:

Стану я, рабица (имя), благославясь, пойду перекрестясь, на окиян-море. На окияне-море лежит золотый камень. На золотом камне спала Мать Владычица Пресвятая Богородица. Не одна спала, не одна опочивала: с архангелами, со всей силой небесной. Не много спалось, и не много во сне виделось. Виделся сон страшен и грозен, и не ложен: про Христа - царя небесного. Истинного Христа жидовья в граде Иерусалиме изняли, на три древа распяли. На первое древо-ивча, на второе - на пивча, на третье древо - на кипарисное. Руки, ноги гвоздями прибывали, сквозь ребер жезлом пробудали, святую кровь пропускали, певизной (?) голову до мозга пробивали, золотой венец с головы сбивали. Скуру печать в руки клали, в тридцать локоть могилу копали, в могилу спускали. На третий день Истинный Христос воскрес, на небеса вознесся, вещает Матери-Владычице Пресвятой Богородице:

- Где ты спала, где ночевала?

- Спала я, опочивала над рекой Органью, на золотом престоле. Немного спалось, много во сне виделось. Виделся сон: страшен, и грозен, и не ложен. Про Христа - царя небесного. Истинного Христа жидовья в граде Иерусалиме изняли, на три древа распяли. На первое древо-ивча, на второе - на пивча, на третье древо - на кипарисное. Руки, ноги гвоздями прибывали, сквозь ребер жезлом пробудали, святую кровь пропускали, певизной голову до мозга

пробивали, золотой венец с головы сбивали. Скуру печать в руки клали, в тридцать локоть могилу копали, в могилу спускали.

Сын вещает Матери Владычице Пресвятой Богородице:

- Сладкий мне твой сон слаще изюму и сладкой ягоды. Спишу я твой сон на вербовый лист. Отпущу я твой сон в едину соборну опостольску церковь. Кто этот сон будет знать, три раза читать, не забывать, тот раб будет спасен от скорби небесной, от лиха человека, на воде не утоплен, на огне не обожжен. Как на Истинном Христе утоплен, на огне не обожжен. Как на Истинном Христе вода не держалась, так с меня, с рабицы (имя), смывайтесь, споласкивайтесь, страхи, уроки, переполохи, щипоты, ломоты - с белого тела, с ретивого сердца, с легкого, с печени, с крови горячей, чтоб не болело, не скорбело. Век повеки, отныне и до веку. Аминь! («Заговоры». №212).

ВВЕДЕНИЕ

1. Чистов К.В. Народные традиции и фольклор: Очерки теории. Л., 1986. С.43 – 55, 83 – 106.
2. Аникин В.П. Теория фольклора: Курс лекций. М., 1996. С.349.
3. Кругляшова В.П. Фольклорная традиция и ее судьбы в современном русском фольклоре Уральского промышленного региона (К постановке проблемы) // Современный русский фольклор промышленного региона. Сборник научных трудов. Свердловск, 1989. С.7.
4. Нижегородские заговоры (В записях XIX – XX веков). Сост. А.В. Коровашко. Нижний Новгород, 1997; Русский календарно – обрядовый фольклор Сибири и Дальнего востока: Песни, заговоры /Сост. Ф.Ф. Болонев, М.Н. Мельников, Н.В. Леонова. Новосибирск, 1997 – (Памятники фольклора Сибири и Дальнего Востока; Т. 13).
5. Майков Л.Н. Великорусские заклинания // Записки Императорского Русского Географического общества по отделению этнографии. СПб., 1869. №№197, 239.
6. Городцов П.А. Праздники и обряды Тюменского уезда // Ежегодник Тобольского музея. Тобольск, 1916. Вып.26, Отд.2. С.1 – 56; рукописный сбор.
7. Блок А.А. Поэзия заговоров и заклинаний // Блок А.А. Собрание сочинений: В 8 т. – М.; Л., 1962. – Т.5. С.47.
8. Блок А.А. Поэзия заговоров и заклинаний... С.37.

ГЛАВА I

1. Еремина В.И. Ритуал и фольклор. Л., 1991. С. 25.
2. Астахова А.М. Художественный образ и мировоззренческий элемент в заговорах. М., 1964. С.1.
3. Русские заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций 1953 – 1993 гг. / Под ред. В.П. Аникина. М.: Изд – во МГУ, 1998. С.29.

4. Ильинская В.Н. Заговоры и историческая действительность // Русский фольклор. Материалы и исследования. Т.16. С.207.

5. Мамонтова О.Р. Современное бытование архаических жанров (заговоры) в с.Мостовке Шатровского района: Дипломная работа. Курган, 1992. №12. Далее – (Мамонтова. № текста).

6. Там же. С.26.

7. Дополнения к актам историческим (ДАИ) СПб., 1862. Т.8. С.219 – 222.

8. Буслаев Ф.И. Этнографические выводы наших предков. М., 1868. С.9.

9. Блок А.А. Поэзия заговоров... С.37.

10. Тейлор Э. Первобытная культура. Исследования развития мифологии, философии, религии, языка, искусства и обычаев. В 2 т. Т.1. СПб., 1896. С.21.

11. Пропп В.Я. Поэтика фольклора. М., 1998. С.170.

12. Русские народные песни /Вступит. статья, сост. и примеч. А.М.Новиковой. М., 1957. С.160.

ГЛАВА II

1. Аникин В.П. Русский фольклор. М., 1987. С.94.
- 2.Тэйлор Э. Первобытная культура... Т.1. С.107.
- 3.Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3т. М., 1994. –Т. 1. С. 44).
4. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1988. С.113.
5. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн – Фадлана о его путешествии на Волгу в 921 – 922 гг. Харьков, 1956. С.144 – 145.
6. Тэйлор Э. Первобытная культура... Т.2. С.63.
7. Буслаев Ф.И. Сравнительное изучение народного быта и поэзии // Русский вестник. 1872, октябрь. С.713.
8. Там же.
9. Русские заговоры / Сост., предисл. и примеч. Н.И. – Савушкиной. М., 1993. С.15.
10. Там же.

11. Аникин В.П. Русский фольклор. С.97–98.
12. Веселовский А.Н. Синкретизм древнейшей поэзии и начала дифференциации поэтических родов // Русское народное поэтическое творчество. Хрестоматия по фольклористике: Учебное пособие для филологических специальностей пед. институтов / Сост. Ю.Г.Круглов. М., 1986. С.51–53.

13. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. Т.3. М., 1865–1869.

14. Ефименко П.С. Малорусские заклинания. М., 1887.

15. Соколова В.К. Весенне–летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979. С.168.

16. Там же. С.169.

17. Там же. С.166.

18. Шейн П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо–Западного края. Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и песнях. Спб., 1877. С. 169.

ГЛАВА III

1. Петров В.П. Заговоры // Из истории советской фольклористики. Л., 1981. С.97.

2. Русское народное поэтическое творчество: Учебное пособие для филологических факультетов педагогических институтов / Под ред. проф. Н.И.Кравцова. М., 1971. С.71.

3. Блок А.А. Поэзия заговоров и заклинаний // Блок А.А. Собрание сочинений: В 8 т. – М.; Л., 1962. – Т.5. С.37.

4. Там же.

5. Русские заговоры / Сост., предисл. и примеч. Н.И.–Савушкиной... С.7.

6. Кравцов Н.И. Фольклорное произведение как художественное целое // Русск. нар. поэтич. тв–во: Хрестоматия/ Под ред. Ю.Г.Круглова... С.113.

7. Харузин Н.Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудоожского уезда Олонецкой губернии // Даль В.И.

О повериях, суевериях и предрассудках русского народа. Материалы по русской демонологии. Спб., 1994. С.172.

8. Мамонтова О.Р. Современное бытование Приложение №24.

9. Там же. Приложение №21.

10. Тейлор Э. Первобытная культура... Т.1. С.63.

11. Мамонтова О.Р. Современное бытование... Приложение №25.

12. Петров В.П. Заговоры... С.109.

13. Голан А. Миф и символ. М., 1993. С.163.

14. Дж. Фрэзер сообщает о представлениях об уподоблении пламени и змеиною яда: Великого египетского бога Ра укусила змея, и яд обжигал бога жарче пламени» (Фрэзер Д. Золотая ветвь. М., 1983. С.48–49).

15. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. С.46.

16. Там же. С.170.

17. Фрэзер Д. Золотая ветвь... С.222.

18. Сказания русского народа, собранные И.П.Сахаровым. Народное чернокнижие, игры, загадки, присловья и притчи, народный дневник, праздники и обычаи. М., 1990. С.311. (Переиздание: Спб., 1885.)

19. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1994. Т.3. С.445.

ГЛАВА IV

1. Андреев Н.П. Фольклор и его история // Рус. нар. поэтич. тв–во. Хрестоматия / Под ред. Ю.Г.Круглова... С.64.

2. Путилов Б.Н. К типологии природы фольклора и его специфики // Рус. нар. поэтич. тв–во. Хрестоматия / Под ред. Ю.Г.Круглова... С.89.

3. Аникин В.П. Теория фольклора. М., 1996. С.52.

4. Славянская мифология... С.262.

5. Славянские древности. Энциклопедический словарь: В 5 т. / Под ред. Н.И.Толстого. М., 1995. Т.1. С.190–193.

6. Там же. С.192.

7. Там же. С. 386–387.
8. Там же. С.520–521.
9. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. Т.1. – М., 1994. С.311.

ГЛАВА V

1. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян... Т.3. С.46–48.
2. Елеонская Е.Н. Сказка, заговор и колдовство в России. Сборник трудов. М., 1994. С.120.
3. Там же. С.124.
4. Там же. С.160–169.
5. Там же. С.169.
6. Познанский Н.Ф. Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. Пг., 1917. С.158 (Переиздание – М., 1995).
7. Там же. С.162.
8. Там же. С.241.
9. Петров Н.Ф. Заговоры. С.77–142.
10. Там же. С.79.
11. Там же. С.102.
12. Там же.
13. Там же. С.104.
14. Там же. С.105.
15. Потенция А.А. Объяснение малорусских и сродных народных песен. Варшава, 1887. Ч.1. С.173.
16. Петров Н.Ф. Заговоры... С.107.
17. Там же. С.108–109.
18. Песков В.М. Об устойчивых поэтических элементах русского заговора // Филология. М., 1977. – Вып.5. С.26–39.
19. Русские заговоры / Сост., предисл. и примеч. Н.И. Савушкиной. – М., 1993. С.14.
20. Там же.
21. Там же.
22. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения... Т.2. С.153.
23. Мифы народов мира. С.266.

24. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения... Т.2. С.158–159.
25. Славянская мифология... С.293.
26. Зеленин Д.К. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995.
27. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения... Т.2. С.158.
28. Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913. М., 1994. С.235 и след.
29. Зеленин Д.К. Очерки... С.213.
30. Чубинский П.П. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край, снаряженной Императорским Русским географическим обществом: Юго-Западный отдел. Материалы и исследования, собранные д. чл. П.П.Чубинским. – СПб., 1877. Т.III. С.195.
31. Тейлор Э. Первобытная культура... Т.1. С.110.
32. Петров В.П. Заговоры... С.97.
33. Зеленин Д.К. Избранные труды... С.230–235, 242, 288–293 и др.
34. Славянские древности... Т.1. С.157.
35. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения... Т.2. С.23.
36. Там же. С.21.
37. Славянская мифология... С.310.
38. Там же. С.27.
39. Федорова В.П. Свадьба на Ирюме. – Челябинск, 1991. С.54.
40. Петров В.П. Заговоры... С.100.
41. Там же. С.102.
42. Познанский Н.Ф. Заговоры... С.139.
43. Петров В.П. Заговоры... С.107.
44. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения... Т.2. С.334.
45. Тейлор Э. Первобытная культура... Т.1. С.77.
46. Славянская мифология... С.196.

ГЛАВА VI

1. Пропп В.Я. Поэтика фольклора. Сборник трудов. М., 1998. С.167.

2. Елеонская Е.Н. Сказка, заговор... С.102.
3. Познанский Н.Ф. Заговоры... С.263.
4. Веселовский А.Н. Психологический параллелизм и его формы в отражении поэтического стиля // Рус. нар. поэтич. тв – во: Хрестоматия / Под ред. Ю.Г.Круглова. С.374.
5. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения... Т.2. С.94.
6. Там же. С.116.
7. Гусев В.Е. Эстетика фольклора. Л., 1967. С.269.
8. Аникин В.П. Магия и поэзия // Русские заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. / Под ред. проф. В.П.Аникина. М.: Изд – во МГУ, 1998. С.29.
9. Там же. С.31.
10. Елеонская Е.Н. Сказка, заговор... С.101.
11. Потенбня А.А. Малорусская народная песня по списку XVI века. Воронеж, 1977. С.21.
12. Познанский Н.Ф. Заговоры... С.147.
13. Аникин В.П. Русский фольклор... С.112.
14. Власова З.И. К изучению поэтических устных заговоров // Русский фольклор. Русская народная проза. Л., 1972. Т.13. С.200.
15. Савушкина Н.И. Заговоры // Русское народное творчество: Учебное пособие для филол. фак – тов пед. ин – тов / Под ред. проф. Н.И.Кравцова. М., 1971. С.73.
16. Аникин В.П. Русский фольклор... С.116–117.

ГЛАВА VII

1. Харузин Н.Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудоожского уезда Олонецкой губернии // Известия Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии. Т.61. Труды этнографического отдела. М., 1889. Кн.9. Вып.1. С.123–138. Цит. по: Даль В.И. О повериях, суевериях и предрассудках русского народа. СПб., 1994. С.173.

СОКРАЩЕНИЯ

АФ. – Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: В 3 т. М., 1957.

А – 90, Д – 87, С – 89, СФ – 99, Ф – 84, ШР – 84 и т.п. – номера коллекций материалов архива кафедры литературы Курганского государственного университета

СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ И ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ

Азевища – страшная зевота
 Алатырь – камень с целебными и чудесными свойствами, лежащий в море
 Баской – красивый
 Буёвый – наглый, сильный, драчливый
 Весный – принесенный ветром
 Вежливец – знахарь, охраняющий свадьбу
 Веред – чирей, нарыв
 Вичка – ветка, прутик
 Вишь – ветка
 Галиться (сгалиться) – издеваться, смеяться
 Глоть – глотка, горло
 Голик – облетевший веник, которым парились в бане
 Горенка – передняя часть дома
 Грызь – грыжа
 Диканиться – издеваться
 Ерень – сердитость, беспокойство, раздражительность
 Ехидки – злые существа, боль
 Жаба – ангина, болезнь сердца, удушье
 Живот – богатство
 Жужелица – жучок
 Заболонное – внутреннее
 Зажоры – вязкое место
 Знаткая – знающая заговоры и магические действия
 Играть – дружить, проявлять симпатию
 Изгой – урон, ущерб

Изурочить — сглазить
Каганец — лампадка; котелок, вмазанный в печь
Кила — опухоль, грыжа
Колотье — острая боль в животе
Комуха — лихорадка
Кочевряжиться — беспокоиться, капризничать
Легота — облегчение
Ленный — льняной
Лузья — луга
Матица — несущая балка потолка
Молодик — молодой месяц
Обмереживать — обводить кругами
Одумивицы — задумчивость, отрешенность, близкие к помешательству
Отговорка — слово, более сильное того, что нанесло вред
Охлупень — бревно, венчающее крышу дома
Пелегаться — нежиться
Пелена — культовое покрывало
Перекрой — умирание, исход месяца
Перст — палец
Печика — кирпич в печи
Позаголовный — в голове
Повсегда — всегда, в нужное время
Пожелоты — пожелтение
Позаноготный — из-под ногтя
Покучусь — скажу нужду
Полоно — половина (?)
Полохаться — пугаться
Полуденница — злобное существо, беспокоящее ребенка в полдень
Полуночница — злобное существо, вызывающее ночную бессонницу, беспокойство
Поседевшая — дневная
Постоечка — заступница
Поталь — сусальное золото
Появы — чудо, диво, невиданное, колодовское, появившееся
Прижиги — боль, как от ожога
Призор — сглаз

Прикос — сглаз
Пристатки — то, что прилипло
Притки — сглаз
Проворожные глаза — оказывающие дурное воздействие
Простоволоска — женщина с непокрытой головой
Пялиться — глядеть в упор
Прясло — загородка, ограждение (огорода, выгона, деревни)
Родимец — падучая
Росстань — перекресток дорог
Руда — кровь
Самокрутка — ушедшая «убегом» — без согласия своих родителей — замуж
Старуня — старуха
Сродная — двоюродная
Стан — хребет (становая жила — спинной мозг)
Студенец — колодец, холодная вода
Сумяжные (сумежные) — смежный, вызывающий ссору
Сухотка — рахит
Трясовица — лихорадка
Уборочка — кружево на подолах
Уклад — нижний венец дома, сталь, металл
Ураз — порез, урок, сглаз
Утин — радикулит
Хитки — злой, нечистый дух, похищающий здоровье; беды
Хитрость — тайные знания
Хмельная баня — подданная пивом
Хоть — плотское эротическое желание
Худоба — судороги
Хулуйтесь — делать неправое дело
Цело (чело) — вход в печь, передняя ее часть
Чазнуть — сохнуть
Чемер — головная боль
Черемной — красный, рыжий
Шалый — бешеный
Шоркать — тереть
Щекотуха — детская болезнь, щетинка
Яриться — дразнить, злить, озлоблять
Ятра — яйца

Указатель тем заговоров

Ангина 21, 282
Беды 12, 25, 49, 100, 284
Бессилиемужское 26, 56, 86
Бессонница 67, 155
Болезнь сильная 267
Буянство мужа 15, 100, 101, 102, 252, 254, 255
Варикозное расширение вен 21, 88
Волки 270
Воровство 102, 103, 104
Враги 97, 187, 267
Все беды 104, 105, 262, 263
Все болезни 84, 86, 151, 194
Все напасти 266, 268
Вывих 84, 87
Глоть 21
Головная боль 21, 284
Грыжа 147, 148, 162, 196, 200
Дурной глаз 84, 85
Дорога путь 96, 97, 98, 187, 262, 263
Дорога своего ребенка 99, 203, 260
Замужество 120
Заноза 77, 78, 168, 175, 178, 195, 209, 269
Здоровье 97
Здоровье домашних животных 27, 92, 93, 271
Зоб 64, 81, 116, 124, 125, 135, 145, 154, 164, 170, 181, 190, 194, 201
Золотуха 80, 162
Зубы 26, 32, 38, 40, 52, 53, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 139, 141, 142, 175, 179, 180, 193, 195, 203, 252, 268, 274
Испуг 8, 28, 35, 36, 37, 58, 59, 61, 62, 64, 66, 67, 69, 70, 75, 80, 83, 84, 158, 162, 163, 165, 166, 189, 191, 203, 208, 216, 223, 224, 225, 226, 232, 233, 234, 238, 240, 245, 246, 247, 248, 261, 272, 273
Испуг и урок 224, 225, 226, 227, 233, 238, 240
Кашель 170
Корь 168
Костяной лом 161, 188, 265
Лень 14
Лихорадка 151

Лишай 79, 169, 271
Ловля рыбы 25
Ломота 185
Любовь мужа 119
Люди злые 97, 208, 267
Мельница 97
Нарыв 271
Нервы 83
Огородные вредители 90, 151, 155, 199
Ожог 71 – 76, 166, 185, 269
Остановка крови 33, 47, 182, 183, 252, 268
Остуда 120
Отсуха 253
Отсушка – присушка 125
Первый выгон скота 51, 51, 65
Переполах 59
Повседневная 263
Полнота 82
Полуденница – полуночица 46, 63 – 66, 156, 157, 158, 216, 222 – 227
Послушание домашних животных 28, 30, 92
Порча 13, 14, 29, 56
Призоры 147
Присушка 18, 106, 120, 125, 144, 148, 170, 172, 173, 186, 201
Притки 47,
Приход покойника 19
Проводы в армию 25, 26
Пули 57, 95, 267
Пьянство 16, 41, 99, 100
Разлад в семье 253
Родимец 30, 59, 60, 62, 68, 69, 70, 193, 215, 242, 243, 284
Рожа 10, 23, 79, 91, 92, 178, 208, 209, 211, 225, 265
Сатана 185
Сбор грибов 25
Свиное чудо 80
Сглаз 231, 232, 237 – 239
Скорби 188
Собачья старость 20
Сон 199, 262
Ссора в семье 39, 124, 183, 253

Страх	185
Суд	176, 257
Судьба девочки	18
Судьба мальчика	18
Тоска	18, 88, 253, 261
Тоска любовная	121 — 127, 198
Тоска по усопшему	88, 89, 160
Укус змеи	152, 174
Укус клеща	82
Урожай	92, 265
Ушная боль	260, 265
Уроки, переполохи	23, 24, 46, 61, 65, 163, 164, 165, 169, 184, 188, 189 — 192, 197, 226, 227, 228, 236, 273
Уроки, родимцы	243
Утин	31, 57, 81, 82, 169, 184, 223, 228 — 236, 238, 239, 284
Хитки, притки	166, 182
Человек злой	22
Чирий	79, 151, 169
Щекотуха	160
Щипотина	192

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
I. СВОЕОБРАЗИЕ БЫТОВАНИЯ ЗАГОВОРОВ	10
II. САКРАЛЬНАЯ СИЛА СЛОВА	42
III. КЛАССИФИКАЦИЯ И ТЕМАТИКА ЗАГОВОРОВ	54
IV. ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ ЗАГОВОРОВ «НА ЗУБЫ»	126
V. ФОРМУЛЬНОСТЬ В ЗАГОВОРАХ	143
VI. ПОЭТИКА ЗАГОВОРОВ	180
VII. МАГИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ	206
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	213
ПРИЛОЖЕНИЯ	215
ПРИМЕЧАНИЯ	274
СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ И ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ	281
УКАЗАТЕЛЬ ТЕМ ЗАГОВОРОВ	284

Научное издание

Федорова Валентина Павловна

**ЧЕЛОВЕК И СЛОВО В ЗАГОВОРАХ:
Южное Зауралье. Конец XX века**

Монография

Макет и верстка:
полиграфический центр КГУ

Подписано в печать 25.04.2003 г. формат 60x84/16. Бумага ВХИ.
Печать офсетная. Усл. п. л. 18.0. Заказ 646 Тираж 650.
Отпечатано с готовых матриц полиграфического центра Курганского
Государственного университета в ГУП «Куртамышская типография»
Администрации Курганской области
г. Куртамыш, ул. 22 Партсъезда, 7
тел. /факс 9-15-59.

Федорова Валентина Павловна - доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой литературы Курганского государственного университета. Лауреат премии имени В.П. Бирюкова, автор более 100 научных работ, опубликованных в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Омске, Челябинске, Шадринске и т.д. Участвовала в работе 30 Международных, Всероссийских, региональных, внутривузовских конференций. Создала уникальный фольклорный архив. Автор 9 книг, методических руководств для студентов-филологов и краеведов. Руководит научной работой аспирантов и студентов.